

К 1210 413

Г.А. АКИНЬХОВ

ЭВАКУАЦИЯ

Вологда
1992

Г. А. АКИНЬХОВ

ЭВАКУАЦИЯ

К 1210413

Вологда
1992

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

63.3(2)722.72

A39 + КСР + КМИ

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Январь сорок второго	6
Февраль сорок второго	15
Март сорок второго	35
Апрель сорок второго	62
Драма упущенных возможностей	79
Спустя пятьдесят лет	89
Ссылки на источники	101
Приложения	103

Г. А. Акинъхов. ЭВАКУАЦИЯ

Журналист Г. А. Акинъхов уже не раз обращался к теме пребывания жителей блокадного Ленинграда на Вологодской земле. Настоящая книга повествует об одной из наиболее трагических страниц истории войны — эвакуации гражданского населения из города на Неве. Герои этого издания, павшие и живые, отнюдь не вымышлены, их судьбы — в письмах и документах

Книга издана при спонсорском участии предприятия «КРИС—Кричфалуший», фирмы «ЛЕБЕДЕВ».

ISBN 5—87590—015—6

© Издательство
Вологодского областного
института повышения
квалификации и перепод-
готовки педагогических
кадров

ОТ АВТОРА

Самой драматической страницей в летописи эвакуации времен минувшей войны было, очевидно, вызволение свыше полумиллиона ленинградцев из блокированного города в январе—апреле сорок второго года. Тысячи трупов оставлены на мучительном пути от Финляндского вокзала до ближних и дальних станций на другом берегу Ладоги. Трагедии тех дней отдаются во многих сердцах и **сегодня**.

О том, как шла эта эвакуация, объявленная Государственным Комитетом Обороны 22 января сорок второго года, на одном из ее напряженнейших участков—по Северной железной дороге (в пределах Вологодской области), рассказывается в книге. Но, по замыслу автора, это отнюдь не детальное описание организации эвакуации, это скорее (так, по крайней мере, хотелось сделать) хроника человеческих судеб, с нею связанных, в какой-то степени история трагедий, происшедших в те дни на вологодской земле.

Факты—ужасающи. Впервые я столкнулся с ними, когда работал над книгой «Вологда прифронтовая» (первое издание вышло в 1984 году). Тогда довелось встречаться с очевидцами событий, знакомиться с архивными документами. Но не было целостности восприятия, туманен был масштаб трагедии. Хотя и сегодня не оценить ее во всем объеме, тем не менее, многое открылось с выходом в свет в 1990—1991 годах в Вологде двух томов «Реквиема памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны».

«Реквием» создан усилиями известной многим в стране группы «Поиск» Вологодского пединститута. Группа образовалась в семидесятые годы из студентов и преподавателей по инициативе Петра Андреевича Колесникова, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки России. Как заметил вологодский поэт Александр Романов, «молодые историки почув-

ствовали, не упустили тогда момент в смене поколений, когда промедли еще немного и угаснет живая память очевидцев, рассеются многие свидетельства терпения и героизма». Работу над «Реквиемом», а готовится уже третья ее часть, возглавил вместе с П. А. Колесниковым его преемник, сегодняшний научный руководитель «Поиска», он же и ответственный редактор книги, Валерий Васильевич Судаков, кандидат философских наук, ныне ректор Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, председатель областного комитета защиты мира.

Так вот, «Реквием» своими списками тысяч погибших уже за пределами блокады, хотя и приблизительно, но показал истинные масштабы трагедии, назвал поименно ее жертвы. Вдумаемся в цифры: по выявленным в ходе работы над 1-й и 2-й частью «Реквиема» данным, пока еще неполным, в годы войны на территории Вологодской области умерло 10865 эвакуированных. (Заметим, что речь в книге идет в подавляющем большинстве о ленинградцах). Из них 2109—в возрасте до семи лет, 1339—от восьми до шестнадцати, 1870—от семнадцати до тридцати, 2521—от 31 до пятидесяти. Старше пятидесяти—2792. Женщин—больше половины умерших—5740, от годовалого возраста до старческого. Из всех десяти с лишним тысяч умерших в годы войны половина нашла смерть за три месяца—февраль, март, апрель сорок второго (включая скончавшихся в пути и захороненных на территории области), когда шли эшелоны с блокадниками.

А как учесть всех тех, кто погиб под бомбежками? А куда, в какой счет отнести, скажем, такой факт, о котором сообщал в группу «Поиск» в декабре 1990 года Виктор Александрович Ершов из Санкт-Петербурга: «Начиная от Ладожского озера и до Вологды из нашего вагона были сброшены вдоль пути около десяти умерших?»

Это страшно, но это было. Так же как и то, что, например, за три месяца зимы и весны сорок второго только в Череповце, одной из станций Северной железной дороги, выгружен из вагонов ленинградских эшелонов 1301 труп, что подтверждается документально. Тысячи людей умерли в вологодских госпиталях, больницах, медпунктах, некоторые—в автомашинах, пока их везли от вокзалов до лечебниц.

...В январе 1991 года мне как одному из авторов вступительной статьи к первой части «Реквиема» (написана вместе с П. А. Колесниковым) довелось быть участником презентации этой книги в Санкт-Петербурге (тогда еще Ленинграде). Перед началом каждому, кто пришел на встречу с авторским коллективом, подарили книгу и цветок гвоздики. После того как при

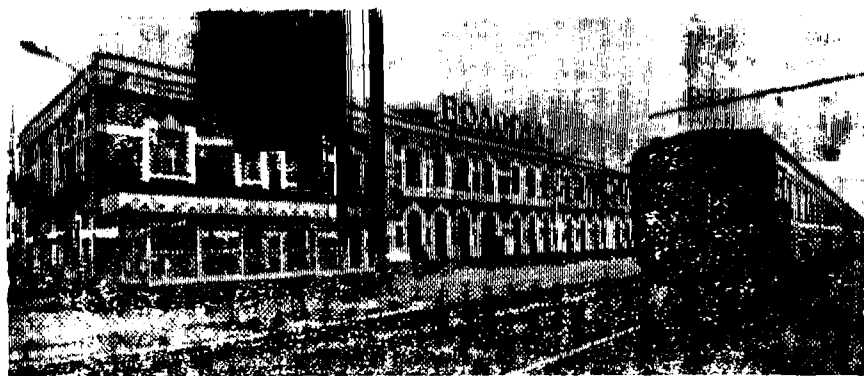
гробовой тишине выступили и ленинградцы, и вологжане, и ведущий—Михаил Дудин объявил об окончании официального знакомства с книгой и ее составителями, словно прорвало: вся сцена оказалась заполненной людьми из зала. Подаренные бло-кадникам цветы, гора гвоздик, легли на стол перед Любовью Константиновной Судаковой, ответственным составителем книги. Она, растерявшаяся, стояла с охапкой цветов и не знала, что сказать в ответ. А к ней все подходили и подходили...

Когда позже я читал письма, пришедшие из Санкт-Петербурга в Вологду уже после той презентации, пожалуй, в этот момент понял особенно, что стояло за тем молчаливым порывом людей, несших цветы в президиум. Ибо теперь они этот порыв выражали словами: «Реквием», созданный вологжанами, стал мостиком памяти между ушедшими было в безвестность и теми, кто жил сегодня. Ведь тогда, в момент смерти на вологодской земле, каждый ленинградец был для кого-то оставшегося матерью, отцом, дочерью, сыном, сестрой, братом...

П. А. Колесников и В. В. Судаков, авторы предисловия ко 2-й части книги, пишут: «Трагические судьбы тех, кому посвящен «Реквием», не могут оставить равнодушными ныне живущих. «Реквием»—не только своеобразный памятник в честь эвакуированных, не только напоминание об их неповторимом мужестве и стойкости, об их ни с чем не сравнимых муках и лишениях. «Реквием», как надеются его составители,—маленькое звено, без которого цепочка поколений представлялась бы разорванной. Нынешние поколения должны постоянно ощущать присутствие или отсутствие тех, кто жил или мог жить ранее. Они должны оставаться в нашей жизни».

Полностью солидарен со сказавшими это.

Премного благодарен составителям «Реквиема» за то, что они предоставили мне широкую возможность в процессе подготовки книги использовать архивы поисковой группы.

ЯНВАРЬ
СОРОК ВТОРОГО

П ЕРВЫЙ эшелон с эвакуированными по решению ГКО ленинградцами пришел в Вологду 26 января 1942 года. Очевидцы рассказывали: «С поезда снимали не только больных, но и десятки трупов... Не доходило до сознания, что в Ленинграде так плохо...» Нужно было немедленно спасти массу людей от смерти.

За два дня до прибытия первого эшелона Вологодский обком ВКП(б) и облисполком приняли постановление о приеме и размещении в области, как предписывалось решением Совнаркома СССР от 18 января, двадцати тысяч ленинградцев. Документ стал основополагающим на ближайшие месяцы. Однако он был принят в день, когда первый поезд с эвакуированными уже прошел станцию Волховстрой, — времени для серьезной подготовки к пропуску полумиллионного потока оставалось крайне мало. И, как показали первые же дни, постановление далеко не учло, что придется иметь дело с людьми, среди которых многие находились на грани смерти, что сотни больных будут оставлены на станциях и в городах для лечения.

Постановление скорее мимолетно предупреждало, что среди эвакуированных есть люди «слабые и больные», не требовало всесторонней подготовки местных медицинских учреждений к приему блокадников, создания дополнительных мест лечения в стационарах, выделения медицинских кадров специально для работы с эвакуированными. Можно винить за это местные органы, но, наверное, большую долю вины несет и руководство выше, не предупредившее (или плохо предупредившее), в каком неопируемо тяжелом состоянии везут многих ленинградцев. (Вспоминается сказанное Александром Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ» о том, что страшную 58-ю статью в 1942 году «получали повсюду и те, кто клеветал, будто в заблокированном Ленинграде люди умирали с голоду»¹).

«Встреча первого эшелона показала, — сообщается в «Отчете о работе по эвакуации населения из города Ленинграда...» (Вологодский облисполком), — что... больных будет поступать значительно больше и с более тяжелыми болезнями, чем предполагали, поэтому встала срочная необходимость немедленно организовать в Вологде и на промежуточных пунктах специальные эвакуогоспитали и значительно усилить работу существующих медпунктов. В Бабаеве, Череповце и Вологде вновь... начали работать... над созданием эвакуогоспиталей, часть зданий, оборудованных

под общежития.., перестраивалась... В течение трех суток помещения были элементарно приспособлены.., можно... поместить до 2175 больных. Госпитали комплектовались кадрами, оборудованием, медикаментами и сразу же заполнялись больными снимаемыми с проходящих эшелонов... Одновременно с этим... расширены медпункты на вокзалах...»²

Все это, конечно, делалось не сразу и, к сожалению, не столь организовано, как говорится в отчете.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ. ДОКУМЕНТЫ.

Из воспоминаний М. А. Прокушевой, главного врача Вологодского эвакогоспиталя № 1 для эвакуированных ленинградцев

26 января 1942 года я вернулась со строительства оборонительных рубежей под Вологдой, в районе станции Дикой, где занималась медицинским обслуживанием. Сразу пришла в горздравотдел. В этот же день, 26 января, получила новое назначение—главным врачом в открывающийся временно госпиталь для эвакуированных ленинградцев. (До «окопов» я работала в Вологодской городской больнице по специальности врача-невропатолога).

Госпиталь № 1 занял половину помещения городской поликлиники, что на площади Революции, в центре города. Спустя какое-то время выделили часть здания областной библиотеки на улице Лермонтова (теперь здесь областная филармония.— Г. А.). С первых же минут столкнулась с громадными трудностями: нехваткой медицинского оборудования, медикаментов, персонала, хозяйственная служба практически отсутствовала. На 160 коек больных—два молодых врача, только что окончивших институт, сама—третья.

А больные с первого же дня поступали в большом количестве и в крайне тяжелом состоянии, ходячих было мало. Привозили их сразу целыми автобусами. Большинство—дистрофики, к тому же многие страдали кишечными заболеваниями, с поносом. Некоторые поступали в состоянии агонии—не успеешь положить на койку—умер. Сказать ничего не могли. Часть из них—без документов, так и не знаем, кто они. Среди больных много хирургических, с обморожениями, особенно ребятишки—фээзушники, с гангренами пальцев, стоп. Помню, целая палата таких была. Я к заведующему облздравотделом Горшкову:

— Михаил Иванович, что же вы кладете ко мне хирургических больных, у нас же их лечить некому!

— Сам приду!

Пришел, двоих с гангреной жеревязал.

Иногда вызывала специалистов из военных госпиталей, из вологодских больниц, но у них ведь своих дел по горло. Или, представьте, привозят автобус больных, надо их вымыть. А мыли в двух корытах—больше ничего не было. сколько усилий для одного мытья требовалось. Вода в корыте черная от вшей...

Были минуты отчаяния, говорила Горшкова: не могу больше работать, как хотите. Но заменять не собирались, а больных везли и везли.

Приходила в госпиталь в семь утра. С осмотра самых слабых начиналась лечебная работа, весь день обходы. Уходила домой часов в одиннадцать вечера. Ночью дежурных врачей не было.

До хозяйственных дел часто не доходили руки, что усугубляло и лечение. Далеко не сразу наладилась нормальная организация питания. Поначалу своего пищеблока не было, еду привозили на санках из столовой, а ведь дело зимой было, в суровые морозы. Долго не могли проводить дезинфекцию одежды и вещей, а больные поступали завшивленные, в городе—тиф. Не знали как вывезти и захоронить трупы—отсутствовал свой транспорт. Не было дров.

Позже, уже в марте, в госпиталь направили комиссаром Лидию Васильевну Соломонову, работника областной прокуратуры. Она мне сразу сказала: лечи, а об остальном не беспокойся. Неоценимые услуги оказала, всю хозяйственную ношу сняла. Раньше меня в госпиталь приходила, а уходили почти в одно время.

Больные поступали в очень тяжелом состоянии. Психика у многих была измененная. Дашь тарелку супа, кладет на кровать и закрывает одеялом, тянется за другой. Многие погибали—мы ничего сделать не могли. Мучительно вспоминать...*

От автора. Мария Алексеевна Прокушева, рождения 1897 года, с 1918-го—фельдшер в госпиталях Северного фронта. Потом училась в Пермском мелинституте, работала в разных лечебных учреждениях. Во время финской кампании и до сентября 1940 года—врач в Мурманском госпитале, потом — в Вологодской горбольнице. В госпитале № 1 для эвакуированных ленинградцев работала до июля 1942 года, затем снова в лечебных учреждениях Вологды.

...Лидия Васильевна Соломонова, которую в своих воспоминаниях упоминает Мария Алексеевна, рассказывала: «Помню, один ленинградец настоятельно просил мою фотокарточку, обещал нарисовать портрет, а я отказалась, не было времени. Мария Алексеевна дала ему свое фото. Действительно, он нарисовал ее портрет, с благодарственной надписью.

* Здесь и далее сохраняются орфография, пунктуация и стиль документов и писем, цитируемых в книге.

...Я видел этот портрет в квартире заслуженного врача РСФСР М. А. Прокушевой незадолго до ее кончины. Портрет висел на самом видном месте. Имелась и благодарственная надпись: «Врачу Марии Алексеевне обязан жизнью. Скульптор Ян Варич. 16.04.1942 г. Вологда».

...В январе 1991 года во время презентации книги «Реквием» в Санкт-Петербурге, когда я упомянул об этом эпизоде, известный ленинградский скульптор Михаил Константинович Аникушин сказал, что Ян Варич многие годы после войны работал в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, недавно умер.

Из воспоминаний Л. А. Блонштейн (Сайкиной), в 1942 году сандружинницы при медпункте станции Вологда-I

По сути дела, ленинградцы ехали без ничего. Молчаливые, задумчивые, в разговор вступали неохотно, но на вопросы отвечали. Если помогали им—благодарили. Большинство в эшелонах—рабочие, домохозяйки, ремесленники, так запомнилось. Заводы ехали коллективами—выделялись. Другие эшелоны—сборные: женщины с детьми, учащиеся... Заметна была организованность.

Все эшелоны одинаковые, некоторые—растрепанные, вагоны—побитые. А в Вологде уже комплектовались хорошими вагонами...

Эшелоны поступали на Вологду-I и II. Мы дежурили на первой. Поезда здесь подходили к вокзалу на 4-й, 5-й, 6-й пути. Нас, сандружинников, обычно дежурило восемь человек. Подходили к вагону—двери открыты: до нас побывала милиция и врачи. Мертвые уже вынесены на платформу, подъезжали возчики на лошадях, трупы грузились в сани. Нам давали список—кого из вагона брать: эвакуированные помогали их спускать. Лестницы примитивные, на крючьях. Когда больных укладывали на носилки, мы брали у них документы или что есть. Особенно расспрашивали ребяташек, чтобы потом не спутать фамилию.

Кто мог идти—помогали, придерживали. Кто не мог—несли на носилках. Автобусы маленькие, на 25—30 человек. В них грузили тех, кто двигался. Тяжелых доставляли в медпункт, размещали, где могли. Часто бывало: мест нет, едем в другой госпиталь, оттуда—в третий... Везде переполнено. Смотрим, некоторых уже обратно надо везти—умерли.

...Трупы складывали в холодном помещении близ вокзала, ночью вывозили на воинское кладбище. Военные взрывали землю. В воронках и хоронили. Взрывами и могилы засыпали. На этом воинском кладбище за городом, по Пошехонскому шоссе,—и

военные из эшелонов, умершие от ран, и эвакуированные ленинградцы.

От автора. Лидия Алексеевна Блонштейн (в 1942 году Сайкина) вступила в санитарную дружину Общества Красного Креста еще в 1939 году. Во время советско-финской войны работала в госпитале. Окончила до войны курсы медсестер. После войны, до выхода на пенсию, служила в различных учреждениях Вологды.

Из письма Лидии Николаевны Кузьминской (Вологда, 20 ноября 1990 года)

В войну наша семья жила в Череповце, у железнодорожного вокзала. Будучи студенткой Вологодского педагогического института, я часто приезжала домой и видела, как в Череповец приходили составы с ленинградцами, вырвавшимися из блокады. Наш город был одним из первых больших пунктов, где ленинградцы получали горячее питание. Измученные голодом и утомленные тяжелой продолжительной дорогой, они с трудом выбирались из теплушек и шли в столовую. Это было небольшое деревянное старое здание возле вокзала. Люди, не раздеваясь, усаживались за столы и приступали к еде по-разному: некоторые медленно, с трудом приподнимая руки над столом, отламывали кусочки хлеба, подносили его ко рту; другие, завернув в платочки кусочки хлеба, старались как можно быстрее съесть все, поданное им, спешили проглотить суп, горячую пшеничную кашу, чай... И это приводило иногда к тяжелым последствиям и даже к смерти. Я видела, как некоторые, не в силах передвигаться дальше, прижимаясь спиной к стене, сидели у столовой.

Возле здания вокзала, справа, при выходе из него, был построен из досок небольшой сарайчик, куда на носилках приносили трупы людей из вагонов и даже с улиц. Уже окоченевших, их складывали, как бревна, в штабеля, а на другое утро сарайчик был уже пустым. Взрослые нам рассказывали, что в некоторых на руках были надеты неснимающиеся золотые кольца.

Все это сохранилось в моей памяти страшной картиной. Мрачный калейдоскоп сюжетов. Вот к деревянным длинным столам, специально построенным для базара на площади между сосновым парком и зданием вокзала, подбегают люди, неся в руках вещи для обмена, и умоляют, просят продать что-либо съестное. Да, там предлагали вареный картофель, квашеную капусту, даже пирожки... Люди спешили к своим теплушкам...

Из письма Александры Матвеевны Лизуновой, бывшего главного врача Бабаевской районной больницы. (Октябрь 1991 года)

Больные были настолько истощены, что не могли сами ходить, приходилось заносить на носилках. В первую очередь поили ча-

ем, чтобы согреть... Некоторые умирали в дороге от вокзала до больницы (расстояние три километра)...

Питание по тому времени было достаточным. Давалась двойная порция по сравнению с порцией обычных больных, добавляли продукты с подсобного хозяйства: картофель, капусту, молоко. Лекарств было мало, но таким больным отпускали в первую очередь.

Мест в больнице уже не хватало, приходилось развешивать дополнительные койки, и все равно это не спасало. Размещали на диванах, на носилках, дети лежали по двое на кроватях. Выписывали местных больных, которых можно было лечить дома. Не хватало оборудования, белья. Прачкам приходилось работать от зари до зари. Медсестры и санитарки задерживались на смене на 2—3 часа. Постоянно работали два врача (остальных в первые месяцы войны взяли в армию), посылали к нам на два—три месяца и врачей из других мест.

В больнице замерз водопровод. Воду носили из колодца метров за двести—триста. Этой воды хватало только для чая и приготовления пищи. Кончились дрова, приходилось два—три раза в день ездить в лес заготавливать их. Обратилась в руководящие органы, там ответили: «Вы голова, сами и размышляйте». Но потом все-таки дали вторую лошадь, и с дровами дело несколько наладилось.

Больные поступали шивые. Санпропускника не было, и на строительство его ушло бы два—три месяца. Как быть? Решили ежедневно топить баню. Отправляли туда на носилках 7—10 человек и мыли. А санпропускник все же построили. Всех бед, которые обрушились, не перечислить. И в такое время на фронт взяли еще несколько медсестер. Нагрузка на персонал была непосильная. С врачом Верой Петровной Фосфоровой решили устроить что-то вроде курсов. Собрали десять девушек и прочитали несколько лекций по уходу за больными. Эти новые работницы очень помогли нам.

Для тяжелых больных-блокадников открыли в Бабаеве и специальный эвакуогоспиталь. Он разместился в Пролетарской школе, недалеко от больницы. Эвакуированных привозили очень много. Конечных результатов их лечения я не знаю. Но по словам бывшей экономки больницы М. И. Шаляпиной (она ходила мимо госпиталя на работу), каждое утро санитарки несли на носилках несколько трупов в морг больницы, а вечером приезжали солдаты из батальона аэродромного обслуживания на машине и увозили трупы на городское кладбище.

Шло много эшелонов эвакуированных. К поездам выходили бригады дружинниц. Ходячих водили в столовую недалеко от

вокзала, слабым носили пищу по вагонам. Тяжелых больных, которые не могли сходить дальше, снимали с поезда, на носилках несли в железнодорожную больницу или везли в госпиталь в Пролетарскую школу, а больных, осложненных дизентерией, в инфекционное отделение нашей больницы. По дороге в поездах многие умирали. Специальная команда снимала их из вагонов. Умерших складывали в сарай, потом хоронили в братских могилах на городском кладбище. очевидцы рассказывают, что трупы выбрасывали и из вагонов, на ходу: и сами эвакуированные, и охрана. Весной, когда таял снег, трупы собирали.

Из справки начальника управления эвакогоспиталями при отделе здравоохранения Вологодского горисполкома Туркестанской «О госпитализации ленинградского эваконаселения». (Не раньше 25 апреля 1942 года)

К моменту организации управления эвакогоспиталями при горздраве (создано на основе решения исполкома Вологодского областного Совета депутатов трудящихся от 26 февраля 1942 года — Г. А.) существовали общежития (вернее, подобия их), которые напоминали собой вокзал, т. е. в каждой комнате жили по несколько семей—женщины, мужчины, дети, и рядом с кроватью и людьми находилась груда вещей—тюков, чемоданов, грязных с дороги, тут же стояли грязные ведра и ночные горшки. Пища подавалась в кровати. Больные утром не умывались. Обслуживающего персонала было мало. Дежурных врачей не было, ночью больных обслуживала только медсестра. Помещения были непригодные, с плохо работающей, а то и вовсе не работающей канализацией (часто лопались трубы). Кухонные и санитарные блоки совершенно отсутствовали. Больных кормили привозной—из треста столовых—пищей, которая, пока перевозилась, становилась холодной, а подогревать было негде. Пища, как правило, подавалась нерегулярно, кормили два раза в день, третий раз не успевали. Завтрак обычно начинался в 10—11 часов утра и заканчивался в 12—13 часов. Обед затягивался до 8—9 часов вечера.

Грязь и вшивость была большая, в связи с отсутствием санитарного блока больных мыть было нечем и негде. Одна смена белья не могла удовлетворить, т. к. больные, тяжелые дистрофики, в 80 проц. случаев страдали желудочно-кишечными расстройствами (колиты, энтероколиты). Отсутствовали дезокамеры.

Отсутствовало регулярное снабжение медикаментами, медицинскими инструментами. Отсутствовала хирургическая комната—при наличии большого количества больных с обмороженными конечностями и гангренами. Порядок вывоза больных в госпитали

был таков: их грузили в автобус и возили по госпиталям (везде перегрузка), пока какой-либо госпиталь не сжалится и не возьмет. Нормы питания больного: сахара—20 г, масло сливочное—40, мясо и мясопродукты—125, молоко—200, крупа—90, кондитерские изделия—10, хлеб—400 г.³

(Инициалы и биографические данные бывшего начальника управления горздраводства Туркестанской автору не известны).

От автора. В Вологде в последние дни января сорок второго, после прибытия первого эшелона эвакуированных ленинградцев, по воспоминаниям очевидцев, умерли (или сняты из вагонов уже мертвыми) десятки (некоторые говорят—сотни) людей. К великому сожалению, о многих скончавшихся сегодня ничего не известно. У одних не нашли личных документов или памятных записей, как у той девочки, умершей в Вологде 31 января, о которой в «Реквиеме» в графе «Фамилия, имя, отчество» стоит «неизвестная». О других в кошмарной обстановке тех дней не сделали записей в госпитале, куда они попали из эшелона...

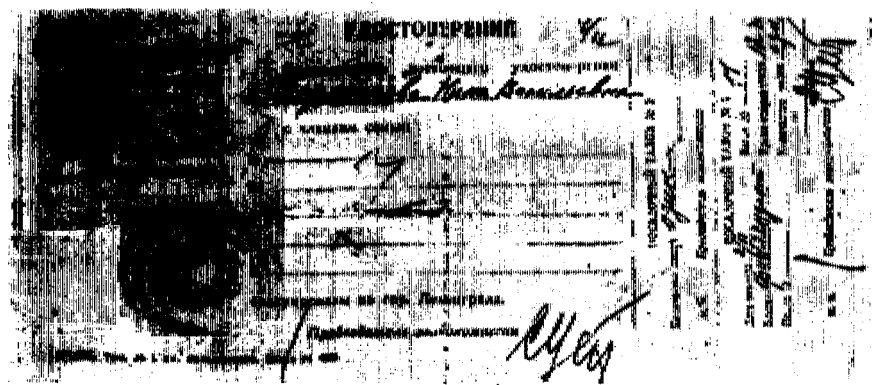
Прочитую фрагмент упоминавшейся уже справки, подписанной врачом Туркестанской (речь идет о начальном периоде работы некоторых вологодских госпиталей для ленинградцев):

«...Отсутствовали элементарные записи на больных (не говоря уже об историях болезни). На клочках бумаги была записана фамилия, без имени-отчества, без адреса, без указания на возраст, без указаний, кому сообщить о больном или о смерти больного, порой без диагноза, без подписи врача, без записи о времени прибытия больного и без указания на исход болезни (выздоровел ли, умер ли—неизвестно)».

Были, очевидно, промахи и в работе аппарата учреждений ЗАГСа.

Такова суровая правда, и ее тоже надо знать, в том числе родственникам умерших полвека назад ленинградцев, которые обращаются сегодня в Вологду с просьбой помочь найти следы пропавших без вести эвакуированных, их могилы... Группе «Поиск», пропустившей через свои руки более ста тысяч бланков с регистрацией смерти, приходится сегодня перебирать их вторично, чтобы выявить эвакуированных из Ленинграда уже по косвенным признакам (имена тех, о ком в записях было определенно сказано, что они ленинградцы, занесены в первые две части «Реквиема»).

Вот почему и данные со ссылкой на «Реквием», которые использованы в последующих разделах «Хроники эвакуации», следует считать неполными, не отражающими всей правды о количестве умерших (в том числе снятых с поездов и официально зарегистрированных учреждениями ЗАГСов).

ФЕВРАЛЬ
СОРОК ВТОРОГО

ИЗ ХРОНИКИ ЭВАКУАЦИИ

1—3 февраля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—39, в Череповце—4, в Вологде—25, всего—68 эвакуированных.

3 февраля в Вологде скончался шестидесятилетний профессор Ленинградского (в г. Пушкине) сельскохозяйственного института Николай Иванович Юферов. Биографическими данными о нем автор не располагает. Но, скорее всего, профессор Юферов из той группы ученых-ленинградцев, которые, эвакуировавшись, работали в это время в Вологодском сельскохозяйственном (ныне Молочном) институте.

Среди них—Михаил Иудович Дьяков, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный деятель науки России, много лет руководивший Пушкинской зоотехнической лабораторией. Его труды (как и Е. А. Богданова, И. С. Попова) по вопросам кормления сельскохозяйственных животных стали основополагающими в СССР. С августа 1941 года в эвакуации находился известный ученый-физик из Ленинграда, один из пионеров практического использования лучей Рентгена в Советском Союзе Николай Яковлевич Селяков. Он приехал в Вологду, уже имея ученую степень доктора технических наук, которая была присуждена ему в 1937 году без защиты диссертации за серию работ в области рентгенографии. Н. Я. Селяков возглавлял, будучи в эвакуации, кафедру физики Вологодского сельскохозяйственного института. Здесь же работали эвакуированные ленинградские ученые — доктора наук, профессора Дроздов, Шлыков...

Николай Иванович Юферов—один из них, пусть его имя будет в памяти и сегодняшних студентов и преподавателей Пушкинского сельхозинститута...

4—5 февраля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—24, в Череповце—9, в Вологде—31, всего—64 эвакуированных.

5 февраля в Вологду прибыл эшелон с учащимися 3-го ремесленного училища Ленинграда. Эвакуированные подростки были в столь тяжелом состоянии, что помощник начальника Вологодского (второго) отделения СЖД в 21 час по телефону поставил об этом в известность секретаря Вологодского обкома ВЛКСМ Л. Попову, просил помощи. Она, выслушав его, собра-

ла кого могла—двадцать комсомольцев, выехала с ними на вокзал и сама. Далее цитирую по документу, подписанному Л. Поповой. Она сообщает, что во всех вагонах не было нар; отдельные—не отапливались: «...шинели учащихся примерзали к полу»; трупы не убраны—«лежали продолжительное время». «Когда с группой комсомольцев принесли дрова к эшелону, открыли один из вагонов, в котором ехали руководители училища, то директор сказал: дровами не отделаетесь, нужны нары и т. д. Директору сообщили, что это вологодские комсомольцы пришли помочь во всем, что в наших силах. В г. Вологде эшелон был обеспечен питанием. Все вагоны были обеспечены дровами. Были сделаны нары. Врачи эвакупункта с помощью комсомольцев составили акты на умерших и убрали трупы... В эту ночь мы предприняли все, что было в наших силах».

От автора. Попытался выяснить, кто же эти умершие ремесленники. Из десяти тысяч человек, внесенных в списки двухтомного «Реквиема», 5 февраля 1942 года в Вологде зарегистрирована смерть пятнадцати. (Кончину в пути, как правило, регистрировали на станции, где выгружались трупы). Среди этих пятнадцати значатся пятеро детей (до двенадцати лет), двое взрослых (27 и 45 лет), остальные—девушки и юноши от 15 до 18 лет. Это Николай Зайцев, Александра Кулаковская, Людмила Липец, Павел Новиков, Георгий Пикалев, Александр Садков, Алексей Торюков, Федор Данилов. Однако не указано, что они учащиеся ремесленных училищ. Остается предполагать, что кто-то из них, а возможно и все,—из этого эшелона.

В целом статистика об эвакуированных ленинградских ремесленниках вызывает большие сомнения, равно как и оценки организации их эвакуации в некоторых исследовательских работах послевоенного времени. Вот что, например, пишет Э. С. Котляр в своей монографии «Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны» (М. Высшая школа, 1975), в разделе «Эвакуация учебных заведений...»: «Благодаря четкой организации эвакуации учащихся были переброшены учебные заведения не только с запада, юга и центральных районов страны, но также из осажденного Ленинграда». Между тем, в опубликованной почти вслед за этими словами таблице, характеризующей масштабы эвакуации из разных городов, областей и республик (всего 32), лишь по городу Ленинграду не указано, сколько ремесленных училищ и школ ФЗО было эвакуировано, сколько в них учащихся ФЗО. Названа лишь цифра эвакуированных ремесленников—739, явно заниженная. Очевидно, это не вина автора монографии, т. к. он ссылается на то, что таблица составлена на основе документа, находящегося в

1210413

Библиотека
И. М. В. Бабушкина

ЦГАОР СССР. Но в упрек автору можно поставить столь оптимистические обобщения, как процитированное выше. (Кстати, в одном из документов сборника «900 героических дней» показано такое количество эвакуированных с 22 января по 15 апреля 1942 года учащихся ленинградских ремесленных училищ — 32896.¹ (В пятом томе «Очерков истории Ленинграда» дана другая цифра—28454,² хотя даты отсчета—те же).

...В процессе работы над этой хроникой довелось беседовать со многими очевидцами событий тех дней. Время выветрило из памяти незначительное, оставило на всю жизнь самое резкое, яркое. И вот, почти во всех воспоминаниях всегда присутствовали подростки-ремесленники из Ленинграда.

К. М. Смирнов: «Умирали на руках. Особенно запомнились ученики ФЗО и ремесленных училищ. В шинельках. Наклонишься, возьмешь на руки, смотришь—умер».

Л. А. Блонштейн (Сайкина): «Много гибло ремесленников. Пока развозят по госпиталям, до десятка умрет».

Если внимательно прочитать в «Реквиеме» списки погибших ленинградцев, почти на каждой странице можно увидеть слова «РУ» и «ФЗО». Не было почти ни одного дня (со времени начала массовой эвакуации ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения), чтобы только на трех станциях—в Бабаеве, Череповце или Вологде не умирал их учащийся (а иногда до десятка). А сколько их не попало ни в какие документы...

6 февраля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—10, в Череповце—5, в Вологде—14, всего—29 эвакуированных.

В Бабаеве умер трехлетний Олег Булкин. 25 февраля здесь же скончалась Анастасия Семеновна Булкина, 39 лет. Мать и сын? В Ленинграде они жили в одной квартире по улице Боровой.

Здесь же, в Бабаеве, с поезда сняли труп девочки, в документах о смерти которой смогли записать только имя—Анна.

В Вологде скончался семидесятилетний Шавель Менделевич Стрович. На следующий день — Муся Самуиловна Стрович, 55 лет. Муж и жена? В Ленинграде они жили на улице Казначейской, д. № 6, кв. 56...

7 февраля. Передо мной лежат документы: удостоверение эвакуированного из Ленинграда и продовольственные карточки для получения продуктов питания в пути. Их сохранила Нина Васильевна Терехичева, ныне пенсионерка, живущая в Вологде, а в сорок втором—студентка Ленинградского педагогического института имени Герцена. 7 февраля 1942 года она прибыла из Ленинграда в Череповец, о чем свидетельствует штамп на продкарточке: «Череповец—хлеб» (и чернилами—«7.II.42 г.»).

В 1990-м я записал рассказ Нины Васильевны:

«Родом я из Чарозера, ныне Кирилловского района Вологодской области. В тридцать восьмом году поступила на географический факультет Герценовского института. О начале войны узнали в поезде, когда возвращались с Валдая, с практики. А вскоре нас направили рыть противотанковые рвы в районе станции Мшинская под Лугой. Работа тяжелая, по восемь часов, но питание было хорошее: суп, крупа, свинина, хлеб. Спали на свежем воздухе. И вдруг—паника: немцы близко, бомбежки... Нам сообщили, что надо возвращаться в Ленинград. Но как? Бегаем по станции туда-сюда, а уехать никак не можем: людей толпы. Солдаты кричат: «Что вы носитесь? Идите к составу с ранеными, может, возьмут». Не получилось. Тогда решили добираться до Ленинграда пешком, географы все-таки. Были у нас компасы, остались продукты—хлеб, кокосовое масло, селедка. Семь дней в пути. Вышли все. Нам, четверокурсникам, сказали: кто желает получить диплом экстерном, может ходить на установочные лекции. Два месяца читали их нам.

В ноябре—декабре на 5-й ГЭС работали: расширяли хотя сообщения, киркой и ломом в мерзлой земле ковырялись. Засыпали деревянные настилы. Ходили туда пешком, а жили вчетвером у Московского вокзала. За водой—на Неву. Изматывали бомбежки... Вечерами читать было нельзя: и света нет, и сил, глазам больно. Но госэкзамены сдали, дипломы получили.

Как выдержала? Наверно, прежняя сельская закалка помогла и, как ни странно, работа «на окопах»—хорошее там питание и воздух.

2 февраля 1942 года нас с Финляндского вокзала эвакуировали. (В сохранившемся посадочном талоне на удостоверение Н. В. Терехичевой поставлена дата отъезда—2 февраля, время—12 часов, вагон № 11.—Г. А.) Пять дней ехали до Череповца. Там надумала выйти с Валей Карповой, с которой вместе в Ленинграде жили—она череповчанка, решила я в Вологду не ехать, труднее до дома добираться. Дней пять в Череповце жила. Прикреплена была как эвакуированная к гостинице «Москва», кормили тоже как эвакуированную. В кинотеатре «Гори» разговорилась с ребятами, которые, как оказалось, ехали в Кириллов. Позвали в попутчики. До конца не поверила, но все-таки пришла с рюкзаком. Они в самом деле ехали в ту сторону—везли в Вытегру сахарил. 18 февраля добралась до Чарозера. И десять лет отработала здесь учительницей». (До выхода на пенсию Н. В. Терехичева длительное время была инспектором Вологодского облоно.—Г. А.).

...По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—9, в Череповце—6, в Вологде—11, всего—26 эвакуированных. Среди

скончавшихся в Вологде—пятидесятилетний Натал Залманович Стругацкий, главный библиотекарь государственной публичной библиотеки (очевидно, имени Салтыкова-Щедрина).

8—9 февраля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаево—24, в Череповце—2, в Вологде—29, всего—55 эвакуированных.

Девятым февраля датирована запись, оставленная в буфете станции Бабаево: «Мы, ленинградские писатели Ямпольский, Горн и другие, отмечаем четкую работу столовой буфета, особенно выражаем благодарность за чуткое отношение к нам директора Лебедевой...»

Возможно, один из подписавшихся—И. Г. Ямпольский, ленинградский ученый-литературовед.

От автора. В эти месяцы на станциях Северной железной дороги оставили благодарственные записи и некоторые другие деятели науки, литературы и искусства Ленинграда. Одну из них—кинодраматург Л. Н. Рахманов, доктора медицинских наук Яковлев, Бармин (инициалы не поставлены—Г. А.): «Приношу большую благодарность т. Шарманкину (директору—Г. А.) и всему обслуживающему персоналу буфета ст. Вологда за исключительно теплое и внимательное отношение к нам, ленинградцам».

Таких благодарностей на пунктах питания Северной железной дороги эвакуированные ленинградцы оставили в январе—апреле сорок второго года 760.

10 февраля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаево—4, в Череповце—3, в Вологде—11, всего—18 эвакуированных.

В вологодском госпитале скончался Николай Андреевич Тырса, известный ленинградский художник, мастер рисунка, живописец, один из основоположников детской иллюстрированной книги двадцатых годов. Сведениями об обстоятельствах его смерти группа «Поиск» не располагает. Со слов дочерей Николая Андреевича—Марии Николаевны и Анны Николаевны известно только, что 10 марта 1942 года в Ленинградском отделении Союза художников была получена телеграмма: «Вологде скончался художник Тырса сообщите семье». Сестры писали в группу «Поиск», каким запомнился отец незадолго до кончины: «Высокого роста, носил очки. У него была борода, к тому времени уже с сильной проседью... Может быть, кто-нибудь из врачей или обслуживающего персонала той поры его вспомнит?»

Н. А. Тырса родился в 1887 году. В 1905—1909 учился в Петербургской академии художеств и у Л. С. Бакста в школе Е. Н. Званцевой (1906—1910 гг.). В 1918—1922 годах преподавал в Академии художеств в Петрограде, в 1924—1942 — в Ле-

нинградском институте гражданских инженеров. В 1939—1942 годах был участником творческой группы «Боевой карандаш». Его лист «Тревога» вошел в золотой фонд блокадной графики.

В 1983 году в Вологде в областной картинной галерее состоялась выставка работ Н. А. Тырсы. В сообщении о ней в местной газете писалось: «Одухотворенность, цельность, нравственная чистота и неотделимое от нее чувство правды характеризуют творчество Н. А. Тырсы. Тырса умер... в расцвете своих творческих сил, не успев осуществить многое из того, что было задумано».

В 1992 году в Вологде вновь состоялась персональная выставка Н. А. Тырсы из его работ, принадлежащих семье художника, Государственному Русскому музею, Вологодской областной картинной галерее. В информации об открытии выставки в местной печати сообщалось также, что по ходатайству областного комитета защиты мира, Вологодской картинной галереи, группы «Поиск», составителей и общественной редколлегии книги «Реквием... 1941—1945» и при содействии отдела культуры администрации Вологды решено на склоне братской могилы мемориала ленинградцев-блокадников на Пошехонском кладбище поместить памятную плиту со словами: «Выдающийся русский художник Николай Андреевич Тырса. 1887—1942. Жил и работал в Ленинграде, скончался в Вологде».

Автор корреспонденции «В осажденном городе» Тамара Сталева (газета «Советская культура» за 14 мая 1985 года) упоминает вместе с Н. А. Тырсой и умершего по дороге в эвакуацию ленинградского художника Ивана Холодева. Его фамилии в «Реквиеме» нет, обстоятельства смерти пока не известны.

11 февраля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—14, в Череповце—1, в Вологде—15, всего—30 эвакуированных.

В вагоне поезда с воспитанниками и преподавателями Ленинградской авиационной специальной школы скончался, не доехав до Вологды, пятнадцатилетний Игорь Калинин. (Авиационные, а также военно-морские и артиллерийские спецшколы были созданы незадолго до войны. В них принимали юношей, окончивших семь классов.—Г. А.)

Брат Игоря — Юрий Иннокентьевич Калинин из Санкт-Петербурга в феврале 1991 года писал в вологодскую группу «Поиск»: «По моему запросу в Ойрот-Туре, куда была эвакуирована школа в 1942 году, воспитатель Игоря ответил: «Ваш брат, Калинин Игорь Иннокентьевич, не вынес трудностей дороги и умер в вагоне 11 февраля 1942 г., не доезжая Вологды. Похоронен неизвестно где».

Сегодня группа «Поиск» ищет по документам место захоронения Игоря Калинина...

12 февраля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—12, в Вологде—25, всего—37 эвакуированных.

В Вологде скончалась Вера Михайловна Андреева, 68 лет.

В начале 1991 года в Вологодский областной комитет защиты мира (В. В. Судакову) пришло письмо из Санкт-Петербурга от ветерана труда Любови Васильевны Ачкасовой и инвалида войны Софьи Васильевны Андреевой:

«Наши родители Андреев Василий Андреевич, Андреева Вера Михайловна были эвакуированы из Ленинграда 4 февраля 1942 года в г. Буй Костромской области, к родным. Но, к сожалению, туда не доехали. Поезд прибыл в Вологду примерно в середине февраля. С ними ехала внучка 11 лет—Катя Андреева, и внук 15—16 лет — Андреев Борис. 19.11 девочка попала в детский приемник, а затем ее отправили в Ершовский детский дом. Родителей наших, как сказала Катя, отправили в больницу. Мальчик Боря пошел на станцию, чтобы принести воды для питья, но обратно не вернулся, видимо, тоже попал в больницу.

Три года Софья Васильевна разыскивала всех их, но Москва сообщила, что о родителях ничего не известно, а девочка находится в детдоме. Я имела с ней письменную связь. По возвращении с фронта в 1945 году разыскала ее в детдоме и взяла к себе на воспитание, так как ее родители скончались в Ленинграде во время блокады...

Мы надеемся, что в комитете имеются сведения о захоронении наших родителей...»

Группа «Поиск» сообщила Л. В. Ачкасовой и С. В. Андреевой, что их мать, Вера Михайловна Андреева, умерла в Вологде 12 февраля 1942 года, отец, Василий Андреевич Андреев, — на следующий день здесь же, двоюродный брат, Борис Иванович Андреев,—16 марта 1942 года в г. Бабаево. Их имена занесены в книгу «Реквием»... 1941—1945».

Из письма Л. В. Ачкасовой и С. В. Андреевой В. В. Судакову от 16 июля 1991 года:

«Получили от Вас книгу «Реквием». Не находим слов выразить Вам свою глубокую, сердечную благодарность за такой подарок для нас подарок! Большое Вам спасибо за оказанное нам внимание в поиске наших дорогих родителей...»

В этот же день скончалась Ульяна Федоровна Федорова.

«Папа мой был военный—старший политрук Федоров Степан Петрович,—пишет в группу «Поиск» Галина Степановна Маркова из Санкт-Петербурга.—И мы эвакуировались в начале февраля 1942 года с мамой и братом Александром от штаба охраны

войскового тыла Ленинградского фронта. Встретили нас очень хорошо в деревне, накормили, обогрели. А утром старушка, которая приютила нас, будит меня и говорит: «Деточка, мама-то твоя умерла». А я сплю с ней в обнимку на печке.

Последние крохи хлеба мама делила между мной и братом, а накормили нас картошкой с грибами (была большая сковорода), вот мама поела много этой тяжелой пищи и ночью умерла.

Хоронить меня не взяли, т. к. я была маленькая (четыре с половиной года) и мела метель. Папа получил извещение о смерти мамы через два месяца и тогда приехал за нами. Папа во-евал на «Невском пятачке смерти»—Невской Дубровке, был ранен, лежал в госпитале и к нам приехал на костылях...»

13 февраля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—3, в Вологде—28, всего—31 эвакуированный

В Вологде скончалась Ирина Антоновна Вуколова, 39 лет, эвакуированная из Ленинграда. Ее имя внесено в первый том «Реквиема». Вскоре после выхода в свет книги, в начале января 1991 года, в Вологде было получено письмо из Ленинграда от Валерии Ефремовны Петровой: «...в газете «Ленинградская правда» прочитала об издании в Вологде книги «Реквием». Не могу сдержать слез, нахлынули воспоминания. Я в 1942 году, в феврале, попала в Ваш город. По дороге в эвакуацию в городской больнице числа 12—13 февраля скончалась от истощения и крупозного воспаления легких моя тетя—Вуколова Ирина Антоновна. Я очень хорошо помню этот день. Мама похоронила ее в отдаленной могиле на городском кладбище. И мы остались жить в Вологде до мая 1944 года. Нас приютила женщина по имени тетя Поля, фамилии не помню. Жили мы по улице Менжинского, д. 5, кв. 2. Этот адрес я нашла на письмах от отца, который погиб под Ленинградом 23 января 1943 года. В Вологде я пошла в 1-й класс, в школу № 20. Затем в мае 1944 года мы получили вызов и вернулись в Ленинград.

Теперь я уже пенсионерка. Но все, почти все, хорошо сохранилось в памяти, что пришлось пережить—и с первых блокадных дней, и жизнь в Вологде. Огромное Вам спасибо за создание Книги памяти... Дай Вам бог здоровья и успеха в Вашем нежном труде...»

14—17 февраля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—75, в Череповце—9, в Вологде—99, всего—183 эвакуированных.

Семнадцатого февраля в Вологде скончался Григорий Петрович Горбунов, 48 лет, старший научный сотрудник Арктического института в Ленинграде.

Основная масса сотрудников и ценнейшие научные материалы этого института были вывезены из Ленинграда в Череповец осенью и зимой сорок первого и зимой сорок второго года самолетами полярной авиации. Известный еще в предвоенные годы авиационный штурман Валентин Иванович Аккуратов вспоминал в 1979 году на страницах пятого номера журнала «Вокруг света», как проходила эвакуация:

«В шесть утра к самолету была доставлена первая партия научных сотрудников института. Страшно было смотреть на этих людей—скелеты, обтянутые серо-желтым пергаментом. Среди прибывших было и много знакомых, с которыми мы не раз летали в Арктику, встречались по работе в Москве на ледовых конференциях. Но сейчас мы узнавали их только по фамилиям. Так, в списке эвакуирующихся числился профессор Б. Ф. Архангельский. Год назад я с ним виделся. Это был цветущий, жизнерадостный мужчина, полный сил и здоровья. Теперь мы увидели лежащую мумию. Он уже не мог ни ходить, ни стоять. Я взял его на руки и перенес в самолет...»

Всего экипаж за два месяца сделал 59 рейсов или, как их называли сами летчики, «прорывов» в блокадный Ленинград. «В последние рейсы,—пишет В. И. Аккуратов,—когда вывезли всех ученых института и уже занимались перевозкой научных материалов и других ценностей, мы часто подбирали на улицах города умирающих детей и увозили их в Череповец».

Возможно, Г. И. Горбунов был доставлен в Вологодскую область не поездом, а самолетом, одним из рейсов, о которых рассказал В. И. Аккуратов.

На станции Вожега Северной железной дороги (в пределах Вологодской области) семнадцатого февраля похоронен известный исследователь Арктики, полярный капитан Дмитрий Михайлович Аполлонов. В феврале он с семьей выехал из Ленинграда в эвакуацию, но скончался в пути.

Д. М. Аполлонов родился в 1890 году в деревне под Архангельском. С 1908 года работал на судах, в 1913-м окончил Архангельское мореходное училище и с тех пор почти всю свою жизнь связал с морем. Действительный член Географического общества Б. Масленников в корреспонденции, опубликованной в архангельской газете «Правда Севера» в мае 1990 года, рассказывает о многих эпизодах жизни Дмитрия Михайловича.

В конце 1919 года он стал капитаном гидрографического судна «Пахтусов» Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, ряд лет работавшей у побережья Новой Земли и в Карском море. Был капитаном моторно-парусного бота, рыбопромысловых тральщиков. В 1933 году, командуя зверобойным судном «Смольный», Д. М. Аполлонов осуществил труднейший

рейс к архипелагу Земля Франца-Иосифа. В результате выполненных тогда гидрографических работ на карту был нанесен целый ряд островов. Оценивая результаты проведенных исследований, редакция «Бюллетеня Арктического института» предложила назвать один из островов в Американском проливе архипелага в честь Дмитрия Михайловича Аполлонова. Остров получил это имя.

В 1937 году Д. М. Аполлонов командовал зверобойным судном «Нерпа», на борту которого находилась экспедиция Арктического института, в следующую навигацию работа ее была продолжена вновь в северных морях. В 1940 году Арктический институт направил экспедицию в море Лаптевых для изучения его гидрологического режима на экспедиционном судне «Академик Шокальский», командовал которым Дмитрий Михайлович Аполлонов...

До февраля 1942 года он жил в Ленинграде, откуда с семьей и выехал в эвакуацию, но скончался в пути между Вологдой и Архангельском.

В этот день в Вологде скончалась Людмила Дмитриевна Дроздова, студентка Ленинградского (Пушкинского) сельскохозяйственного института.

В начале 1991 года, вскоре после презентации книги «Реквием», на имя Л. К. и В. В. Судаковых пришло письмо от Елены Николаевны Чубаровской из Санкт-Петербурга. Она писала: «...К испитой вами чаше страшного горя ленинградцев я хочу добавить еще личное горе нашей семьи, которое, увы, не отражено в скорбном списке I части «Реквиема»... С замиранием сердца, страхом и надеждой я изучала 304 страницу. Сведений о своей сестре я не нашла...

Моя сестра... родилась 18 августа 1923 года в Калининской области. В 1930 г. семья переехала в Ленинград, а в 1938 сестра закончила 10-й класс и поступила в Пушкинский сельскохозяйственный институт. Когда в августе 1941 года нас эвакуировали, она категорически отказалась ехать с нами. Дело в том, что институт тоже готовился к эвакуации, и она хотела уехать только с институтом. Маму в ректорате заверили, что все именно так и что лучше студентам эвакуироваться с институтом, чтобы сразу начать учебу на новом месте.

К сожалению, никто не предполагал, что события будут разворачиваться так стремительно, что институт не успеют своевременно эвакуировать и что он останется в блокадном Ленинграде. Мы были эвакуированы в Кировскую область, сестра писала все время письма, мама посылала ей деньги и, естественно, письма до тех пор, пока она не написала, чтобы больше ничего ей не присылали, так как их вот-вот эвакуируют. Так оно

и было. По всей вероятности, они уезжали либо в последних числах января, либо в первых числах февраля, так как 10 февраля сестра уже умерла в Вологде. Но вот что странно. Подругу сестры сняли с эшелона в тяжелом состоянии и отправили в больницу под Москву. Люся (моя сестра) оставалась в эшелоне и, расставаясь с подругой, дала ей наш адрес. Ни адреса больницы, ни нового, вернее, будущего адреса института девочки не знали. В итоге мы стали получать письма для сестры от подруги, от нее же не было никаких известий. Через Москву мама узнала, куда эвакуирован институт (это был Алтайский край) и послала туда письмо. Только в июне 1942 года мы узнали о смерти сестры. В дальнейшем на многочисленные мамины просьбы сообщить подробности о смерти ей никто не ответил...

Так и считаем мы Люсю (ей было 18 лет) без вести пропавшей. А ведь это не так, вернее, не должно быть так. Ведь она ехала не одна, а с коллективом, и у нее были документы.

Очень прошу Вас уделить внимание нашему горю и еще раз вернуться к странице 304 скорбного списка...

Вологодская группа «Поиск» вскоре после получения письма сумела найти документы на Людмилу Дроздову. Из бланка, заполненного в Вологодском эвакупункте, выяснилось, что она умерла в Вологде 17 февраля 1942 года. Причина смерти—гемолит.

В феврале 1991 года Е. Н. Чубаровская получила письмо из Вологды и документы. Имя Людмилы Дроздовой будет внесено в третий том «Реквиема».

18—24 февраля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—75, в Череповце—8, в Вологде—191, всего—286 эвакуированных.

Двадцатого февраля в Вологодский эвакуогоспиталь № 1 поступили Патралов Анатолий Александрович, 10 лет, Патралова Александра Александровна, 17 лет, Патралова Нина Александровна. Очевидно, дети одной семьи. Ленинградский адрес (неполностью) записан лишь у старшей—Александры (ул. Б. Пас., д. 9/5, кв. 79). 1 марта 1942 года умер Анатолий, 24 марта—Нина, 27 марта—Александра...

Двадцать первого февраля в Вологодский эвакуогоспиталь привезли пятилетнего Юру — других сведений о нем нет. Он умер второго марта.

Двадцать четвертого февраля в Бабаеве снят с поезда труп мальчика, в документах о смерти которого записано лишь, что его звали Славиком, было ему четыре года, эвакуирован из Ленинграда.

25 февраля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Ба-

Бабаеве—13, в Череповце—3, в Вологде—44, всего—60 эвакуированных.

В Вологде скончалась Анигина Александра Дмитриевна, 15 лет. 2 марта, на одиннадцатый день пребывания в эвакогоспитале № 4 умер Анигин Николай Разумович, 17 лет. До эвакуации они жили в Ленинграде по улице Республиканской, в доме № 11а. Родственники? Брат и сестра?

В этот же день в Вологде умерла Евдокия Ивановна Викторова, 48 лет, служащая из Ленинграда. Почти пятьдесят лет ее дочь, Клавдия Павловна Суворова, ныне живущая в Санкт-Петербурге, не знала о судьбе матери ничего, кроме того, что она нашла смерть в Вологде. В марте 1991 года Клавдия Павловна писала в группу «Поиск»: «Я приезжаю в Вологду и хожу на Пошехонское кладбище к памятнику ленинградцев. Но я не совсем уверена, что она именно на этом кладбище... На душе неспокойно... Знаю, что была помещена в больницу в Вологде, недалеко от вокзала. Больше никаких данных нет. Очень прошу описать.., когда умерла и на каком кладбище захоронена».

Из группы «Поиск» Клавдии Павловне было отвечено, что фамилия ее матери, Евдокии Ивановны Викторовой, значится в списках «Реквиема», есть и дата смерти. К сожалению, и К. П. Суворовой, и другим, обращающимся с просьбой указать место погребения умерших в Вологде, поисковая группа точного ответа пока дать не может—в документах пометок об этом не делалось.

26—27 февраля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—27, в Череповце—7, в Вологде—67, всего— 101 эвакуированный.

Двадцать шестого февраля в Вологодский эвакогоспиталь поступила Клавдия Яковлевна Зуева, 38 лет. Она скончалась 9 марта. На следующий день, 10 марта, в Бабаеве умер Юрий Зуев, 1 года 5 месяцев. Оба до эвакуации жили в Ленинграде на ул. Тракторной, в доме № 15. Мать и сын?

28 февраля. В прошедшем месяце из Ленинграда вывезли 117 434 человека. Через Вологду с начала зимней массовой эвакуации прошло 52 эшелона со 108 237 ленинградцами. На Северный Кавказ — шесть эшелонов (20 732 чел.), на Восток — 19 (41 200 чел.), в Ярославскую и Ивановскую области — 27 (46 305 чел.). В Вологодской области в конце января и в феврале было расселено 8314 ленинградцев и госпитализировано 2316.

...По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве —8, в Череповце—2, в Вологде—54, всего—64 эвакуированных.

В Череповце скончались (или сняты с поезда мертвыми) Лихачева Аграфиса (Агрипина) Константиновна, 63 лет, и Лихачева Мария Ивановна, 24 лет. В Ленинграде обе жили в доме № 4 по улице Уральской. Родственницы? Мать и дочь?

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ. ДОКУМЕНТЫ

Из воспоминаний Л. Я. Барсуковой

Зимой сорок второго года я училась на втором курсе Вологодского медицинского училища. Весь курс, тридцать человек, собрали и сказали: учеба отменяется, будете помогать лечить ленинградцев. Направили нас в госпиталь на углу нынешних улиц Зосимовской и Ветошкнина — его только что открыли. (Во второй половине февраля.—Г. А.). Раньше там размещались учреждения. Пришли в первый день в этот госпиталь. Халатов не было, дали мужское нижнее белье. Здание — пустое, обходим — ни одной кровати, кое-где — солома да сено. Делали нары. А уже привезли людей, они лежали на полу. Страшно опухшие, истощенные, с дизентерией. Поили их из кружки.

Нас распределили по палатам, мне дали три—человек сорок у меня потом было. И стали работать: и за медсестру, и за санитарку, и кормили, и убрали за больными. Все делали. Привозят больных с эшелона, а класть некуда. Все равно заносят — и живых, и мертвых. За ночь несколько человек умирало. Была лестница на второй этаж — под нее и выносили трупы. Потом морг построили. Сначала для этого использовали сарай деревянный у госпиталя, мест на десять, а наполнялся так, что дверь не закрывалась. Трупы мы выносили ночью. Ящик был сделан для них, его на лошади увозил хромой конюх.

Больных обмывали, волосы стригли — ванна черная от вшей. Не один раз за сутки отряхивалась от этих насекомых. По три—четыре дня не уходили домой. Ни минуты свободной: метались в поисках белья, оборудования. У некоторых больных все плыло — надо было убирать. Мыли без конца. Переспишь тут же — и снова за дела.

Появилась обстановка в палатах: деревянные кушетки и тумбочки у каждого больного, подушки, матрацы набили. Все это за десять дней сделали. Привозили больных на санитарной машине. Почти всех несли на носилках. Мы помогали бригаде разгружать машину.

Кормили больных неплохо. Рыба с пюре, помню, была. Разносили пищу на подносах — все больные лежачие. Не видела, чтоб кто-нибудь разгуливал. Кто ел, кто не ел, жадности не видела. Сами старались их кормить, почти всех — с ложечки. В помещении было холодно, грелись у титана с водой.

Не миновал и тиф, двое с нашего курса заболели, правда, поправились.

В госпитале нас не кормили, получали мы паек по норме служащего — 300 граммов хлеба. Огорода своего не было. Отец

умер в том году, два брата погибли на фронте, один брат, младше меня, был с мамой. Жили в заречной части, бежать в госпиталь приходилось чуть не через весь город.

Работала здесь месяца четыре. Потом снова нас отправили на учебу, заканчивать училище.

А из тех больных многих и теперь в лицо представляю. А вот как выписывались из госпиталя — не помню. И врачей лечащих не помню.

От автора. Людмила Яковлевна Барсукова (в 1942 году Кораблева) после окончания Вологодского медицинского училища работала инспектором райздравотдела, много лет — фельдшером в отделении экстренной и планово-консультативной помощи (в обиходе — санитарно-авиационной станции) Вологодской областной больницы № 1.

Из воспоминаний К. М. Смирнова, в 1942 году заведующего Вологодским горкомхозом

Зимой и особенно весной сорок второго года в Вологде и на станциях Северной железной дороги свирепствовал тиф. Я по своим должностным обязанностям отвечал за похоронное бюро, имел дело и с анатомическим. Трупов скапливалось много, бывало до 100—120 в день; от сыпного тифа умирало по 20—25 горожан. И нас в горкомхозе не минуло — умер главный инженер. Врач Слугинов, ведавший анатомическим бюро, говорит: «Приходите, некуда трупы складывать». Пришел. Все забито. На груди трупов сидит кудрявый мальчик, рука поднята, глаза приоткрыты... Здесь я первый раз в жизни закурил».

Из воспоминаний Л. А. Блонштейн

В городе была антисанитария, не успевали обрабатывать людей. И вспыхнул тиф. Начальник медпункта станции Вологда умер. Его заместитель заразила свою мать — завшивленность на вокзале большая была, и мать умерла. Меня спасла осторожность. Туго перевязывала запястья, по горлу обвязывалась. Пережаривали с матерью одежду...

От автора. 7 февраля в Вологде была создана областная чрезвычайная полномочная противоэпидемическая комиссия во главе с председателем облисполкома А. Д. Абрамовым.

Из газеты «Северный путь» за 1 февраля 1942 года. (Издавалась в Вологде, орган управления и политотдела СЖД)

За последнее время Вологодское отделение и особенно Вологодский узел неудовлетворительно справляются со своими задачами...

От автора. И. В. Ковалев, бывший в годы войны начальником Центрального управления военных сообщений (ЦУПВОСО),

членом Транспортного комитета ГКО, с 1944 года—наркомом путей сообщения, зимой сорок второго побывал в Вологде и на других станциях СЖД. Впоследствии он писал в книге «Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.)»: «Почти в катастрофическом положении оказалась Северная железная дорога, обслуживавшая около трети советско-германского фронта, перевозки по льду Ладожского озера в осажденный Ленинград, вывоз из Мурманского и Архангельского портов грузов, поступавших по ленд-лизу. К началу 1942 г. она оказалась на грани почти полного прекращения движения».³

Естественно, в таких условиях значительно замедлялось и продвижение эшелонов с эвакуированными ленинградцами. По данным управления Северной железной дороги и транспортного отдела Вологодского обкома ВКП(б), в феврале среднесуточная скорость поездов с людьми на СЖД составила 164 километра (приказом НКПС было установлено 500—600), а на Вологодском отделении—111 километров. Отдельные поезда продвигались за сутки на 50—70 километров. Они долгие часы стояли на подходах к станциям, а на них— в ожидании паровозов (в среднем по 15 часов).

Главные причины катастрофического положения на Северной железной дороге были далеко не местного характера. По мнению И. В. Ковалева, во многом был повинен Наркомат путей сообщения, возглавляемый в ту пору Л. М. Кагановичем.

«Убедившись в том, что Северная дорога в очень трудных условиях сумела пропустить огромный поток воинских эшелонов, транспортов, эвакуированных грузов, — пишет И. В. Ковалев в книге «Транспорт в Великой Отечественной войне...»,—НКПС решил, используя Северную и Ярославскую дороги как аккумулятор вагонов, рассосать на их путях избыток вагонного парка с других дорог. Увеличение вагонного парка втрое по сравнению с нормой привело к потере Северной железной дорогой маневренности, она оказалась на грани остановки движения. Контрнаступление наших войск под Москвой избавило от необходимости продолжать эвакуацию из столицы, поток поездов сократился, однако НКПС не принял необходимой в данном случае меры: не направил на Северную железную дорогу паровозы резервом (т. е. без поездов) с других дорог, и она длительное время оставалась забитой вагонами, с большим трудом справлялась с продвижением транспортов и эшелонов для фронтов. Затруднения передалась на линию Всполье—Сонково—Бежецк—Бологое...»⁴

Тяжелейшим было положение не только на Северной и Ярославской дорогах, но и на ряде других, по которым после Вологды шли эшелоны с эвакуированными ленинградцами, в частности, на Южно-Уральской и Куйбышевской.

Центральное управление военных сообщений, а следовательно, и Генштаб, были крайне обеспокоены тем, что по Северной железной дороге могут остановиться даже воинские перевозки. «Несколько раз, — вспоминает И. В. Ковалев, — этот вопрос рассматривался на заседании Транспортного комитета ГКО (созданного в ночь на 14 февраля — Г. А.). Л. М. Каганович признавал серьезность положения, заверял, что примет необходимые меры и возвращался к своему излюбленному методу «мобилизации масс» — частым и продолжительным совещаниям. Чуть ли не вся работа аппарата НКПС превратилась в одно сплошное заседание, на котором зачитывалась громоздкая ежесуточная информация о положении на дорогах...»⁵

Из постановления бюро Вологодского горкома ВКП(б) от 27 февраля 1942 года.

План завоза топлива (на Вологодский склад СЖД — Г. А.) сорван. Десятидневного запаса не создано. Вместо ежедневного подвоза двух вертушек в течение 4 дней в январе и 9 дней в феврале поступления дров не было... Неудовлетворительная организация труда и плохое использование механизации на складе топлива... Не созданы необходимые условия рабочим, в результате со склада топлива ушло 142 чел., главным образом из районов. Нормы выработки выполнены в январе только на 48 проц.

От автора: Не хватало заготовленных дров, некому было работать в лесу. Между тем, Северная железная дорога лишь в четвертом квартале 1941 года израсходовала 1224 тысячи кубометров дров. (СЖД была переведена с угля на дровяное отопление — Г. А.). Принятые в конце января сорок второго года меры — дополнительная разрядка на заготовку дров двум лесным вологодским трестам, направление в лес шести саперных батальонов (2800 человек) с гужевым транспортом — проблему не решили. Потребовалось вмешательство Государственного Комитета Обороны, на основе решения которого Вологодский обком ВКП(б) и облисполком 28 февраля приняли совместное постановление «О поставке дров для железных дорог». ГКО определил задание для Вологодской области: поставить в марте—мае 600 тысяч кубометров дров для Северной железной дороги. (Разрядки получили и другие области, по территории которых проходили линии СЖД).

Чтобы выполнить задание, в Вологодской области нужно было мобилизовать из районов 12 тысяч человек (мужчин от 16 до 50 лет, женщин от 18 до 45) и 5 тысяч лошадей — до 1 мая, до весеннего сева. Каждому рабочему определялась норма: по рубке (тогда бензо- и электропил еще не было) — 150 кубометров, по вывозке (на лошадях) — 120, по разделке (ручными пилами) — 250, по погрузке — 350 кубометров. По решению Государств-

венного Комитета Оборона мобилизация на дровозаготовки была приравнена к воинской повинности и до выполнения лесозаготовительными предприятиями установленного задания отсрочен призыв в армию привлеченных на эти работы.

...Продвижению поездов с эвакуированными мешали и снежные заносы. На участке Бабаево—Череповец в конце февраля скопилось восемь поездов примерно с десятью тысячами эвакуированных. Разыгравшаяся метель заносила пути и составы снегом.

Пришлось обратиться за помощью к колхозникам прилегающих к железной дороге деревень. И стар и млад, вооружившись лопатами, более суток расчищали пути от снега. Движение возобновилось.

Еще в начале января Совнарком СССР обязал местные органы власти «в целях обеспечения борьбы со снежными заносами» оказывать железнодорожникам необходимую помощь вплоть до привлечения населения, в экстренных случаях, к работам в порядке обязательной трудгужповинности. К этому пришлось прибегать неоднократно. В Данилове, например, 12 февраля на расчистке путей от снега работало шестьсот человек, на следующий день мобилизовано 1300.

Норма

закладки продуктов на обед в Бабаево, Череповце, Вологде для проезжающих эвакуированных ленинградцев

Крупа—65 г, мясо или рыба—75 г, жиры—15 г, сахар—10 г, хлеб—500 г (выдавался на сутки).

От автора. Норма установлена решением Вологодского облисполкома от 12 февраля 1942 года.

Продукты в этом месяце выписывались из расчета проезда в сутки восьми тысяч эвакуированных.

Норма

сухого пайка эвакуированным ленинградцам, следующим транзитом через Вологду

Хлеб—500 г, сливочное масло—100 г, сгущенное молоко—200 г.

От автора. Норма установлена распоряжением Вологодского облисполкома от 27 февраля 1942 года на основании указания Совнаркома СССР.

Из докладной записки секретарю Вологодского обкома ВКП(б)

Кипятком на большинстве станций пассажиры полностью не обеспечиваются. На станции Грязовец со 2 февраля воды совершенно нет. Невероятные вещи творятся с кипятком на станции Во-

логда. Здесь руководители все время объясняют срыв кипятка из-за неисправности водопроводной системы, а в самом же деле срыв подачи воды происходит из-за того, что на водокачке работают технически неграмотные люди... Часто вода не подается тогда, когда подходят эвакопоезда...

Из воспоминаний Б. Д. Валяева, в 1942 году машиниста Вологодского паровозного депо.

Подойдут к паровозу — дров или угля просят, воды — а ее нельзя давать — грязная. Украдкой, бывало, брали. Уголь кое-как расколют, докрасна печку накалят... Морозы стояли сильные.

Из воспоминаний Л. А. Блонштейн

На вокзале рвались к воде. Чтобы не опились, мы баки с водой держали на замках, и дежурные рядом.

Из газеты «На рельсах», вышедшей на Бабаевском отделении Северной железной дороги, от 2 февраля 1942 года

Комсомольцы станции Бабаево организовали сбор пустых бутылок у населения и, наполнив их кипяченой водой, раздают проезжающим в поездах ленинградцам.

**Из текущих постановлений местных органов власти
(в авторском изложении)**

14 февраля. Для размещения больных ленинградцев, снимаемых с проходящих эшелонов, решено высвободить еще несколько зданий в областном центре, переселив оттуда учреждения и организации. В их числе: театр юного зрителя, ряд отделов управления Северной железной дороги, трест «Вологдалес», часть центральной городской библиотеки и другие.

20 февраля. Распоряжением Вологодского облисполкома предусматривалось дальнейшее развитие кухонного хозяйства, столовых и буфетов, обслуживающих эвакуированных, введение дополнительных площадей за счет реконструкции и ремонта. В частности, в столовой № 4 на станции Вологда-II предлагалось обеспечить ежесуточную подачу обедов 5—6 тысячам эвакуированных.

26 февраля. Исполком Вологодского областного Совета депутатов трудящихся обсудил вопрос о выполнении решения «О размещении больных, снимаемых с проходящих эшелонов...», принятого им 17 февраля. Отмечено, что Вологодским горисполкомом и горздравотделом оно «выполняется совершенно неудовлетворительно». «Горздравотдел... и Дорсанотдел.. бездушно, бюрократически отнеслись к делу и не приняли необходимых мер к созданию минимальных условий для больных».

Заведующему облздравотделом и председателю Вологодского горисполкома предлагалось немедленно укрепить руководство горздравотделом, в трехдневный срок рассмотреть вопрос о времен-

ной организации при этом отделе сектора по обслуживанию больных, эвакуированных из Ленинграда. Сутки давались областному и городскому здравоохранению, чтобы привести в нормальное санитарное состояние все госпитали города, укрепить их руководство и наладить снабжение медикаментами, двухдневный срок—для решения вопроса об организации изоляционного приемника и распределителя, трехдневный— для обеспечения госпиталей мягким и жестким инвентарем. Соответствующим службам предлагалось наладить нормальную подачу воды, электроэнергии, транспорта и т. д.

МАРТ
СОРОК ВТОРОГО

ИЗ ХРОНИКИ ЭВАКУАЦИИ

1—4 марта. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—52, в Череповце—18, в Вологде—166, всего—236 эвакуированных.

Первого марта в Вологде скончалась ленинградка Клавдия Петровна Лаврентьева, 58 лет. В 1991 году в вологодскую группу «Поиск» написал ее сын, Леонид Андреевич Лаврентьев из Санкт-Петербурга: «...Появилась, наконец, большая надежда попытаться узнать хоть что-нибудь о моей родной маме... Я был в Вологде лет 6—7 тому назад и нигде ничего узнать не мог, даже на каком кладбище она захоронена...».

Из группы «Поиск» Леониду Андреевичу сообщили, что К. П. Лаврентьева внесена в списки «Реквиема», ему была выслана книга.

5 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—20, в Череповце—3, в Вологде—55, всего— 78 эвакуированных.

В Вологде скончалась восемнадцатилетняя Марта Сизова, студентка из Ленинградского учительского института.

8 мая 1972 года в газете «Правда» были опубликованы записи из ее дневника и комментариев к ним.

«31 октября. Ночью снова дежурила на чердаке. Здорово били наши зенитки. Где-то неподалеку свистели бомбы. В такое время жутко одной сидеть на чердаке. После смены опять не могла спать, прислушивалась к каждому звуку, похожему на сирену. Но я молчу, не выдаю себя, борюсь со страхом.

Да и вообще зачем нить? Меня окружают хорошие люди. Во что бы то ни стало надо перенести трудности. Ведь кончится же когда-нибудь эта проклятая война.

...Тетя Шура еле держится на ногах. Муся заболела, у нее от худосочия на теле нарывы. Зина сильно похудела. Жалко смотреть на них, и помочь нечем. Да и сама я чувствую слабость. Мне ничего об этом не пишу».

Из письма Марты Сизовой родителям: «8 ноября 1941 года... Спасибо, дорогая мамочка, за то, что ты пишешь такие бодрые письма. Они поднимают дух и дают новые силы... Обстановка, в которой вот уже два месяца находимся мы, ленинградцы (я, мамочка, уже считаю себя ленинградкой), научит всему: и терпению, и выдержке, и спокойствию. Я тебе, мамочка, даю комсомольское слово, что буду стойкой до конца, перенесу все трудности и лишения».

Комментарий газеты «Правда»: «В осажденном городе Марта, собрав всю волю, успешно закончила зимнюю экзаменационную сессию. В 1942 году их институт эвакуируют из голодного Ленин-

града... Но силы ее уже были подорваны... 5 марта 1942 года Марты не стало. Ее похоронили в одной из братских могил в Вологде. Спустя месяц на могилу дочери приехала мать. В больнице, где скончалась Марта, ей передали противогазную сумку дочери. В сумке лежал комсомольский билет, паспорт, зачетная студенческая книжка, дневник и... кусочек сахара, который, по воспоминаниям очевидцев, выделил Марте из своего скудного пайка незнакомый красноармеец, охранявший ледовую «Дорогу жизни».

6 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—11, в Череповце—2, в Вологде—45, всего—58 эвакуированных.

В Вологде скончался Родэ Валентин Фридрихович, 30 лет, главный конструктор научно-исследовательского института Военно-Морского Флота (г. Ленинград). Ранее, 20 февраля, в этом же городе умер, очевидно, его десятилетний сын Родэ Игорь Валентинович, а на следующий день после его смерти, 21-го, возможно, жена, конструктора и мать Игоря—Родэ Анна Александровна, 34 лет. Все трое — из Ленинграда. Других сведений нет.

7 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—23, в Череповце—6, в Вологде—35, всего—64 эвакуированных.

В документах о смерти шести юношей, одного малолетнего ребенка и мужчины средних лет, умерших в Бабаеве (или снятых с поезда мертвыми) проставлено «неизвестный».

Среди скончавшихся в пути и снятых в этот день с поезда в Череповце был Пробичев Иван Васильевич, 54 лет (ленинградский адрес: ул. Газовая, д. 15, кв. 57). Его фамилия внесена во 2-й том «Реквиема». А этому предшествовало письмо инвалида Отечественной войны Александра Александровича Пробичева из Кирилловского района Вологодской области. Оно было написано 15 декабря 1990 года: «Из передач радио и телевидения я узнал, что группа «Поиск» Вологодского педагогического института собирает сведения на погибших в годы войны эвакуированных из города Ленинграда... Мой дядя, Пробичев Иван Васильевич, работал в Ленинграде в типографии «Печатный двор» всю свою жизнь до самой войны, печатником. Его эвакуировали в нашу область к нам, в деревню Матвеевское Кирилловского района., но его довезли только до Череповца, он уже был мертв и в Череповце его похоронили на кладбище возле железнодорожного вокзала...

Погибли на «Дороге жизни» через Ладожское озеро две мои двоюродные сестры: Пробичева Валентина Павловна, 1918 г. рождения, и Пробичева Екатерина Павловна, 1920 г. рождения... Их разбомбили при эвакуации через озеро... Сестры только перед войной уехали в Ленинград... Я думаю, что мои родственники попадут в вашу книгу...».

Иван Васильевич Пробичев занесен в списки 2-й части «Рек-

виема». Сестры—нет, поскольку в книге фамилии лишь тех, кто умер на территории Вологодской области. Пусть просьба инвалида войны будет выполнена публикацией здесь его письма, которым он восстановил память о своих родственниках, девушках, безвинно погибших в сорок втором на льду Ладожского озера.

...На конечную станцию эвакуации прибыл в этот день один из поездов с ленинградцами. Владимир Дмитриевич Прохоров вспоминает (в письме в группу «Поиск»): «Наш эшелон 7.III.42 г. притащился в г. Иваново, оставляя на станциях десятки трупов, даже сейчас страшно вспомнить. (Запомнилась ст. Бабаево, где говорить нас покоряют, но... вышла накладка—якобы не успели подготовить после прохождения предыдущего эшелона)...».

8 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—8, в Череповце—4, в Вологде—23, всего—35 эвакуированных.

В вологодском эвакогоспитале № 2 скончался пятнадцатилетний Евгений Авдеев.

В феврале 1991 года в группу «Поиск» написал Авдеев Владимир Никифорович, блокадник (так он подписался):

«Дорогие товарищи, представьте себе мое волнение, когда я стал перелистывать страницы Вашей книги. И вот на странице 28 за номером 44 читаю: Авдеев Евгений Никифорович, 15 лет., и слезы навернулись у меня на глазах. Да, дорогие товарищи, это мой старший брат, который в феврале 1942 года вместе с военноморским училищем (спецшколой), курсантом которого он был, эвакуирован из Ленинграда. Но как и где похоронен мой брат я вот только спустя почти 50 лет узнал из Вашей книги...».

9 марта. В головной столовой станции Вологда сделана такая запись, датированная этим днем: «Разрешите от лица работников театра им. Ленинского комсомола (Ленинград) выразить глубокую благодарность за прекрасное обслуживание, теплый товарищеский прием, столь ощущаемый нами—ленинградцами. Художественный руководитель театра имени Ленинского комсомола орденосец (подпись неразборчива)».

Очевидно, подписался М. В. Чежегов, который руководил театром в 1941—1949 годах. В 1942—1945 гг. театр работал под Архангельском, затем на Урале.

...По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—7, в Череповце—3, в Вологде—40, всего—50 эвакуированных.

10 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—19, в Череповце—6, в Вологде—26, всего—51 эвакуированный.

По поручению коллектива Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина профессор Липин и доцент Нелепенко оставили благодарственную запись в Головном буфете стан-

ции Вологда-1 «за исключительно тёплое отношение, за культурное, внимательное обслуживание и чуткую заботу».

Этот же буфет благодарили рабочие Кировского и одного из номерных заводов «за прекрасное обслуживание рабочих горячими обедами исключительно прекрасного качества». (Подписался начальник эшелона. Дата не установлена).

Работников столовой № 7 Трансторгпита станции Вологда благодарил бригада рабочих завода «Большевик» (подписался старший вагона): «...Обеды... хорошо приготовлены по качеству и количеству, также очень хорошее обслуживание..., чуткая и теплая встреча эвакуированных со стороны директора столовой и обслуживающего персонала. Спасибо за хороший обед и теплый прием». (Дата не установлена).

11 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—27, в Череповце—2, в Вологде—36, всего—65 эвакуированных.

В Вологде — учащиеся ленинградских ремесленных училищ: Акустинов Борис Александрович (14 лет, РУ-26), Кузнецова Лидия Васильевна (14 лет, РУ-19), Покровский Виктор Алексеевич (15 лет, РУ-43), Рыков Алексей Васильевич (17 лет, РУ-14); Андрейчикова Ульяна Филипповна (36 лет, рабочая из Ленинграда); Киселева Ольга Федоровна (24 лет, студентка Ленинградского университета); Коноплицкий Владимир Станиславович (17 лет, учащийся из Ленинграда); Мухортова Евгения Константиновна (16 лет, рабочая ленинградского завода «Финал»); Редькин Борис Александрович (23 лет, студент Ленинградского горного института).

12—13 марта. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—42, в Череповце—11, в Вологде—74, всего—127 эвакуированных.

Среди скончавшихся тринадцатого марта в Вологде—пятнадцатилетний ленинградец Василий Ершов.

...Узнав из заметки в газете «Ленинградская правда» от 29 декабря 1990 года о выходе в Вологде книги «Реквием», брат Василия Виктор Александрович Ершов, живущий ныне в Санкт-Петербурге, 30 декабря написал письмо В. В. Судакову: «Недалеко от Вологды умер от истощения мой старший брат. (Виктор Александрович ехал в одном эшелоне с ним—Г. А.). Его удалось отстоять от сбрасывания из вагона и довести покойного до г. Вологды. Здесь брата забрала похоронная команда, записав все его данные на бумаге, которую вложили в карман пальто... Неоднократные запросы родителей о месте захоронения... не дали положительного результата (отец два раза ездил в Вологду по этому вопросу). И вот сейчас, после прочтения заметки в «Ленинградской правде»..., у меня затеплилась надежда, что я могу узнать о месте захоронения брата, ...отдать последние почести...».

В. А. Ершову выслана из Вологды книга «Реквием», где есть запись о его брате, Василии Александровиче.

14—16 марта. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—79, в Череповце—9, в Вологде—122, всего—210 эвакуированных.

В Вологде скончался Иван Сергеевич Андреев, 29 лет, милиционер 17 отделения милиции Ленинграда.

По словам бывшего начальника Череповецкого эвакуопункта П. Е. Малкова, психологически трудно было свыкнуться с мыслью, что истощенные, слабые, тяжело больные люди—милиционеры, служебная обязанность которых—защищать других...

17—18 марта. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—10, в Череповце—4, в Вологде—82, всего—96 эвакуированных.

Восемнадцатого марта в Вологде зарегистрирована смерть большой группы учащихся ленинградских ремесленных училищ. Это Артеменов Алексей Иванович (16 лет), Васильев Григорий Степанович (15 лет, РУ-2), Васильев Николай Николаевич (16 лет, РУ-63), Землезин Виктор Александрович (16 лет, РУ-22), Левков Леонид Михайлович (16 лет, РУ-82), Михайлов Андрей Михайлович (18 лет), Моисейко Владимир Яковлевич (16 лет, РУ-23), Мякотин Авдей Тихонович (17 лет), Сафронов Евгений Петрович (16 лет, РУ-75), Семенов Петр Васильевич (17 лет, РУ-16), Семенова Мария Ивановна (17 лет, РУ-16), Скороспехов Василий Петрович (16 лет, РУ-53), Шадейка Александр Федорович (17 лет, РУ-16).

19 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—19, в Вологде—41, всего—60 эвакуированных.

Вновь, как и в предыдущий день, в Вологде зарегистрирована смерть большой группы учащихся ленинградских ремесленных училищ. Это Бабошкин Валентин Дмитриевич (12 лет, РУ-7), Булагин Степан Иванович, Журишков Борис Александрович (15 лет), Замыслов Леонид Сергеевич (19 лет, РУ-16), Михайлов Иван Федорович (15 лет, РУ-82), Параменский Георгий Георгиевич (16 лет, РУ-42), Цибульский Александр Матвеевич (16 лет, РУ-3), Швецов Виктор Иванович (15 лет, РУ-16).

20 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—45, в Череповце—5, в Вологде—37, всего—87 эвакуированных.

В 1991 году Леонид Леонтьевич Иофин из Санкт-Петербурга прислал в Вологду на имя В. В. Судакова (после взаимной их переписки) документы, датированные двадцатым марта 1942 года.

Они о его брате Райхлине Григории Соломоновиче (получены в свое время отцом умершего).

Сообщение о смерти: «Тов. Райхлин. Сообщаем вам, что ваш сын Райхлин Григорий Соломонович умер в вагоне эшелона № 72 20.03.42 г. на ст. Вологда. Уполномоченный вагона».

Акт о смерти: «Настоящий составлен 20.03.42 г. в том, что действит. скончался Райхлин Григорий Соломонович, 1922 г. рожд., в вагоне № 3 эшелон 72. После умершего остались следующие вещи, документы и деньги (далее — перечисление вещей, начиная с пальто, сумма денег и перечень документов: паспорт, студенческий билет, талоны на питание). Акт составлен в присутствии свидетелей (перечислены фамилии)».

Г. С. Райхлин был студентом Ленинградского института авиаприборостроения.

Возможно, в этом же эшелоне, отправившемся в путь 13 марта 1942 года, ехала и Мария Федоровна Ипатова, уборщица Ленинградского института авиаприборостроения, место смерти и захоронения которой до сих пор безуспешно разыскивает ее сын — Павел Григорьевич Ипатов из Санкт-Петербурга. Группа «Поиск» пока ему ничего утешительного ответить не могла.

20 марта отправились из Ленинграда в эвакуацию семнадцатилетний Зиновий Подлипский, его десятилетняя сестра Людмила Вересовая и отчим Зиновия — Иван Павлович Вересовой (49 лет). О дальнейшем спустя почти пятьдесят лет рассказал Зиновий Антонович Подлипский в письме в вологодскую группу «Поиск»:

«...Из Ленинграда должны были ехать на родину отчима. По приезде в Вологду, что-то числа 24—26 марта, железнодорожные билеты до г. Онеги Архангельской области не достали. Находились на вокзале станции Вологда, там и питались. Вечером того же дня отчим совсем ослаб и был отправлен санитарам в больницу, а в какую — не знаю.

Меня подобрали на улице и с диагнозом дистрофия III тоже положили в больницу — двух-трехэтажное белое здание на берегу реки. Оттуда нас в июле на пароходе перевезли в г. Великий Устюг, в Бобровниковский дом отдыха. Там находились до октября 1942 года. В октябре ребят определили в великоустюгскую школу ФЗО № 5 речников.

А о судьбе отчима я не знал, пока мне ребята не сказали, что вместе с ним лежали в больнице № 1, и он им говорил, что на вокзале остались у него двое детей. В мае 1942 года, по словам ребят, отчим умер...».

Группа «Поиск» подтвердила, что Иван Павлович Вересовой умер в Вологде и похоронен на Пошехонском кладбище 6 мая 1942 года. Его имя внесено в книгу «Реквием».

21—24 марта. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Ба-

басве—88, в Череповце—11, в Вологде—167, всего—266 эвакуированных.

Двадцать третьего марта в Вологде скончался Михаил Антонович Назаров, 43 лет, инженер-технолог ленинградской фабрики «Скорород». В 1991 году его жена Т. В. Назарова писала в группу «Поиск»: «Муж уезжал не вместе с фабрикой, а позже — по распоряжению Москвы, с семьей. Выехал из Ленинграда 28 февраля 1942 года. А в Вологде он был снят с поезда в крайне тяжелом состоянии — дистрофия III. Муж умер в каком-то лечебном учреждении... Похоронен мною 26.03.42 г. на кладбище, недалеко от вокзала... Я получила книгу «Реквием» (том I), но там фамилии на букву «Н» пока нет. Приехать в Вологду уже не могу..».

Михаил Антонович Назаров внесен в списки второй части «Реквиема».

Среди заявлений-благодарностей, оставленных эвакуированными ленинградцами на станциях Северной железной дороги, было и такое: «8-й детдом для испанских детей выносит глубокую благодарность администрации Головного буфета на ст. Вологда... за исключительно теплый, радушный прием и заботу в питании. На всем протяжении пути до г. Вологды мы видели хорошее заботливое отношение к нам, которое особенно чувствуется после выезда за линию блокады гор. Ленинграда. Не можем не отметить лучших, преданных своему делу советских работников и еще раз просим принять наше чистосердечное спасибо за все заботы о нас. Дети Испании уже не впервые эвакуируются, а потому такое внимание особенно трогает их».

25—26 марта. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабасве—27, в Череповце—3, в Вологде—72, всего— 102 эвакуированных.

Среди умерших в пути и снятых в Бабаеве с эшелонов двадцать пятого марта восемь человек в документах ЗАГСа значатся как неизвестные, среди них пять детей в возрасте от одного года до трех лет.

В Вологде двадцать пятого марта скончался тринадцатилетний Абрам Шнейвайс из Ленинграда. В списке «Реквиема», где названа эта фамилия, рядом такая же—Шнейвайс Елизавета Абрамовна, 35 лет. Лишь сейчас можно точно сказать, что это были мать и сын.

В начале 1991 года в группу «Поиск» пришло письмо из Ленинграда от Юлии Григорьевны Шнейвайс. Она сообщала: «23 марта 1942 года я с братом и мамой приехала в Вологду... Брат Шнейвайс Абрам (Бсмо) Григорьевич, 13 лет, был помещен в детскую больницу на Урицкого, 37. Умер через два дня и похоронен в братской могиле, а где — не знаю. Я тоже была в этой же больнице, и меня отыскал отец — Шнейвайс Григорий Соломонович, который

служил в Прилуках (пригород Вологды—Г. А.) на аэродроме. Командир полка разрешил меня взять в часть на довольствие бойца. Отец был мастер по часам и приборам для самолетов, мы с ним жили вместе в Прилуках.

Мама — Шнейвайс Елизавета (Лея) Абрамовна умерла через 20 дней—14 апреля 1942 года в госпитале при поликлинике. Отец ее разыскал, но помочь уже ничем не смог—очень сильное было истощение. Он похоронил ее где-то около церкви (ему разрешил священник), а где — не знаю. Когда 35 лет спустя я побывала в Вологде, попыталась отыскать братскую могилу, но не нашла, и возложила цветы на Горбачевском кладбище. Случайно, но оказалось, что там она и была...».

...В этот день из Ленинграда выехала в эвакуацию Мария Григорьевна Шестопалова с дочерью Алефтиной и девятилетней Еленой.

Старшая дочь — Алефтина Федоровна Кузнецова из Санкт-Петербурга писала в группу «Поиск: «...Везли через Ладожское озеро под сильными бомбежками.. На берегу продержали где-то сутки, а потом посадили всех в товарные вагоны с нарами и отправили на Кавказ. В дороге сестре стало плохо. У нее открылся сильный понос, ручки опухли, и так было у многих. Доехали до станции Бабаево, поезд стали проверять медработники. Всех больных сняли с поезда, а также и мою сестру. Родителей с детьми не брали. Маме сказали: кончится война и вы ее найдете. Но мы вернулись раньше, чем кончилась война, но сестру больше не увидели...».

Елены Шестопаловой в списке «Реквиема» пока нет.

27 марта. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаево—1, в Череповце—7, в Вологде— 33, всего—41 эвакуированный.

В вологодский эвакогоспиталь № 4 были привезены одиннадцатилетняя Ксения Матвеевна (Максимовна) и шестнадцатилетняя Татьяна Матвеевна (Максимовна) Беззубиковы, очевидно, сестры. В Ленинграде они жили на ул. Международной, в доме № 8, квартире № 9. Младшая умерла 7 апреля, старшая пережила ее на один день.

28 марта. На эту дату снято трупов с эшелонов до Вологды —1619 и в Вологде—490. Госпитализировано на территории области 3842 человека, лечатся на этот день 1430.

Запись, оставленная на станции Вологда: «28.03.42. Эшелон № 80, поезд 438 рабочих завода № 7 им. Фрунзе, следуя из Ленинграда в Красноярск, отмечает организованную подачу обедов и качественное исполнение, а также хорошее обслуживание эвакуированных. Отмечаю на пути Ленинград — ст. Вологда одной

из лучших столовых, которую следует считать показательной.

Уполномоченный эшелона (подпись неразборчива)».

...По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве — 47, в Череповце — 3, в Вологде — 35, всего — 85 эвакуированных.

В Вологде в эвакуогоспиталь № 5 привезли одиннадцатилетнего Николая Васильевича и четырнадцатилетнего Виктора Васильевича Лосевых из Ленинграда (ул. Ушаковская, д. 11), очевидно, братьев. Николай умер 2 апреля, Виктор — 11-го.

В Бабаеве у восемнадцати человек при оформлении факта их смерти в этот день нельзя было записать ни фамилии, ни имени, ни отчества — не оказалось документов.

В Вологде скончался пятнадцатилетний Николай Мицкевич. Натолкнувшись в списках «Реквиема» на эту фамилию, вспомнил, что встречал ее в рассказе Людмилы Яковлевны Барсуковой (она упоминалась ранее). Восстановил по записи ту беседу: «Поступила к нам в госпиталь партия ремесленников, почти все мальчики по пятнадцати—шестнадцати лет. Один из них — Мицкевич, говорил: ничего не помню и не знаю, как вывозили. Видимо, погибал от голода. Умер он у нас в госпитале».

Продолжением этого рассказа стало письмо, присланное в Вологду в июне 1991 года из Санкт-Петербурга от Евгения Евгеньевича Мицкевича, 1925 года рождения, ветерана труда, инвалида Великой Отечественной войны:

«Нас было в Ленинграде четыре брата: я, Николай, Анатолий и Владимир (1937 года рождения). Руководители эвакуации всех нас братья отказались. Разрешили с Николаем только одного взять. Мною было принято решение отправить с Николаем четырнадцатилетнего Анаголия. В Вологде Николая унесли из эшелона в больницу. Там он и умер. Когда? В какой больнице? Не знаю. Нет документов...

Николай был снят с эшелона в то время, когда Анатолий ходил за обедом. На вопрос «Где брат?», ему ответили: «Он в изоляторе, в конце эшелона». Короче, сказали, неправду, боясь, что Анатолий не даст снять брата в больницу. И только когда эшелон покинул Вологду, сказали, что Николай снят».

29—31 марта. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве — 84, в Череповце — 15, в Вологде — 102, всего — 201 эвакуированный.

На тридцать первое марта через Вологду пришло 140 эшелонов с эвакуированными ленинградцами, в них 293 289 человек. На Северный Кавказ — 46 эшелонов, на Восток — 43, в Ярославскую и Ивановскую области — 51. В Вологодской области размещено с начала зимней эвакуации 14 018 ленинградцев. Госпитализировано 3980 человек.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ. ДОКУМЕНТЫ.

Из письма Л. А. Железьяковой, бывшей работницы Вологодского вагоноремонтного завода

Эвакуировалась я из Ленинграда после смерти мужа и двух детей в начале марта 1942 года, а в Вологду приехала в конце марта. Отправка проходила с Финляндского вокзала (запомнился вкусный и сытный обед и много хлеба). До Ладоги—поездом, а с наступлением темноты нас переправляли на машинах через Ладогу. Под колесами шуршала вода, машин множество. Думала, конца этой Ладоге не будет. Названия населенного пункта, куда нас привезли, я не запомнила. Там был маленький домик, в котором можно погреться, а в основном находились на улице. Кормили под свежевыстроенными навесами со столамитопчанами.

Во второй половине дня кто-то сказал, что недалеко есть железнодорожная линия, и там стоит состав-товарник, в котором нас будут отправлять. И вот несколько человек договорились: чтобы получше занять места, пошли искать этот состав. В вагоне, в котором мы поселились, были сделаны двухярусные нары, посредине—печка-«буржуйка», вокруг—скамейки, доски.

В пути следования, я помню, нас кормили в Тихвине и Бабаеве. Вот тут нам было непонятно. В этих городах люди другие. Они ходили под ручку, улыбались, смеялись, это нам было непонятно. Как можно?

До Вологды мы добрались благополучно. Не было ни одной бомбежки и ни одного покойника в нашем вагоне. Когда приехала в Вологду, пообедала в эвакустоловой на вокзале и пошла к знакомым в надежде там найти мать, которая в августе 1941 года эвакуировалась из Кексгольма. Мать я нашла, она жила у знакомой на совместном. Тут я и осталась. Встала на учет. Была вся опухшая. В июне месяце по повестке горисполкома направили на Вологодский паровозо-вагоноремонтный завод (ныне вагоноремонтный—Г. А.). Мне было около 27 лет.

Из корреспонденции в газете «Все для города Ленина!» от 12 марта 1942 года. (Издавалась на Вологодском железнодорожном узле выездной редакцией «Комсомольской правды» в феврале—апреле 1942 года. Корреспонденция написана по материалам рейда, проведенного в ночь с 10 на 11 марта)

Вчера на ст. Вологда-I приняли поезд № 426.—Хороший поезд,—говорят на станции.—В нем и пассажиров меньше тысячи. Как же отнеслись здесь к ним?

...Ни начальника станции.., ни кого-либо из его многочисленных заместителей на перроне не было. А ведь приказ начальни-

ка дороги обязывает встречать каждый поезд с пассажирами из Ленинграда. (Слово «эвакуированные» по соображениям военного времени в газете не употреблялось.—Г. А.).

...Поезд приняли на пятый путь и отгородили от вокзала четырьмя составами... Пассажиры ночью пробирались через обледенелые площадки ползком под грязными вагонами. С посудой, с кипятком—это же мучение! Вдобавок ко всем препятствиям никто не знал, куда идти—где вокзал, почта, буфет. Оповещение было организовано плохо...

Прибыл поезд—воды в кипяильнике нет. Не только горячей, но даже холодной. Не стало воды и в головном буфете, и в столовой № 7. Но вот пассажир пришел в головной буфет... Официантки проходят мимо десятков рук, подающих чеки. Пассажиры спешат: ведь никто не знает, когда уйдет поезд... В столовой № 7 обслуживают быстрее... Особенно безобразно выдают сухой паек. Магазин № 1 не подготовился. Две продавщицы не в состоянии быстро обслужить несколько сот человек. Народу скопилось столько, что в магазин невозможно попасть...

Пока пассажиры обедали, шла подготовка к отправлению состава. Рабочие сменного мастера Шаронова быстро осмотрели вагоны. Бригада сменного мастера Шалыгина начала снабжение состава дровами. Молодые рабочие Копейкин и Акулов подвозили на салазках дрова, кололи их и подавали в вагоны.

Но нашлись люди, которые помешали обеспечить вагоны топливом. Маневровый диспетчер... в течение нескольких часов не пропускал снабженческий поезд с дровами на соседний с пассажирским поездом путь... 17 вагонов остались без топлива. Пришлось на руках носить дрова, чтобы хоть немного дать в каждый вагон...

С другого конца состава в это время продвигались члены комсомольской бригады: бригадир тов. Бабкова, Яблокова, Архарова, Кустова. Они раздавали свечи, бюллетени со сводками Совинформбюро. Кстати, о свечах. Девушки долго бегали, пока достали их. Заранее никто о свечах не позаботился. С опозданием отправилась по вагонам бригада медпункта. Она поэтому спешила и вряд ли принесла пользу пассажирам. У дежурного врача... не было с собой даже фонарика. А в потемках какой же из нее помощник больному... А кипятка по-прежнему не было. Лишь в 2 часа ночи после бесчисленных звонков... вода, наконец, появилась. Девушки Ярополова, Логинова, Архарова, Петрова, Середина и Анфимова в больших чайниках и ведрах понесли кипяток к вагонам. Они обошли весь состав, раздали кипяток женщинам и детям. Не один десяток трогательных благодарностей выслушали эти девушки.

Пассажиры начали возвращаться. Комсомолка Подхомутова,

бригадир Бабкова и Петрова помогали им в посадке. Они сопровождали женщин с детьми до поезда... Все время, пока поезд находился в Вологде, комсомольские бригады Бабковой и Черкасовой находились у вагонов, стараясь как можно лучше обслужить ленинградцев.

Мы беседовали с начальником поезда № 426 тов. Газаровым.

— Если бы наш поезд не задержался, при такой постановке дела большинство пассажиров уехало бы без обеда, а в вагонах не было бы топлива. От имени всех пассажиров искренне благодарю девушек, работавших по обслуживанию нашего поезда... Комсомольская бригада была так заботлива. От Тихвина состав очень плохо снабжался топливом, а свечей совсем не выдали, газет и сводок Информбюро мы также нигде не могли достать. Фельдшер, сопровождающий поезд, не имеет с собой медикаментов и, конечно, помощи от него большой получить не можем...

От автора. Совпало так, что в день выхода газеты с этой корреспонденцией, состоялось заседание бюро Вологодского обкома ВКП(б) с участием представителей НКПС. Рассматривался вопрос об обслуживании эвакуированных из Ленинграда на Вологодском железнодорожном узле. Бюро констатировало, что среднесуточная скорость поездов по отделению—128 километров вместо 500—600, установленных Государственным Комитетом Обороны. Эшелоны с эвакуированными систематически задерживаются на подходах к станциям, отдельные вагоны стоят на них по 5—6 суток. Не проявляется нужной заботы о снабжении эвакуированных кипятком, об оказании им медицинской помощи, не наведен порядок на вокзале.

Бюро обкома ВКП(б) сняло с работы начальника политотдела Вологодского отделения СЖД и начальника станции Вологда-1.

Вечером был создан городской партийно-хозяйственный актив—пятьсот человек. На собрании, помимо представителей НКПС, присутствовал уполномоченный Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Севере И. Д. Папанин. Было заслушано сообщение начальника СЖД Н. А. Груничева о работе Вологодского железнодорожного узла. Выступавшие отмечали неслаженность между отдельными звеньями узла, плохую работу некоторых его руководителей, низкую технологическую дисциплину, в ряде случаев—безответственность.

Выступил и Иван Дмитриевич Папанин, и его обращение к вологжанам лишней раз характеризовало обстановку на СЖД: «Из-за плохой работы железнодорожников Северной я не могу из Мурманска и Архангельска посылать... вооружение, снаряды. Ведь вы посмотрите: начиная от Архангельска до Данилова разбросан этот груз. Виноваты в этом вы...»

Конечно, железнодорожников Северной можно было винить за упущения, промахи, о них, кстати, и говорилось на этом собрании. И все же главные причины, которые привели дорогу к упадку, носили, как уже отмечалось ранее, далеко не местный характер. Ситуацию можно лучше оценить из характеристики, данной заместителем наркома обороны генералом А. В. Хрулевым, с 25 марта 1942 года вступившем в руководство Наркоматом путей сообщения вместо Л. М. Кагановича, который, как говорилось в постановлении ГКО, «не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки».¹ Вот что писал впоследствии А. В. Хрулев: «Железнодорожный транспорт переживал тогда особенно тяжелые дни. Иссякли запасы топлива. Не хватало паровозов. По этим причинам катастрофически сократился объем перевозок. В частности, Северная дорога была близка к параличу: на участке от Москвы до Вологды еще кое-как ходили поезда, а дальше—от Вологды до Архангельска—движение почти остановилось. Это болезненно сказывалось на военных перевозках, наносило ущерб снабжению фронта, связывало по рукам и ногам промышленность, выпускавшую вооружение и боеприпасы. На железных дорогах страны стояли без паровозов до трех тысяч поездов. Две трети из них везли эвакуированное оборудование, которое с нетерпением ожидалось в пунктах назначения».²

Чтобы представить, как это выглядело «в натуре», достаточно, думается, привести цитату из корреспонденции в газете «Все для города Ленина!» за 13 марта. «Невиданный произвол царит на втором отделении (Вологодском отделении СЖД—Г. А.). Десятки поездов по разным причинам остановлены в пути, брошены без паровозов и неделями ждут отправления. Стоят сотни вагонов с ценными грузами...» В таких условиях продвигались эшелоны с эвакуированными ленинградцами по Северной железной дороге.

Чтобы как-то выправить положение, Государственный Комитет Обороны 13 марта принял постановление о работе СЖД, на следующий день—Наркомат путей сообщения.

Были ужесточены требования к железнодорожникам, вплоть до репрессивных мер. Не случайно Берия подключил свой аппарат на местах к контролю и прямому вмешательству в дела управления и руководителей ряда подразделений дороги. В связи с этим достаточно характерно, например, выступление на собрании партийного актива Вологды и Вологодского железнодорожного узла 22 марта 1942 года первого секретаря обкома и горкома партии П. Т. Комарова: «Обещаний и заверений было много, но дело обстоит по-прежнему очень плохо. Потребовалось, чтобы Государственный Комитет Обороны дал специальное указание первому секретарю обкома и начальнику УНКВД области

освободиться временно от текущей работы и заняться работой на узле. Прошла неделя, но дела поправляются чрезвычайно медленно. Нам ежедневно звонят (названы фамилии Маленкова, Микояна, Берин — Г. А.) и все задают один и тот же вопрос: когда вы улучшите работу на дороге? Так дальше работать нетерпимо... Мы потребовали от секретарей райкомов партии и начальников НКВД, чтобы они освободились от текущей работы и шли помогать транспорту».

Конечно, не это сыграло решающую роль по выведению Северной железной дороги из кризиса. На основе решения Государственного Комитета Обороны от 13 марта осуществлялся целый комплекс мер организационно-технологического характера. Прежде всего от излишнего парка был освобожден железнодорожный узел Вологда. Для обеспечения пропуска поездов без смены паровозов и кондукторских бригад в Вологде на участке Данилов—Обозерская вводилась турная езда. Были направлены дополнительно паровозы с других дорог. Увеличена сдача поездов на Горьковскую и Ярославскую дороги. Усилена выгрузка вагонов с местным грузом. Улучшилось снабжение СЖД дровами. Разрешено в марте, в случае недостатка вагонов для погрузки срочных воинских грузов, производить принудительную выгрузку любых невоинских. Исключение составляло оборудование для оборонных заводов и коксующиеся угли для черной металлургии.³ Развивалось движение машинистов-тяжеловесников.

В конце марта начальник Северной железной дороги Н. А. Груничев отмечал, что коллектив СЖД в последнее время значительно улучшил свою работу. Коренной перелом произошел в продвижении грузов с южного направления. Значительно быстрее стали продвигаться поезда, идущие на Волховстрой. Однако рывками еще работала станция Вологда-I. Очень слабо шла подача порожняка на Горьковскую железную дорогу, для Урала. Медленно продвигались поезда на Обозерском направлении.

Из письма группы поездных бригад паровозного депо Вологда лесорубам области

Железнодорожники Северной работают неудовлетворительно, это недопустимо в военное время. И вы можете помочь нам работать лучше... Наши паровозы нередко вынуждены делать в пути остановки из-за недостатка пара в котлах. А как же мы поднимем пар, если сплошь и рядом на складах топлива—сырая осина... Мы, паровозники, просим вас: обеспечьте Северную дорогу сухими и хорошо разделанными дровами смешанных пород.

От автора. Письмо опубликовано в газете «Красный Север» 18 марта 1942 года.

К этому дню на заготовке дров для Северной железной дороги складывалась противоречивая картина. Ряд леспромхозов

и лесопунктов укладывались в установленный график, но в целом, как писала газета «Красный Север», «мы заданную программу выполняем слишком медленно». Вина за это возлагалась на руководителей предприятий.

Но дело, очевидно, было не только в руководителях и стиле их руководства. Многие зависело от условий труда, быта. Производственные успехи добывались дорогой ценой. Упомянутый в газете в числе передовых Моизенский леспромхоз в конечном итоге выполнил и перевыполнил задание. Но он в этом году дал третью часть всех заболеваний сыпным тифом в Лежском районе. особенно болезнь косила лесорубов весной. Спустя несколько месяцев на сессии областного Совета депутатов трудящихся санитарный инспектор Лежского района рассказывал, в каких условиях работают лесорубы Моизенского леспромхоза: «Общежития переполнены. Мужчины и женщины живут, как правило, в одном помещении. Рабочие спят по трое на двух койках, а на 77-м пикете, где в настоящее время сгруппирована основная масса их, в одном из общежитий сделаны сплошные нары, и на девяносто пяти квадратных метрах лежит шестьдесят—восемьдесят человек... Использовать воду из местных источников запрещают: сильное загрязнение, и сейчас люди вынуждены возить ее за шесть километров...»

Из воспоминаний Л. В. Соломоновой, написанных ею лично.
(Цитируется дословно)

В январе 1942 года меня вызвали в Вологодский обком партии, и тов. Платонов сказал, что началась эвакуация ленинградцев, заболевших необходимо снимать с поездов и лечить в Вологде. Для подготовки госпиталей нужны люди, попросил организовать в прокуратуре всех, кто может помочь в вечернее время. Я организовала группу, и целый месяц мы ходили после работы: шили наволочки, простыни, набивали матрацы. Не думала я, что буду работать в этих госпиталях, да еще комиссаром.

7 марта 1942 года вызвал меня в горком ВКП(б) помощник секретаря и объявил, что с 6.03.42 г. решением бюро, протокол № 176, я утверждена комиссаром эвакогоспиталя № 1 при горздравотделе; приступить к приему госпиталя немедленно. Утром, на второй день, я пришла в здание центральной поликлиники, где была выделена для эвакогоспиталя часть помещения, с левой стороны от входа. Внизу на голом полу лежали кучи людей: живых, полумертвых и мертвых, тут же были дети, вещи: чемоданы, мешки, ведра—все без разбора. В подвальном помещении тоже все вещи лежали в антисанитарном состоянии, без всякой регистрации. На втором этаже на койках лежали взрослые и дети тяжелобольные.

Пищевблока не было, пищу возили из какой-то столовой на санках, в пути все замерзло. Нормы пищи больные недополучали, так как работники столовой и санитарки тоже хотели есть. Дров для отопления госпиталя не было. Самое страшное, что меня пугало, это большого размера каретник (в два этажа). Он был набит до отказа трупами-скелетами, уже смерзшимися друг с другом, так что без топора не растащить. От ужаса я потеряла голову, но потом взяла себя в руки. Винить в этом кого-то было безумно. Главный врач М. А. Прокушева и два юных специалиста бессильны были что-либо сделать без помощи. Все хозяйственные вопросы я взяла на себя, чтобы обеспечить врачам необходимые условия для лечения больных.

В первый же день Галина Ивановна Смирнова, старшая медсестра, предупредила меня, что в аппарате госпиталя есть нечестные люди, которые снимают с тяжелобольных кольца и другие ценные вещи и присваивают их себе. Назвать их фамилии отказалась, видимо, из боязни—она недавно пришла из другого лечебного заведения, а те, кто занимался мародерством, работали с открытия госпиталя № 1. Дни и ночи я находилась в госпитале, присматривалась к работникам, по окончании работы приходилось делать осмотры их личных вещей: так была замечена сестра-хозяйка М. (в записи фамилия указана полностью—Г. А.), которая несла мешочек с мукой и 400 г масла. Санитарка С. (в записи фамилия указана полностью—Г. А.) унесла в кармане золотое кольцо. На второй же день я с утра договорилась с судьей, и вечером прямо в госпитале провели выездную сессию, приговорили М. и С. за кражу к одному году лишения свободы. Этот судебный процесс послужил хорошим уроком: в госпитале больше не было ни одного случая краж. Все работники к делу относились добросовестно, но некоторые санитарки не раз говорили мне в глаза: зачем так круто взялась, все равно вещи умерших останутся, почему бы их не взять. Но я упорно стояла на своем, разговоры прекратились, а одна из санитарок уволилась из госпиталя.

С первых дней был упорядочен прием больных: по прибытии автобусов выходили все работники госпиталя, помогали выводить тех, кто мог еще ходить, выносили на носилках лежащих. Переписывали вещи живых, завязывали в узлы, один экземпляр описи давали больным, а второй прикрепляли к узлам. Этим занималась Соколова Зина. Золото и другие ценности принимала медсестра Вера Александровна Беляева, очень честная и ответственная женщина. Вся одежда больных была грязная, завшивленная, поэтому пришлось организовать постановку примитивной металлической камеры и пропускать все вещи через нее. Больных мыли в корытах. В волосах были кучи насекомых, ко-

росты, кожа в виде рыбьей шелухи, а подошвы потрескались до голого мяса. Трупы выносили в сарай, а затем вывозили на кладбище.

С первых дней я сходила в трест столовых, договорилась об открытии в госпитале пищеблока. Ответственной за получение и расход продуктов была назначена Анна Ивановна Фирстова, вновь принятая на работу в качестве старшего повара. Больные стали получать свежую горячую пищу. Надо отметить и то, что облторготдел выделил все продукты для больных, в том числе шоколад, фрукты, овощи. Если бы ленинградцы поступали без ужасной дистрофии, то времени на их лечение потребовалось бы меньше, и смертность была бы не такая.

Очень много потребовалось сил на то, чтобы обеспечить госпиталь дровами. С помощью прокурора области мне удалось договориться с директором электростанции об отпуске дров ежедневно из их запаса. За это я должна была организовать бригаду комсомольцев из облпрокуратуры ежедневно после работы ходить на распиловку дров и укладывать в штабеля. Что и было сделано—шесть человек ежедневно работали. Электростанция была рядом с госпиталем, дрова мы возили на санках вечером, а ночью топили печи. Следующая проблема—с помещением для детей. С большим трудом мне удалось отвоевать две комнаты в здании бывшей библиотеки на ул. Лермонтова (ныне здесь областная филармония—Г. А.).

Трупы, которые были сложены в каретнике, сразу вывезти не было возможности, они смерзлись меж собой, разрубать топором не хватило смелости и сил. К тому же не было готовых могил, не успевали рыть. (Л. В. Соломонова решила оставить трупы до весны, пока не оттают, потом хоронить. Ее воспоминания об этом—в апрельском разделе книги.—Г. А.). Судя по трупам, которые были сложены в каретник до меня, это была молодежь в возрасте от 15 до 30 лет. По моему мнению, они умирали в приемном помещении госпиталя, которое не отапливалось, привозили их сотнями, полуживых складывали всех в кучу и долгое время не разбирали, чтобы живым оказать помощь. В этом винить было некого, санитарок не было, а один врач бессилен, если госпиталь был совершенно не пригоден к такому большому приему больных. (По официальным данным органов здравоохранения Вологды эвакогоспиталь № 1 принял с конца января по 15 июля 1942 года 1331 больного ленинградца, умерло здесь 444 человека.—Г. А.).

Примерно с 10 марта 1942 года прием больных был упорядочен, производилось мытье, прочесывание волос, вшивость стала снижаться. Питание было вполне удовлетворительное, смертность снизилась, но не прекратилась. Истощенные люди не понимали,

что сразу наесться досыта нельзя. Они старались обманным путем получать две порции пищи и съесть, отчего наступала смерть, и тоже в большинстве у детей, подростков и молодых людей в возрасте до 25 лет. Я помню, как после одного обеда умерло сразу десять юношей из училища, а старушки и старички умирали редко. Видимо, жизненный опыт их спасал. Жадность к пище проявлялась с такой злостью, что дочери вырывали кусок хлеба или тарелку с кашей у своих матерей, лежащих на соседних койках.

Нельзя не отметить заботы о ленинградцах со стороны облторготдела. Госпиталю с базы отпускалось все: жиры, хлеб, мясо, консервы, овощи, молоко и—диво!—фрукты. В нашем госпитале все было на строгом учете. К расширению доступа не было, поэтому больным всего было вполне достаточно.

Дети в возрасте от шести месяцев до семи лет с 15 марта 1942 года прямо с вокзала привозились в детское отделение на ул. Лермонтова, в здание бывшей библиотеки. После выздоровления сироты сдавались в дом матери и ребенка, которым заведовала тов. Кундина, а у кого были родные, выписывались вместе с ними.

В один из вечеров на автобусе РЭП (Распределительного эвакуационного пункта № 95 — Г. А.) мы поехали на вокзал встречать больных. Зашли в вагон. Там полная свалка: кто плачет, кто кричит, кто спит. Выбрали тех, кто стоял на ногах, вывели, потом вынесли—кто еще шевелился, последними стали выносить, которые уже не шевелились. Взглянула я в угол—там что-то в лохмотье переваливается. Подошла, а сидит девочка лет двух на мертвой матери и сосет ее грудь. Верите, волосы дыбом встали. Беру девочку, а она кричит: мама, мама, моя мама, а мама уже не подает признаков жизни. Девочку очень быстро поправили, привыкла она, называла меня мамой. Подошло время сдавать в Дом ребенка, а она плачет, не пойду, показывает на меня, кричит—вот моя мама. Пришлось около месяца ходить каждый день в Дом ребенка, пока она привыкла там к новой маме—из работниц.

Помню, удочерили одну девочку бездетные супруги, а через полгода объявилась мать, которая где-то была снята с поезда и лежала в больнице на Урале, а ребенок жил в нашем госпитале, потом сдан в Дом ребенка. Началась судебная тяжба за ребенка между усыновителями и родной матерью, которую ребенок забыл и никак не ищет, а мать требует выполнения закона. Пришлось ребенка взять обратно в госпиталь, а мать принять временно на работу. В течение недели они общались, мать давала конфеты, яблоки, и ребенок вспомнил ее, и не нужны были

усыновители. Вот почему было нельзя поспешно выносить какое-то судебное решение.

Я вынуждена была день и ночь находиться в госпитале, спать по 2—3 часа. Поскольку дома у меня была больная мать, инвалид II группы, сестра и трое детей, которым не принести дров из сарая, чтобы истопить печь, я приходила днем, привозила на санках дрова. Открыв входную дверь, сбрасывала дрова за порог, брала 35-литровый бидон и ехала на колонку за водой. Привозила домой, опять же выставляла за порог, в прихожую, и уходила, чтобы не оставить дома насекомых, от которых в госпитале вспыхнул сыпной тиф.

С принятием госпиталя я завела книги регистрации имущества больных, отдельно—ценностей. Все вещи обрабатывались в горячей воде, складывались с бумажкой, на которую ставилась фамилия больного. Выписавшимся из госпиталя все выдавалось по предъявлению бумажки, которая давалась им при поступлении. Вещи умерших оставались на складе госпиталя. Дальнейшая судьба их мне неизвестна, потому что я была отозвана на работу в облпрокуратуру в декабре 1943 года, до закрытия госпиталя.

О работниках госпиталя могу сказать, что все они очень чутко, заботливо относились к больным ленинградцам. Честно относилась к золотым, ценным вещам Вера Александровна Беляева. Галина Ивановна Смирнова отдавала все свое умение, выполняя работу старшей медсестры. Анна Ивановна Фирстова от всего сердца старалась готовить вкусно, строго берегла продукты только для больных. Санитарка Зина и Надя были хорошими моими помощниками. Хорошо работал в госпитале бухгалтер, фамилию его не могла вспомнить. Мария Алексеевна Прокушева—душевный человек, хороший наставник молодых специалистов, но с очень мягким, жалостливым характером. Из-за этого не могла сразу взять коллектив в руки, и чрезмерная нагрузка по лечению больных отвлекала ее от хозяйственных дел.

Многие больные после выписки писали в госпиталь благодарности, писали и лично нам домой, но со временем переписка прекратилась, а письма не сохранились.

Для справки. Лидия Васильевна Соломонова, 1916 года рождения, вологжанка. После окончания школы ФЗО в Вологде работала на швейной фабрике, затем здесь же—в школе ФЗО на политработе. В 1938 году направлена стажером в областную прокуратуру. В 1939—1940 гг. училась в Архангельской юридической школе, после окончания которой с 1940 года работала в прокуратуре Вологодской области помощником прокурора по общему надзору. Осенью 1941 года находилась на строительстве оборонительных сооружений. Некоторое время вновь в прокура-

туре, а с марта 1942-го по декабрь 1943-го была комиссаром эвакогоспиталя № 1 для эвакуированных ленинградцев. В дальнейшем, до выхода на пенсию по инвалидности, вновь работала в органах правосудия (прокуратура, областной суд, нотариат).

От автора. Ужасающая картина нарисована Л. В. Соломоновой. Типична ли она для госпиталей Вологды, предназначенных для эвакуированных, в целом? В какой-то мере—да, поскольку практически все лечебные учреждения, созданные специально для больных ленинградцев, находились примерно в одинаковых условиях, главной чертой которых была работа «с нуля», нехватка всего и вся, в том числе и медицинских кадров. К этому добавлялись, как видим, и случаи неорганизованности, безхозяйственности, мародерства. И в то же время (об этом рассказано в тех же воспоминаниях Л. В. Соломоновой)—самоотверженный труд медицинских работников, обслуживающего персонала в экстремальных условиях, горячее стремление спасти людей.

Высокая степень смертности в вологодских госпиталях прежде всего, думается, определялась тем, что в них поступали тяжелобольные люди, во многих случаях болезнь носила необратимый характер. Немало эвакуированных привозили уже в состоянии агонии. Во всяком случае, М. И. Горшков, бывший в годы войны заведующим отделом здравоохранения Вологодского облисполкома, в подписанной им докладной записке на имя уполномоченного Совнаркома СССР Степанова (по завершении зимнего потока эвакуации ленинградцев) так оценивал обстановку: «В основном все больные, снятые с эшелонов, поступали в состоянии дистрофии II и III степеней, с сопутствующими желудочно-кишечными заболеваниями и отеками, а также с большим количеством обморожений верхних и нижних конечностей. Все больные требовали длительного пребывания на койке и, несмотря на все принятые меры, как со стороны лечения, так и диеты, смертность среди госпитализированных больных очень высокая, особенно смертность высока в первые 2—3 дня пребывания в госпитале»...

Правда, есть и другие мнения на этот счет. Прочитую фрагмент выступления военврача первого ранга Зубера на девятой сессии Вологодского областного Совета депутатов трудящихся, проходившей 2—3 марта 1943 года, т. е. через год после описываемых событий.

«Здесь выступал прокурор области и вспоминал 1942 год. Я тоже хочу вспомнить 1942 год, когда эвакуированные из Ленинграда, истощенное население, заболевшее там же или в пути, давало колоссальную смертность. Я хочу вспомнить только один гражданский госпиталь, организованный для приема эвакуиро-

ванных больных на ул. Лассалья, 20. (Ныне ул. Зосимовская.— Г. А.). В этом госпитале смертность достигала больше 50 проц. За короткое время своего существования этот небольшой госпиталь дал много сотен погибших людей по дизентерии на фоне истощения... Я сам видел 25 отборных молодых людей, заболевших дизентерией, из которых в живых осталось шесть».

Справка «Движение эвакуированных больных в эвакуогоспиталях г. Вологды. Первый поток»⁴. (С конца января по 15 июля 1942 года. — Г. А.)

	Прибыло	Выписалось	Переведено в др. мед. учреждения	Умерло
Госпиталь № 1	1331	439	408	444
Госпиталь № 2	1158	658	74	339
Госпиталь № 3	819	388	—	431
Госпиталь № 4	776	269	38	416
Госпиталь № 5	379	93	48	158
Госпиталь № 6	344	219	—	15
Дом ребенка	198	20	56	78
Детская больница	144	82	6	47
ВСЕГО	5149	2208	—	1928

(Часть больных, не учтенная в названных итоговых цифрах, очевидно, продолжала курс лечения — Г. А.).

...Громадные трудности с лечением эвакуированных ленинградцев были не только в Вологде, но и в других местах на пути следования полумиллионного эвакуопотока. Вот что, например, рассказал А. Ярославцев, в 1942 году преподаватель одного из техникумов в г. Ярославле. (Его воспоминания опубликованы в книге «Память», изданной Лениздатом в 1985 году). Приведу фрагменты из них. Речь идет тоже о мартовских днях, очевидно, 25 числе, когда Ярославский горисполком распорядился временно привлечь с предприятий, учреждений и учебных заведений города сто человек санитарями для обслуживания эвакуированных. В тот день в Ярославль привезли много тяжелобольных.

«Увиденное было неопишваемым. Перед нами лежали сотни людей, уже перешедших грань истощения. Дистрофия их была абсолютной, необратимой, и медицина (и тем более мы, приданные к ней) была бессильной... На кроватях в комнатах общежи-

тия педагогического института лежали скелеты, в которых едва теплилась отлетающая жизнь... Большинство не могло не только встать, но и хотя бы немного переменить положение. В моей палате (в ней стояло что-то около сорока кроватей) только двое изредка поднимались и медленно, как тени, передвигались по проходам.

Этот эвакуационный пункт был временным пристанищем эвакуированных, организованным буквально за несколько часов после извещения о прибытии эшелона, который направлялся дальше на восток, но ввиду критического состояния людей был остановлен в Ярославле. Несколько врачей и медсестры, которых в городе катастрофически не хватало, принимали только экстренные меры в порядке скорой помощи.

Нас толком даже некому было проинструктировать, научить, и мы, в основном, полагались сами на себя. Медсестры бегали со шприцами, с капельницами и только отмахивались, когда мы их о чем-то спрашивали. Им было не до нас. На их руках умирающие.

Сестра-хозяйка бегала с кипой чистого белья и, как нам сначала казалось, считала единственной своей целью никому его не давать. Потом мы узнали, что всякого белья—постельного, нательного, клеенок — было свезено сюда сотни комплектов, собранных в больницах, госпиталях, у населения, но в наших условиях это капля в море. Смены белья больному хватало на два—три часа, после чего требовалась новая смена. Прачечная была завалена работой. Дрова, торф были сырые, еле горели.

А белью требовалось менять беспрестанно. Нас дежурило около тридцати человек, и всю долгую зимнюю ночь с шести вечера до шести утра, под конец уже валясь с ног, мои слабенькие девушки непрерывно меняли белье у больных, которых нельзя было даже поднять, бегали с водой, выносили ведра, помогали сестрам. Не зная, как приступить к смене белья, они спрашивали об этом меня, еще меньше, чем они, знакомого с уходом за тяжелобольными. Но чему я мог их научить?..

Главная трудность заключалась в том, что до предела истощенных людей нельзя было поднять, чтобы привести в порядок их ужасную постель. Их просто не за что было взять. Каждое прикосновение к ним вызывало на их изможденных лицах слабую гримасу муки, синие губы что-то беззвучно шептали. Мои неопытные санитарки бессильно опускали руки, вопросительно взглядывали на меня, по их щекам катились слезы, лица бледнели.

Потом мы отработали более или менее безболезненные приемы этой операции. Рядом с кроватью больной ставили другую койку с чистой клеенкой, осторожно перекатывали больную

сначала на край своей кровати через слой «получистого» белья, поторопливо обтирали им же почти все тело, перекатывали дальше на чистую клеенку подставленной койки, быстро обмывали теплой водой (о горячем водоснабжении тогда у нас еще и не слышали), обсушивали полотенцами, чем-то смазывали ужасающие пролежни, с трудом надевали чистую рубашку...

Со второй половины ночи началось самое страшное—нужно было выносить умерших. Мои девчурки, никогда не видавшие смерть так близко, немели от ужаса и горя. И это было им совсем не под силу...

Умиравшие от крайней степени дистрофии ленинградцы относились к еде совершенно безразлично и совсем не просили есть. У них уже не было чувства голода. Еда не приносила им чувства сытости и только увеличивала их страдания.

Некоторые ленинградцы еще могли поднять голову, немного переменить положение рук. Медленно, словно вспоминая слова, говорили. Многие думали, что они в Ленинграде, спрашивали, почему молчит метроном. Хлопки проходящих машин принимали за артобстрел, спрашивали, какой район обстреливают. Одна все просила сходить к ней домой, но мучительно не могла вспомнить адрес.

Меркло все. Смерть уже стояла у изголовья. Их уже спасти было нельзя. А мы этого еще не знали, не верили и требовали, чтобы врачи что-то сделали, чем-то помогли. Медицинские работники, очевидно, больше свыклись с этой обстановкой, в которой царилa смерть, и более спокойно делали свое дело, а мы выходили из себя, почувствовав свою беспомощность. Девочки, заметив, что у больной исчезает пульс, бежали к врачу, сестрам, умоляли их скорее подойти к умирающей, а они, делая какую-то процедуру у другой, только говорили в ответ: «Да поймите вы, мы уже сделали все, что можно. Ей уже ничто не поможет». И девочки, задыхаясь от слез, бежали назад, прикладывали к холодным ногам умирающей бутылки с теплой водой, старались разгадать слабые движения губ.

Закрывали лицо умершей простыней, выбегали в коридор и давали волю слезам. Плакать в палате было запрещено...»

Из воспоминаний Н. В. Матаруевой, заслуженного врача России (г. Вологда)

В марте 1942 года я вернулась в Вологду со строительства оборонительных рубежей, где занималась медицинским обслуживанием. Назначили меня заместителем заведующего горздоровотделом, возложили ответственность за санитарно-эпидемиологическую службу. Санитарная обстановка зимой и весной 1942 года была очень тяжелой. В городе ходили и брюшной, и сыпной тиф, дизентерия, коклюш, скарлатина. Возникла опасность эпидемий,

Задачей № 1 стала борьба со вшивостью, чтобы не допустить распространения сыпного тифа. А ведь в обиходе и мыла почти не было. Что касается брюшного тифа, то тут главной проблемой являлась грязная вода. Еще хуже с дизентерией—и своя, и привозная—через эвакуированных.

Создали мы санитарные дружины из домохозяек. Дали им хлебные карточки по 600 граммов на день. Вокруг меня и были организованы эти дружины. Распределили их по улицам, секторам. Поставили задачу—обследовать санитарное состояние улиц, домов, выявлять больных, требовать вывоза всего, что антисанитарно. Собирались у меня в горздравотделе, отчитывались, составляли акты—где что не делается, выходили на исполком горсовета. Председатель его Александр Николаевич Зародов хорошо к нам относился, помогал. Моим помощником по эпидемической части была Татьяна Николаевна Чулкова (впоследствии переехавшая в Ленинград). Из общественниц одна из лучших—Панова.

Инфекционная больница была переполнена круглый год. Для гражданского населения устроили баню-санпропускник. Контролировали качество питьевой воды, ежедневно брали пробы. Не давали распространяться дизентерии: сануполномоченные ходили по домам с проверками. Бумаги наклеивали на дом: «Здесь очаг заболевания». Делали массовые прививки от болезней. Обработывали дома, квартиры, помойные ямы, уборные.

Большую роль в этой работе сыграл доктор Василий Вячеславович Лебедев (в будущем профессор) и созданный им в Вологде на базе лаборатории санитарно-бактериологический институт. В годы войны в этом институте стали изготавливать бактериофаг, применявшийся для профилактики и лечения ряда инфекционных болезней, в том числе дизентерии и брюшного тифа.

Эпидемий мы не допустили. Очаги заболеваний к 1943 году были ликвидированы.

От автора. Динамика распространения и ликвидации эпидемических заболеваний в городе Вологде характеризовалась такими показателями (на десять тысяч человек населения): дизентерия—172 случая в 1940 г., 124,6—в 1941 г., 208,8—в 1942 г., 48,3—в 1943 г.; сыпной тиф—1,5 в 1940 г., 1,5—в 1941 г., 272—в 1942 г., 1,4—в 1943 г.

Из воспоминаний Л. А. Блонштейн

На борьбу с тифом было мобилизовано население и мы, дружинники Красного Креста, тоже. Не приказывали, а внушали людям—если есть совесть, примите меры, помогите. На вокзале многие лежали без сознания, с температурой. Перекатим на носилки больного и уносим. Много работников вокзала, милици-

оперов выходило из строя. После очистки вокзала—обработка была, навели порядок. Чистили и у вокзала, и на путях. На эти работы брали массу людей...

Из справки от 5 марта 1942 года

На ст. Череловец для зала ожидания пассажиров отведено помещение бывшего железнодорожного клуба. Здесь в ночь скапливается до 200 человек, едущих с оборонных работ, которые лежат на полу. Уборка не проводится. Люди вшивые и, так как приходится по несколько дней ждать эшелонов, сидят голодные. За последние дни февраля несколько человек умерло от истощения. Некоторые не могут двигаться.

Из текущих документов марта 1942 года

Из распоряжения Вологодского облисполкома от 3 марта 1942 года. (В изложении)

Для перевозок больных ленинградцев, снимаемых с эшелонов на станциях Вологодского узла, а также эвакуированных, которым предстоит продолжить путь после излечения, на весь период эвакуации выделить два автобуса и две грузовые машины для работы днем и по одному автобусу и грузовой машине—ночью. Установить круглосуточное дежурство ответственных за обслуживание эвакуированных автотранспортом.

Из письма заместителя наркома вооружения СССР В. М. Рябикова председателю Вологодского горисполкома от 8 марта 1942 года

Для выполнения распоряжения заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. И. Микояна по эвакуации рабочих, ИТР и их семей с ленинградских заводов Наркомат вооружения командует в Вологду (далее фамилии — Г. А.). Просит оказать им содействие... в первоочередной отправке работников заводов вооружения, т. к. восстановленные заводы в восточных районах испытывают острый недостаток в квалифицированных кадрах.

Из правительственной телеграммы председателю Вологодского облисполкома и уполномоченному Совнаркома СССР от народного комиссара цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако

На основании распоряжения Косыгина, Жданова на Урал... отправляется две тысячи человек. Прошу организовать встречу, снабжение продовольствием, отправку людей к месту назначения.

Из решения Вологодского облисполкома от 10 марта 1942 года. (В изложении)

Развернуть дополнительные госпитали для снимаемых с поез-

дов больных ленинградцев: на 100 коек в Вологде—в трехдневный срок, на 200 в Бабаеве—не позднее 20 марта.

Из постановления бюро Вологодского обкома ВКП(б) от 21 марта 1942 года «О состоянии медицинского обслуживания пассажиров на Вологодском железнодорожном узле»

Медицинское обслуживание пассажиров, санитарное состояние территории станции и вокзала Вологда-I запущено. Скудность пассажиров в вокзальных помещениях, грязь и антисанитария в местах общего пользования, на перронах и железнодорожных путях, отсутствие санитарной обработки и своевременной медицинской помощи больным привели к увеличению случаев инфекционных заболеваний и большой смертности.

...Бюро обкома освободило от должности и исключило из партии начальника Дорсанотдела, поручило прокурору дороги привлечь его к судебной ответственности.

Из стенограммы пленума Череповецкого горкома ВКП(б), обсудившего 24 марта 1942 года вопрос «О санитарном состоянии города». (В изложении)

Представитель горздравотдела, выступая на пленуме, сказала, что в Череповце, переуплотненном эвакуированными, сейчас быстро распространяется сыпной тиф и желудочно-кишечные заболевания. Баня работает плохо, действует одна дезокамера, а на другой нет дров. Выработано мыла местного производства всего лишь 150 кг. На многих предприятиях и в общественных местах—грязь.

Первый секретарь Череповецкого горкома партии, председатель городского комитета обороны А. Н. Данилов отметил, что «в поликлинике громадные очереди, скверно работает «скорая помощь», грубость, невнимательность — и все недостатки сваливают на войну. Горком ВКП(б) не ударил своевременно по эвакуационным настроениям (летом 1941 г. ставился вопрос об эвакуации города—Г. А.), и они сказались теперь на работе коммунальных служб—люди не готовились к зиме и предприятия не готовили. Необходимо ликвидировать одну из главных причин—нехватку топлива.

...Через двенадцать дней после этого пленума А. Н. Данилов, придя со станции, где шла разгрузка эвакуированных, скоропостижно скончался в возрасте 39 лет—не выдержало сердце.

Из телеграммы А. Н. Косыгина Вологодскому облисполкому от 31 марта 1942 года

...Использовать 300 кубометров дров из резерва для эвакуогоспиталей с ленинградцами.

**АПРЕЛЬ
СОРОК ВТОРОГО**

ИЗ ХРОНИКИ ЭВАКУАЦИИ

1—4 апреля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—102, в Череповце—13, в Вологде—177, всего—292 эвакуированных.

Первого апреля в вологодский эвакогоспиталь № 4 привезли женщину, при которой никаких документов не оказалось. На следующий день она умерла, оставшись неизвестной.

Второго апреля здесь же скончалась Карачева (Карачеева) Александра Андреевна (Александровна), 15 лет. В Ленинграде она жила на 6-й линии Васильевского острова, в доме № 5/5, кв. 2. По этому же адресу (правда, квартира в документах архива ЗАГСа значится под № 6) жил Карачев Сергей Андреевич, 17 лет. Он умер в Вологде 18 апреля. Сестра и брат?

В этот же день в вологодский эвакогоспиталь № 2 привезен глухонемой мальчик, о котором ничего не известно: ни кто он, ни откуда. Умер 30 апреля, оставшись в документах «неизвестным».

5 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—35, в Череповце—1, в Вологде—42, всего 78 эвакуированных.

В Вологде скончалась четырехлетняя Валя Михайловская, а 19 апреля—тридцатидвухлетняя Агафья Афанасьевна Михайловская, очевидно, ее мать, т. к. до эвакуации обе жили в Ленинграде на ул. Малая Яблоновка, д. 28, кв. 11.

В Вологде 5 апреля умер (или снят мертвым с поезда) четырнадцатилетний Леонид Ермилов. 14 апреля здесь же умерла девятилетняя Капитолина Ермилова, ученица ленинградской школы № 179. До эвакуации они жили в Ленинграде на улице Моисеенко, в доме № 16, кв. 18. Очевидно, брат и сестра.

В вологодский эвакогоспиталь № 5 привезли пятилетнего Женю, четырехлетнюю Тамару, девочку лет пяти и мальчика лет шести, о которых вообще ничего не было известно. Девочка умерла 12 апреля, Тамара—13-го, Женя и неизвестный мальчик—29-го.

6 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—28, в Череповце—1, в Вологде—40, всего—69 эвакуированных.

В вологодский эвакогоспиталь № 2 с эшелона привезли четырехлетнюю Аню. Она умерла 20 апреля. В Бабаеве из умерших в этот день (или снятых мертвыми с поездов) троим в документах о смерти было поставлено «неизвестный» или «неизвестная».

В поселке Никольское, близ железнодорожной станции Шекс-

на, скончался ленинградец Семен Васильевич Каледкин.

В июне 1991 года Л. К. и В. В. Судаковы получили письмо из Санкт-Петербурга от дочери умершего — Антонины Семеновны Каледкиной.

«Мой отец... 1875 г. рождения, был эвакуирован из Ленинграда в тяжелом состоянии и скончался... 6 апреля 1942 г. С помощью добрых жителей я похоронила его на местном кладбище. За его могилой до сих пор ухаживают.

Я давно знала о составлении «Реквиема», но думала, что раз могила отца известна, то сведения о нем излишни для группы «Поиск». Но ваша статья «Послесловие к «Реквиему» в «Ленинградской правде» от 20.06.91 г. растревожила душу, и мы с сестрой решили, что и имя нашего отца должно быть внесено в «Реквием». Вот сведения об отце...»

Из письма А. С. Каледкиной Л. К. и В. В. Судаковым от августа 1991 года:

«Не выразить словами нашу великую благодарность вам и потрясение, которое мы испытали, когда прочли ваше письмо от 28.07., взяли в руки «Реквием» и увидели там уже внесенное имя нашего отца Каледкина Семена Васильевича...»

7 апреля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—30, в Череповце—2, в Вологде—85, всего—117 эвакуированных.

Седьмого апреля в Вологде скончалась четырнадцатилетняя Любовь Ивановна Нестерова, восьмого—шестнадцатилетняя Надежда Ивановна Нестерова. Обе жили до эвакуации в Ленинграде, на 4-й линии Старой Деревни, в доме № 110, кв. № 17. Очевидно, сестры.

В состоянии агонии привезли с эшелона в вологодский эвакогоспиталь № 4 52-летнего мужчину, фамилию которого правильно установить не удалось: «Гере...анов А. И. В этот же день он скончался.

9 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—27, в Череповце—2, в Вологде—52, всего—81 эвакуированный.

В Вологде скончалась шестидесятилетняя Валентина Эдуардовна Карпинская, жившая до эвакуации в Ленинграде на пр. Римского-Корсакова, в доме № 61, квартира 38. В этой же квартире жила Карпинская (Карпицкая) Нина Вячеславовна, 26 лет, 3 марта поступившая в вологодский эвакогоспиталь № 4 и умершая там 21 апреля. Родственницы? Мать и дочь?

В Вологодский эвакогоспиталь № 1 с эшелона привезли женщину, о которой известен лишь обрывок фамилии—...изайнэ... Она умерла через день—11 апреля.

...В этот день из Ленинграда была эвакуирована пятилетняя Тамара Феоктистова. Спустя почти пятьдесят лет она (теперь уже Тамара Ивановна Семячкина) писала из Санкт-Петербурга в вологодскую группу «Поиск»:

«В 1941 году жила в Ленинграде. Когда уехала, с кем, куда, где осталась без родителей? Сколько им было лет? Где они или когда погибли, умерли от голода и холода?»... Некоторые сведения о родителях Тамара Ивановна получила от бабушки лет тридцать назад, но—никаких документов.

Всложжане сообщили Тамаре Ивановне, что ее отец, Феоктистов Иван Петрович, тридцати одного года, ленинградец (адрес найден), умер в Вологде 29 апреля 1942 года, мать, Валентина Осиповна Феоктистова, умерла на станции Шарья. Именно там и осталась Тамара одна.

«Меня сдали в дом ребенка. Из приюта в Ленинград директор писала, просила живых родственников забрать меня—сироту. У отца была в Москве жива сестра—Феоктистова Клавдия Петровна, по мужу Семячкина. Она не смогла за мной выехать в Шарью, приехал ее муж, Семячкин Иван Георгиевич. 28 января 1943 года я была официально удочерена».

10 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—21, в Вологде—38, всего—59 эвакуированных.

Рассказывает Людмила Леонидовна Косолапова, живущая ныне в Санкт-Петербурге (письмо Л. К. и В. В. Судаковым):

«Мы с мамой—Пелагеей Александровной Клионковской и сестрой эвакуировались из Кронштадта. Еще до Ладоги мама заболела. Болела голова и опухла нога, вероятно, рожистое воспаление. Я боялась, что она умрет, так много было вокруг смертей. В Череповце я хотела ее сдать в эвакуопункт, но когда искала его, наткнулась на сарай, где, как дрова, лежали полуголые трупы. Я испугалась и решила ехать дальше. Люди мне говорили: доведи маму до Ярославля, там хорошо налажен прием больных с эшелонов. Но я боялась, что не доведу, и бросаю ее в апрельскую грязь на путях.

И 10 апреля 1942 г. я прибежала в медицинский пункт при ст. Вологда с просьбой помочь снять маму с эшелона. Мне сказали: берите носилки и несите сюда, а помощников ищите сами. А мне 16 лет, и сил у меня не было. Я попросила на вокзале какого-то мужчину помочь мне. И он помог принести маму в медпункт. Женщина, которая там была, записала с моих слов мамину фамилию, имя, отчество и все нужные ей данные. Сказала, чтоб я ее положила рядом в комнату, где уже были такие же страдальцы. Лежали на грязном полу. И я боялась маму положить с носилок на пол, на эту грязь. Мама была одета очень хорошо. На ней было новое зеленое пальто с шалевым

меховым воротником. На груди у нее были документы, помню трудовую книжку.

Я спросила у дежурной по медпункту, а когда их заберут в больницу, она ответила, что придет автобус и заберет. И самое страшное, что я заподозрила, почему этот мужчина, который ее нес, не уходит от мамы. Не раздели ли ее еще живую и этим не погубили ли ее? Но вдруг объявили, что наш эшелон отправляется через несколько минут. Я стала плакать, кричать, трясти маму. Она как бы очнулась, сказала: поезжай в Тамбов, я поправлюсь, вернусь к вам. И до сих пор не вернулась.

Я до сих пор не понимаю, зачем было эвакуировать таких ослабевших от голода и холода людей. Уверена, что половина этих несчастных осталась бы жива дома, т. к. уже давали 300 гр. хлеба, и наступала весна...»

11—12 апреля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—39, в Череповце—4, в Вологде—88, всего—131 эвакуированный.

Двенадцатого апреля в Вологде скончалась семидесятилетняя Мария Васильевна Курчатова, мать всемирно известного в будущем ученого-физика Игоря Васильевича Курчатова.

П. Т. Асташенков пишет в книге «Курчатова», что бывшая аспирантка педагогического института Крицкая с трудом вывезла ее по Ладожскому озеру на Большую землю. «Но Мария Васильевна была очень слаба, поэтому в Вологде ее сняли с поезда и поместили в больницу. Там она умерла...»

...Журналистка Оксана Булгакова рассказывает о Марии Васильевне в молодости: «От Аши до Миньяра (на Урале—Г. А.) рукой подать. Старая дорога вьется вдоль Сима-реки по дивному краю уральских сказов. Змейка-ящерица выскочила из травы и замерла на пригорке—погреться. Невольно ждешь: вот сбросит она с себя кожу и обернется девицей-красой в малахитовом сарафане, да с косой из-под кокошника. А ведь увидела я такую молодницу, прямо глазам не поверила: и сарафан-то расшит, и кокошник камнями-самоцветами изукрашен. Только на фотографии эта красавица стоит, к березе прислонилась... На снимке том Курчатова Мария Васильевна—мать Игоря Васильевича Курчатова, великого ученого...

Мать будущего ученого, по молве, вовсе миньярская: тут учительницей в церковно-приходской школе работала...»

В книге «Курчатова» П. Т. Асташенкова говорится о ней: «...Мария Васильевна отличалась твердостью и решительностью характера, незаурядным умом. Муж относился к ней с большим уважением и всегда прислушивался к ее советам. Она окончила училище с правом на звание домашней учительницы, до замужества некоторое время работала помощницей учителя.

Игорь—второй ребенок в семье. Сестра Антонина была на пять лет старше. В 1905 году родился третий ребенок—его называли Борисом.

Первые уроки русского языка и арифметики Антонине, как впрочем, потом Игорю и Борису, давала мать».

...Летом 1941 года Игорь Васильевич Курчатов уехал в действующую армию. Мать Мария Васильевна и отец Василий Алексеевич, тяжело больной, остались в Ленинграде, где жили до войны.

В Севастополь (в августе-ноябре, 1941 года там находился И. В. Курчатов—Г. А.), как пишет П. Т. Асташенков, «пришла горькая весть: отец умер. Игорь Васильевич отправил в Казань письмо, единственное, в котором говорит о своих тяжелых переживаниях. Раньше и после никто не слышал от него ни слова о чем-нибудь подобном. Вот выдержка из письма от 17 сентября 1941 года:

«Спасибо за письма, они хоть немного уменьшили и смягчили те чувства, которые охватили меня, когда я узнал о смерти отца и о том, что мама не выехала в Казань.

Боюсь, что ей этого сделать нельзя будет: случилось все то, чего я опасался и предвидел заранее. Наше прощанье было очень грустным—именно в ту ночь я почувствовал, как я их люблю и какие они слабые и беспомощные...»

Игорь Васильевич зимой 1942 года был в Казани, тяжело больной. «Поэтому ему не сразу сказали о новой беде, которую ему подготовила судьба...»

...В Вологде, на Пошехонском кладбище, у мемориала ленинградцам, умершим во время эвакуации, установлен памятник Марии Васильевне Курчатовой.

13—16 апреля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—69, в Череповце—9, в Вологде—163, всего—241 эвакуированный.

В Вологодский эвакогоспиталь № 2 четырнадцатого апреля привезли маленьких Таню и Толю. Других сведений о них не было. Таня умерла 4 мая, Толя—28-го.

Пятнадцатого апреля на лечение в Череповце оставлена очередная партия больных ленинградцев, снятых с проходящих эшелонов. Спустя месяц с лишним некоторые из них сделали такие записи:

«Пребывание в стационаре эвакуопункта гор. Череповца с 15.04—по 22.05.42 года по болезни (дистрофия 2-й степени) на моем нелегком пути при эвакуации из гор. Ленинграда будет являться самым светлым воспоминанием. Я не ошибусь, если скажу, что мое мнение является мнением большинства больных, прошедших стационар, в том числе и профессора, инженера вод-

ного транспорта тов. Бычкова, к сожалению, не подписавшего этот отзыв ввиду отъезда после выздоровления. Мнение мое в полной мере подтверждается тем отзывом, который был сделан во время пребывания в стационаре представителя облисполкома —уполномоченного по делам эвакуации по Вологодской области тов. Подморина—больными, находящимися в стационаре.

Прекрасный уход за больными, выполнение всех их просьб работниками стационара, во многих случаях не относящихся к выполнению прямых служебных обязанностей и, наконец, самое главное, правильное лечение в значительной степени ускорили выздоровление больных и возвращение снова к своему станку, к борьбе против немецких захватчиков...

Спасибо, товарищи! Ваш тяжелый труд не пройдет мимо истории народной борьбы против немецких извергов, кровавого палача Гитлера, победа над которым будет безусловно обеспечена.

Инженер дорожно-строительной конторы (Дорстрой) Ленинградской железной дороги больной Девченко». (Подписались также эвакуированные ленинградки Черняева, Ложкова и Майорова).

К этой записи сделана приписка: «Считаю, что высказанное еще не полно, так как врачи и медперсонал заслуживают большего.

Ст. инженер-технолог Кировского завода (подпись неразборчива)».

С 22 января по 15 апреля из Ленинграда было эвакуировано 554186 человек, в том числе рабочих и служащих предприятий с семьями—351 845, студентов институтов, учащихся техникумов, преподавателей, артистов, писателей и ученых с семьями—37877, детей—воспитанников детдомов и обслуживающего персонала с семьями—12 639, учащихся ремесленных училищ—32 896, инвалидов Отечественной войны—43056, жителей Ленинградской области и Прибалтийских республик—35409, т. н. спецконтингента (лиц, отбывающих наказание, душевнобольных и др.)—40464.¹

С 16 по 21 апреля автомашинны из Ленинграда с эвакуированными и в Ленинград — с продовольствием, горючим, боеприпасами и другими грузами шли через Ладожское озеро по сплошной воде, выступившей поверх льда. С 15 апреля с трассы были сняты автобусы, с 19 апреля — автоцистерны, с 20 апреля — все автомашины ЗИС-5, т. к. только за один этот день провалилось под лед около 80 машин. («Непокоренный Ленинград». Л., Наука, 1970, стр. 213).

К 16 апреля с 1 января 1942 года через Вологодскую область и станции Вологда-I и Вологда-II прошли эшелоны с 496260 эвакуированными ленинградцами, в том числе с 98212 детьми.

17 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Ба-

басве—25, в Череповце—1, в Вологде—39, всего—65 эвакуированных.

В Вологодский эвакогоспиталь № 2 привезли четырнадцатилетнего мальчика, у которого было известно лишь имя—Витя. Он умер через день, 19 апреля.

В эвакогоспиталь № 4 поступило трое мужчин, оставшихся «неизвестными». Один умер в этот же день, другой—на следующий, третий—19-го.

18 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—25, в Вологде—42, всего—67 эвакуированных.

Из письма от декабря 1991 года в группу «Поиск» Александры Сергеевны Романовой из Подмосквья:

«В первых числах апреля 1942 г. я с сестрой ехал в товарном эшелоне через незабываемые на всю жизнь станции Вологодской области, где умерла моя сестра Смирнова Антониды Сергеевна, год рождения 1928... Мне было неполных 16 лет, держалась на волоске от смерти, не было надежды на выживание. Ввиду такого шаткого состояния точно не могу назвать, на какой из трех станций: в Бабаеве, Череповце или Вологде сняли санитары с носилками мою умершую сестру...»

Из группы «Поиск» А. С. Романовой ответили, что ее сестра Антониды Сергеевны Смирнова умерла 18 апреля 1942 года и похоронена на кладбище г. Бабаево.

19 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—12, в Череповце—3, в Вологде—37, всего—52 эвакуированных.

В Вологде скончался заведующий Ленинградской туберкулезной клиникой Николай Петрович Аносов, 65 лет. Спустя двадцать дней, 9 мая, в вологодском эвакогоспитале № 3 умерла Аносова Вера Петровна (60 лет). Оба до эвакуации жили в Ленинграде на улице Халтурина в доме 32/31, квартира 18. Очевидно, муж и жена.

В Вологодский эвакогоспиталь № 1 поступили Нестерова Любовь Ивановна, 14 лет, и Нестерова Надежда Ивановна, 16 лет, ученицы ленинградской школы № 62, очевидно, сестры. (До эвакуации жили в Ленинграде в Старой Деревне, в доме 110, квартира 17). Обе умерли: Любовь—седьмого мая, Надежда—восьмого.

20 апреля. По данным «Реквиема» в этот день умерло: в Бабаеве—13, в Череповце—5, в Вологде—48, всего—66 эвакуированных.

Из Ленинграда через Вологду на эту дату прошло 207 эшелонов с эвакуированными ленинградцами, в них—473915 человек.

В том числе: на Северный Кавказ—88 эшелонов (218838 человек), на Восток—62 эшелона (144740 человек), на Ярославль и в Ивановскую область—57 эшелонов (110387 человек).

С начала эвакуации в Вологодской области госпитализировано 5238 человек.

21—22 апреля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—9, в Череповце—4, в Вологде—89, всего—102 эвакуированных.

Двадцать второго апреля была отправлена последняя партия ленинградцев с эвакуопункта Борисова Грива через Ладожское озеро.

23—24 апреля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—13, в Череповце—5, в Вологде—102, всего—120 эвакуированных.

Двадцать третьего апреля в Вологде скончалась (или, возможно, была снята уже мертвой с поезда) десятилетняя Екатерина Михайловна Евстафьева. Очевидно, ее сестра, Мария Михайловна Евстафьева, 14 лет (возможно 24-х), умерла спустя несколько дней—26 апреля, в этом же городе. До эвакуации обе жили в Ленинграде по адресу: завод «Красная звезда», дом 23, квартира 3.

В этот же день привезены в госпитали Вологды (4-й и 2-й) пятнадцатилетняя Елена Даниловна Девянис и восемнадцатилетняя Наталья Петровна Девянис. В Ленинграде обе жили в пер. Ильича, дом 9 (у Натальи в документах значится номер квартиры—84). Обе умерли: Елена—8 мая, Наталья—19 августа. Родственницы? Сестры?

В этот же день в Вологодский эвакуогоспиталь № 4 поступила четырнадцатилетняя Мария Михайловна Бутошникова. На следующий день, 24-го, в Вологде умерла Матрена Петровна Бутошникова, 65 лет (или—15 лет, запись неразборчива). И та и другая до эвакуации жили в Кронштадте, на ул. К. Маркса в доме № 4, квартира 11. Очевидно, родственницы, возможно, близкие. Мария Бутошникова тоже умерла—13 мая 1942 года.

25—30 апреля. По данным «Реквиема» в эти дни умерло: в Бабаеве—42, в Череповце—22, в Вологде—205, всего—269 эвакуированных.

Двадцать шестого апреля в Вологде скончалась шестилетняя Лидия Георгиевна Пожидаева. На следующий день—семнадцатилетняя Вера Георгиевна Пожидаева, 8 мая умер трехлетний Анатолий Георгиевич Пожидаев. Очевидно, сестры и брат, У Веры

в документах показан адрес: г. Кронштадт, ул. Советская, д. 13, кв. 1; у Анатолия записано из адреса только г. Кронштадт, у Лидии адрес не показан...

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ. ДОКУМЕНТЫ

Из письма с воспоминаниями Валентины Трофимовны Фигуриной. (Санкт-Петербург, 1992 год)

...Вдруг после 20 марта нас эвакуируют. Вроде все пошло на лад, можно было не ехать, но как жить,—если не поедешь, карточек не дадут—это я только сейчас узнала. (18 июня 1942 года В. Т. Фигуриной, тогда—Блиновой, исполнилось 1. лет.—Г. А.).

Рано утром до вокзала в Колпино нас провожал дядя чужой: на саночках—вещи и братик. Было очень холодно, туманно, плохо видно вдаль. Потом еще помню себя на Финляндском вокзале, мы сидели на ступеньках главного входа. Сильно грело солнце, все было занято нами, столько много детей, мы все думали: только бы не было бомбежки, сразу на нас бросят, и все тут.

Ночью уже ехали в поезде. Товарняк, вагоны дырявые, со всех сторон сквозит, и я простудилась, заболела. А мама мне говорит: невеста ты моя милая, видать, не довезу я тебя никуда, помрешь у меня тут, помощница моя. А я или подумала, или вслух сказала, не помню: как бы ты сама вперед меня не померла.

А потом помню себя уже на машине. Кричат: строго соблюдайте дистанцию, чуть что—в сторону. Машины были—на две доски нарощены борта, наш узел с вещами не подмочило, вода была до бортов, все сидели на своих узлах. Когда въезжали на озеро, страшно было смотреть на эту водяную черную дорогу в белом снегу. Белый чистый снег, и черная вода шевелится.. По сторонам было видно много мешков с мукой, целых и рваных, так и видно—мука рассыпана. Или яма после бомбежки, или уже подтаяло—перед нами шли четыре машины и—раз под воду. Крики—и все. Но наш шофер отвернул в сторону. Проехав это место, все притихли, а то все сокрушались: сколько еды, а мы были голодны. Уже мы стали очень бояться, что может то же самое и с нами произойти, все насторожились. А те машины как-то уже очень близко шли друг за другом.

И вот уже берег, солнце, все устроились на своих узлах. Мама пошла получать продукты. Народу видимо-невидимо, можно сравнить с морскими котиками, и гул стоит похожий. Тепло. Вот уже и солнце спряталось. Мы с братиком сидим на узле. Перед нами лужица, льдом подернулась. Пришла тетя, рядом с нами ее дядя сидел, и братику дала колбасы копченой, грамм двести,

похожа на полтавскую или краковскую. Откусив раза два, братец ее роняет. Я сползаю с узла ее поднять, и тыкаюсь носом в эту мерзлую лужицу, царапаю нос и никак не могу встать, барахтаюсь, лицо в крови, никак не встаю. Думаю, ну все, помираю. Тогда эта тетя поднимает меня и садит на узел, протирает мне лицо, глаза: «Долго ваша мама...» И где бы нам хоть размяться, попрыгать немного, так ведь нет: посадили и сидим, наверно, боялись за узел.

Уже совсем стемнело, а мамы все нет. Ну, думаю, она нас бросила, я об этом уже слыхала, что бросают. А, может, приступ с сердцем, а лекарства у нее нет, она все говорила, что нужен валокордин, у нее вель порок сердца. И где она запропастилась? Пожевали мы с Мишей колбаски, прижались друг к другу, в сон клонит. Кое-где вспыхивают огоньки, как свечки, говор стоит. И вдруг слышу голос мамы, она нас кричит: «Миша, Валля Блиновы!» Я открываю рот, а звука нет, нервничаю, плачу, рада, что она нас не бросила, кричу, а голоса нет. Уж тогда эта тетя стала ей кричать: «Матушка, иди сюда, здесь они, твой сиротинушки». Сумку с провизией уронила, нас обхватила, плачет: да что же это, господи, вель вы замерзли. И что я, дура, вас так далеко оставила, хотела побыстрее, получилось долго, очень народу много.

А потом говорит: нам надо уже идти на поезд, на хороший посадят, до Вологды, а потом не знаю куда. Дает мне сумку с едой и чайник пустой, а я идти не могу, ноги не сгибаются, не идут, падаю, обе плачем, господи, боже ты наш, помоги. Я совсем замерзла, чайник гремит, из рук падает, не держат они ничего. Пальто было на мне, как ватники теперь, но не стеганое, а на ногах не помню, что у нас у всех было. Не помню, как шли, но вот около вагона тропинка в глубоком снегу, ногами утопанная, узкая, неровная. Открыли дверь вагона, видно свет, ступени. Ноги поднимаю и не дотянуть их до ступеней, не слушаются, падаю, и опять этот чайник гремит. Наконец, втянули меня в вагон, светло, купейный. И больше ничего не помню, как доехали до Вологды.

Только вижу, сидим мы уже в вестибюле с колоннами, полальше от дверей, народу много, вещи рядом, мама сидит вся как-то съезжилась, а около меня тетя пожилая пишет что-то, потом говорит: вот, распишись тут и храни эту книжечку, здесь деньги ваши 1550 рублей, получать тебе придется, паспорт, фотографии, наши метрики. Все подает мне и просит спрятать и хранить бережно, не потерять никогда.

Тут к нам подходит в белом халате тетя и говорит: пойдёмте со мной, детки, мы вас помоем и кровать вам большую приготовили, а потом и маму к вам приведем, вы все там поместитесь,

Мы—в слезы, не идем. Мама так и сидит комочком, еле выдавила из себя: идите, и я к вам скоро, вот только помоют. Вот мы уже на кровати, железная, большая, высокая, ждем маму, а ее все нет. Нас хорошо намыли, накормили обедом и ужином. Кто появится в белом халате, все просим узнать, где наша мама, что так долго ее нет. Уже темно стало, все стихло, мы ожили после тяжелой дороги, хорошо поспали. Утром опять просим узнать, где мама,—обещали ведь к нам. И так целый месяц мы вдвоем на этой кровати у большого окна прожили, а потом одна сестра сказала, что мама в тот же час померла.

Много за этот месяц мы с братом пережили, то он, то я ночами плакали. Потом нас перевели на второй этаж, топчан брата стоял напротив кабинета медсестры, он уже не ходил, а все лежал, а мой топчан на темном коридоре поодаль. Я часто около него сидела, а он говорил: «Валя, давай больше не плакать, ладно? Будем жить с тобой вдвоем, я буду ходить на работу, а ты стирать белье, варить обед». Сколько длилось это, не помню. Один раз он говорит: хочу вареной картошки. Я пошла на кухню попросить, хоть одну. Сказали—нет. Пошла на улицу с одной думою, хоть одну картошину у кого попросить, и вдруг, прыгая через ручей, увидела пять или шесть половинок картошин. Взяла их, отдала на кухню варить. А сама пошла к нему, известить его об этом. Но вижу, он лежит, смотрит и, о боже, у него, как у сестренки (умерла в Ленинграде 6 марта 1942 года.—Г. А.) глаза покрылись белой пеленой. Я бегом к медсестре и говорю ей: сделайте что-либо, укол какой, он умирает. А она говорит: ну черт с ним, пусть помирает, все помирают. Смотрю, а у нее на плечах мой темно-вишневый большой, цветастый платок, мое приданое—кричу ей. А она говорит, и деньги твои на книжке я получила, где твоя книжка, да ладно, она уже и не нужна. (В дальнейшем В. Т. Фигурина пишет, что деньги сохранились полностью.—Г. А.). Тем временем мой братец умер, он уже не говорил и не слушал. Я не запомнила день смерти, и только помню, что цвели обильно одуванчики.

Со мной сделалось плохо, или я без памяти была. А где у меня были документы и сберкнижка, не помню. Потом я оглохла, ничего не слышала. Помню, три—четыре девочки около меня рассмеялись, я их просила: напишите мне, о чем вы так смеетесь, потом они мне все время писали, а я им. Я боялась, что уже так и буду глухая. Как долго это длилось, не помню. Потом меня перевели вниз, очень большая палата, человек сорок. Там уже кровать была. Потом сказали, что сегодня будут брата выносить на машину. Мы с девочками долго ходили и увидели совсем голые, мерзлые, длинные, как бревна, кидали их, как дрова, в кузов, только грохот раздавался, брат последний. Мне

опять стало плохо, долго страдала, плакала, но одна женщина и девочки уговаривали, что все, ничего не вернешь, привыкай, крепись.

А потом вскоре прошел слух, что нас не будут отправлять в детприемник. Повезут прямо в детский дом. По реке Сухоне за триста километров отсюда, на большом корабле...

(В. Т. Фигурина написала воспоминания по просьбе составителей «Реквиема»).

Из справки начальника управления эвакуогоспиталями при отделе здравоохранения Вологодского горисполкома Туркестанской «О госпитализации ленинградского эвакуанаселения». (1-я часть справки опубликована в январском разделе.—Г. А.)

К моменту написания справки (не раньше 25 апреля 1942 г.—Г. А.) имелось: госпиталей—5; терапевтических на 1210 коек и один хирургический на 160 коек. В каждом госпитале имелось: 1) своя больничная кухня, 2) приемный покой с небольшим санпропускником, 3) дезокамеры, 4) ценности, документы, деньги и вещи у больных изъяты (в начальный период хранили сами больные), переписаны и хранятся отдельно, даны квитанции, 5) имеется элементарный хозяйственный и медицинский инвентарь, мединструментарий, 6) медикаменты отпускаются аптеками, к которым прикреплены госпитали, 7) белье имеется по две смены, у некоторых госпиталей и больше, 8) питание установлено регулярное и своевременное—три раза в день. Норма продуктов: 25 г сахара, 125—мяса и мясопродуктов, 40—сливочного масла, 200—молока, 90—крупы, 500—хлеба, 200—картофеля, 200—других овощей (свекла, капуста, лук). Вне нормы—белые сухари, сгущенное молоко, печенье, клюквенный экстракт, шиповник, сухие овощи, зеленый лук, салат. Вводится четвертое кормление—днем: чай с печеньем или кофе.

На каждого больного заведена клиническая история болезни. Закончено строительство трупохранилищ. На каждом трупе имеются бирки с обозначением фамилии, имени, отчества. Документы на умерших оформляются в день смерти и немедленно сдаются в похоронное бюро. С 23.04.42 г. начала работать клиническая лаборатория. На 25.04.42 г. вывезли все трупы (пришлось выделить грузовую машину, чтобы ликвидировать завал, из-за того что горкомхоз не справлялся с вывозкой трупов).

Оставалось ряд нерешенных вопросов, требовалось дальнейшее улучшение работы госпиталей: поставить на высоту лечебное питание; регулярная стирка белья; срочно укомплектовать младшими медкадрами, санитарками 5-й госпиталь, который находится в тяжелом положении (на 170 больных — 3 санитаря, все больные). Один из госпиталей превратить в сортировочный

(на ул. Лассалья). Нужны 4 квалифицированных врача на должность заведующих отделениями.

Движение больных с момента организации госпиталей по 24.04.42 года. Прошло больных—5189. Выписалось—1571, переведено—484, умерло—1206. Состоит на 24.04.42 г.—1826, в т. ч. 130 в Доме ребенка, 50—в детской больнице, 15—в тубдиспансере и 70—в санпропускнике.²

Из воспоминаний Л. В. Соломоновой, бывшего комиссара Вологодского эвакогоспиталя № 1

В апреле стало тепло, земля оттаяла, стали вывозить трупы. И вновь возникла проблема: не на чем вывозить. Телег не было, а на дровнях ехать по мостовой невозможно. В один из апрельских дней я пошла в трест очистки и договорилась, чтобы с утра дали лошадь. Лошадь дали только в двенадцать часов. Вдвоем с кучером нагрузили телегу и поехали. У Софийского собора, на самой горе, сломалось колесо, кучер исправить не мог, пошел в трест. Я на ветру ждала до трех часов, замерзла и пошла искать телефон, чтобы позвонить в трест. Лошадь привязала к дереву, а она, устав стоять, дернулась, трупы с телеги свалились на землю. Собрался народ, кто-то позвонил в милицию. Когда я пришла обратно, чуть с ума не сошла. В это время вернулся кучер, исправил колесо, подняли трупы и кое-как добрались до кладбища. Там меня и нашли работники НКВД, хорошо припугнув статьей из уголовного кодекса об ответственности за антисоветскую агитацию, и увезли с собой. Если бы я не была работником прокуратуры, поверьте, не доказать бы было, что это получилось без умысла. К тому же всем известно было, что в госпитале не хватало людей и не было своего транспорта.

Очень я переживала после случившегося, но ничего не изменишь. Трупы вывозить из каретника было необходимо, погода стояла теплая. Начиналось зловонье. Транспорт приходилось искать по разным организациям и выпросить удавалось не без помощи горкома партии. И только одну машину, на один рейс. В кузов машины входило по тридцать трупов, а в каретнике до моего прихода в госпиталь было заморожено более тысячи. (По официальным данным в эвакогоспитале № 1 с конца января по 15 июля 1942 года умерло: мужчин—152, женщин—181, детей—111, всего—444.—Г.А.). Вот и приходилось искать лошадей не только в тресте очистки, а и в колхозах, а какое там положение с лошадьми, всем известно. Прилагая все силы, я вывезла и захоронила ленинградцев: большинство—на Пошехонском кладбище, в братские могилы, часть—на Горбачевском, а иногда приходилось хоронить и на Введенском кладбище, в углу от улицы Добролюбова.

Из воспоминаний К. М. Смирнова, бывшего заведующего Вологодским горкомхозом

Могилы копали вручную: и нанимали людей, и своих горкомхозовских мобилизовали, работников коммунальных трестов. Военно охрану выставляли, когда котлованы заливали. Хоронили сначала на Горбачевском кладбище, потом—на Пошехонском шоссе, где воинское. Возили трупы на лошадях, примерно двенадцать занято было, в дровнях, иногда—в ящиках. Нам в морг поступали умершие в поездах. Умерших в госпиталях хоронил госпитальный персонал. Помню, в один котлован около Горбачевского кладбища сам тачек сорок земли засыпал. Ночью поднимал председатель горисполкома Александр Николаевич Зародов через рассыльного: немедленно организовать захоронение, это уже весной было. И всю ночь работали.

Из постановления Вологодского городского комитета обороны о наведении санитарного порядка и недопущении инфекционных заболеваний в Вологде, Соколе и Грязовце. (В изложении)

Горисполкомам немедленно развернуть работу по очистке городов; руководителям Вологодского узла СЖД—железнодорожной и ее станций.

От автора. Угроза инфекционных заболеваний по-прежнему оставалась серьезной. Вот, скажем, какой была динамика распространения сыпного тифа в городе Грязовце в зимние и весенние месяцы 1942 года. В январе—28 случаев заболевания (в районе и городе Грязовце), в том числе в городе—девять; в феврале, соответственно, 94 и 51, в марте—103 и 31, в апреле—249 и 87.

Резко увеличилось в марте и апреле заболевания сыпным тифом в Вологде.

...В Бабаеве в эти дни чрезвычайную районную противоэпидемическую комиссию заслушали на бюро райкома ВКП (б). Было отмечено, что в городе и районе наблюдаются вспышки сыпного тифа, на кладбище имеются незахороненные трупы, в ряде мест—антисанитария.

14 апреля Череповецкий городской комитет обороны принял постановление о санитарной очистке города, чтобы не допустить инфекционных заболеваний.

Из газеты «Северный путь» за 6 апреля 1942 года

За последние дни Вологодский узел, долгое время тормозивший бесперебойное продвижение поездов, начал выправлять работу. Значительно стало улучшаться положение с 5 апреля, когда станция Вологда-I приняла и отправила большое количество поездов. Правда, 5 апреля еще не полностью была выполнена

норма приема и отправления поездов, но то, что достигнуто, есть серьезное движение вперед.

От автора. Сказывались меры, предпринятые во исполнение постановления ГКО от 13 марта и НКПС—от 14-го. Однако и их было недостаточно. Не выправилось положение и на многих других магистралях. Поэтому 17 апреля 1942 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «Об оживлении движения и создании устойчивости в работе железных дорог». Основной целью программы, предлагаемой постановлением, являлось «размещение вагонного парка в соответствии с объемом работы и с учетом фактической емкости дорог, освобождение решающих узлов и станций от избыточного парка, перераспределение работы между станциями для облегчения положения перегруженных узлов»³. Говоря о последствиях этого постановления для Северной железной дороги, И. В. Ковалев пишет в книге «Транспорт в Великой Отечественной войне...»: «Прибывшие с других дорог паровозные колонны помогли расчистить наиболее забитые вагонами и брошенными поездами станции Северной железной дороги. Как ослабленный долгой и тяжелой болезнью организм оживает после переливания крови, так начала оживать и Северная железная дорога»⁴.

Из газеты «Красный Север» за 4 апреля 1942 года

Коллектив железнодорожников станции Лежа работает в тесном контакте с коллективом Монзенского леспромхоза. Как только трактористы и возчики подвезут из лесу дрова—железнодорожники сразу же отвозят их на склады топлива. В результате работа идет слаженно. Начальник депо тов. Курский сам сел за паровоз в качестве машиниста и возит дрова. С ним вместе работает машинист тов. Чупрунов. Он по 14 часов не сходит с паровоза.

От автора. 9 апреля на заседании исполкома Вологодского областного Совета депутатов трудящихся был сделан вывод: в апреле-мае есть полная возможность перевыполнить установленное Государственным Комитетом Обороны задание по заготовке дров для Северной железной дороги.

Действительно, Вологодская область значительно его перевыполнила.

Из «Отчета по эвакуопотоку ленинградцев в период январь—апрель 1942 г.» (В авторском изложении, с добавлениями из других документов)

С 26 января по 25 апреля 1942 года через Вологду прошло 215 эшелонов, в которых было 486287 эвакуированных. Кроме того, 4 тысячи человек прошли через Подборовье, Чагоду, Кабо-

жу, Хвойную и свыше 10 тысяч было расселено в районах области между ее западными границами и Вологодой. Всего, таким образом, через область прошло в период зимнего потока эвакуации свыше пятисот тысяч ленинградцев.⁵ Заметим, что из Ленинграда с 22 января по 15 апреля было эвакуировано 554186 человек.⁶ Следовательно, значительное большинство их было принято Северной железной дорогой, обслужено на территории Вологодской области и отправлено дальше. Часть тяжелобольных оставлена в госпиталях и больницах. Все они находились в тяжелом состоянии, с дистрофией второй и третьей степени с сопутствующими желудочно-кишечными заболеваниями и отеками, большое количество людей—с обморожениями. По данным на 15 июля 1942 года, с момента приема эвакуированных ленинградцев зимнего потока (с января 1942 года) в области было госпитализировано 9383 человека,⁷ в том числе в Вологде во время зимнего эвакуопотока—5149 человек.⁸ В шести эвакуогоспиталях и двух больницах города умерло 1928 человек.⁹ В самой Вологодской области с 26 января по 20 апреля 1942 года было принято и размещено 20733 ленинградца. Причем общее число принятых больше, но некоторая их часть, около 3 тысяч человек, поправив свое здоровье, выехала дальше, к местам первоначального назначения.¹⁰

**ДРАМА
УПУЩЕННЫХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

(Вместо послесловия к хронике эвакуации)

Лишь немногим больше шестисот тридцати шести тысяч человек эвакуировалось из Ленинграда до 27 августа сорок первого года,¹ а 29-го немцы перерезали последнюю железнодорожную линию, связывавшую город со страной. Из этого числа—жителей Ленинграда не более четырехсот тысяч. По мнению Д. В. Павлова, бывшего уполномоченного Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению Ленинградского фронта и населения Ленинграда, необходимо было вывезти в два-три раза больше².

Будь сделано так, как считает Д. В. Павлов, несомненно, многих тысяч человеческих трагедий удалось бы избежать, а продовольственное снабжение оставшихся было не столь тяжелым, как это случилось. Притом обороноспособность города отнюдь бы не ослабла. Собственно, именно так и поступили спустя чуть больше года, летом сорок второго, когда была поставлена задача оставить в Ленинграде «лишь то количество населения, которое необходимо для нужд фронта и флота., по преимуществу таких людей, которые были бы способны в любой момент превратиться из рабочего и служащего в бойца»³. (В результате эвакуации, осуществленной на основе этой установки, к началу 1943 года в городе проживало всего 637 тысяч человек гражданского населения)⁴.

Почему же так не поступили летом и осенью 1941 года?

«Только **явной недооценкой** всей опасности вражеского наступления и серьезной угрозы городу Ленина можно было объяснить такую **беспечность** в столь большом и ответственном деле, как своевременная эвакуация жителей города и его промышленности». Так определяет случившееся Н. Н. Воронов, в ту пору начальник артиллерии Красной Армии, в августе 1941 года член комиссии Государственного Комитета Обороны, разбиравшейся с положением дел на фронте под Ленинградом и в самом городе, в том числе и с организацией эвакуации⁵. (Подчеркнуто мною.— Г. А.).

Как вспоминал генерал М. М. Попов, тогда командовавший войсками Ленинградского фронта (в дальнейшем начальник штаба), комиссия ГКО после «очень горячих разговоров» считала, что ответственность за «совершенно недостаточные» темпы эвакуации несет «ленинградское руководство»⁶.

Значит, в первую очередь, два находившихся в городе члена тогдашнего политбюро ЦК ВКП(б)—К. Е. Ворошилов, главнокомандующий Северо-Западным направлением, А. А. Жданов, член Военного совета, секретарь ЦК, Ленинградского обкома и горкома партии, и их ближайшее окружение. (Кстати, Г. К. Жуков дал такую характеристику К. Е. Ворошилову: «Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не

знал их глубоко и серьезно»⁷. А В. М. Молотов, посланный Сталиным в конце августа сорок первого в Ленинград во главе упомянутой комиссии ГКО, так вспоминал впоследствии об А. А. Жданове: «...Тогда был очень растерян. Все плохо идет.»⁸).

Беспечность, если применить термин Н. Н. Воронова, была проявлена не только относительно эвакуации населения, но и создания в городе запасов продовольствия.

В самом начале войны многие эшелоны с ним, направляемые к фронту, не могли из-за немецкого наступления добраться до мест назначения. Тогдашний заместитель председателя Совнаркома СССР А. И. Микоян дал указание переправлять эти составы в Ленинград—там имелись большие складские емкости. А. А. Жданов позвонил И. В. Сталину и, заявив, что все ленинградские склады забиты, попросил не посылать им продовольствие сверх плана. Сталин, вызвав Микояна, дал ему указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия⁹.

Без загляда на завтрашний день расходовалось и имевшееся. Почти вплоть до блокады многие товары можно было купить в городе свободно, по государственным ценам—ограничений на их продажу не было, а некоторые основные продукты питания, наряду с выдачей по карточкам, продавались по т. н. коммерческим ценам.

Результаты вскоре проявили себя.

29 августа В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. Н. Косыгин (члены комиссии ГКО) и А. А. Жданов сообщили И. В. Сталину о явно недостаточных запасах продовольствия в Ленинграде: «Считаем такое положение ненормальным». Они предлагали создать к 1 октября (!) полуторамесячные запасы продовольственных товаров; возложить на Микояна и Кагановича ответственность за «срочную отгрузку и продвижение» продовольствия в Ленинград; вносили предложения прекратить коммерческую торговлю продуктами питания, нормировать отпуск чая, яиц, спичек¹⁰.

В этот же день члены комиссии ГКО и Жданов сообщили Сталину и о том, что ими принято решение эвакуировать с 30 августа по 8 сентября из Ленинграда двести пятьдесят тысяч женщин и детей и 66 тысяч человек населения из прифронтовой полосы¹¹.

Но было уже поздно: абсолютно все резервы времени оказались исчерпанными. В день, когда члены комиссии ГКО и Жданов передавали свои донесения Сталину, Мгинский узел на последней действовавшей железнодорожной линии, связывавшей

Ленинград через Волховстрой, Тихвин, Вологду со страной, был, после ожесточенной бомбардировки с воздуха, захвачен немцами. А восьмого сентября немецкие части, взяв Шлиссельбург и выйдя к Неве, полностью окружили город с суши. Выход из него и вход оставался лишь по беспокойным, а вскоре штормовым водам Ладожского озера и по воздуху, зачастую под прицелами вражеских самолетов.

В блокаду попали 2 миллиона 544 тысячи человек гражданского населения города, из них около четырехсот тысяч детей, и 343 тысячи жителей пригородных районов. Между тем, на начало сентября для войск и населения оставалось запасов основных продуктов питания чуть больше месячной нормы, а рассчитывать на скорое поступление их с Большой земли не приходилось. Ленинградцы были обречены на голод и лишения, что спустя недолгое время стало реальностью.

...Вскоре после установления движения по льду Ладожского озера, в конце ноября—начале декабря 1941 года, была предпринята попытка провести массовую эвакуацию из Ленинграда. (До этого из города с начала блокады по воде, льду Ладожского озера и самолетами сумели разрозненно вывезти несколько десятков тысяч человек, что проблему решило лишь частично). Но в научно-исторической, мемуарной и художественной литературе о первой попытке массовой эвакуации пока практически ничего не написано, кроме беглых упоминаний, абзац-другой в единицах монографий.

Между тем этот вопрос, думается, отнюдь не второстепенный в понимании истории ленинградской эвакуации...

...28 ноября сорок первого года на имя председателя Вологодского облисполкома А. Д. Абрамова пришла телеграмма, которой заместитель председателя Совета по эвакуации А. Н. Косыгин, со ссылкой на распоряжение № 1068 СЭ от 28 ноября, обязывал Вологодский облисполком «командировать на ст. Заборье Сев. ж. д. представителя для организации работы по обслуживанию и отправке эвакуированных. Организовать эвакуопункт I кл. на ст. Заборье, заняв расположенные близ станции помещения, приспособленные к условиям зимы, из расчета одновременного размещения 5—7 тыс. человек»¹².

Это означало, что готовится массовая эвакуация ленинградцев через Ладожское озеро.

Представляется возможность наметить несколько этапов, предшествовавших началу попытки ее осуществления.

22 ноября на лед Ладоги вышла первая колонна грузовых автомашин.

24 ноября Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «О строительстве зимней фронтовой автомобильной дороги ст. Заборье Северной железной дороги—Кобона, южный берег Ладожского озера» (в обход Тихвина, занятого 8 ноября немцами) для подвоза продовольствия, горючего и боеприпасов к восточному берегу Ладожского озера и эвакуации населения и имущества из Ленинграда¹³. Строительство предлагалось закончить к 1 декабря 1941 года.

28 ноября—упомянутая выше телеграмма А. Н. Косыгина в Вологду с распоряжением о строительстве эвакуопункта в Заборье, где предполагалось принимать эвакуированных с автомобильной трассы, идущей от Кобоны, и пересаживать в железнодорожные составы.

29 ноября начальник Северной железной дороги Н. А. Груничев сообщил в Вологодский обком ВКП(б) и облисполком о том, что «в соответствии с требованиями военного командования предложено подготовить и обеспечить людские перевозки в размерах ориентировочно от одного до полутора миллионов человек». В связи с этим, информировал начальник дороги, для оборудования вагонов потребуется 750 тыс. досок, 25 тыс. печей с трубаками, 25 тыс. вагонных рам, 25 тыс. фонарей. Он просил оказать помощь. (3 декабря на бюро Вологодского обкома ВКП(б) наряду с другими рассматривался вопрос «Об обеспечении печами вагонов для людских перевозок из Ленинграда»).

В декабре началась организация эвакуопункта в Борисовой Гриве—на «ленинградском» берегу Ладоги, куда подходила железнодорожная колея из города. (Первоначально эвакуопункт был в деревне Ваганово).

6 декабря военные дорожники при помощи населения близлежащих районов закончили строительство дороги по лесам и болотам в обход Тихвина до станции Заборье.

В этот же день Военный совет Ленинградского фронта принял постановление начать с 10 декабря эвакуацию населения из Ленинграда по трассе Ваганово—ст. Заборье, доведя число вывозимых людей к 20 декабря до пяти тысяч в сутки. Постановлением предусматривалось создание на трассе перевалочных пунктов и пунктов питания, установление норм питания эвакуируемых и решение других вопросов¹⁴.

...Распоряжение А. Н. Косыгина Вологодскому облисполкому о создании эвакуопункта в Заборье было одним из звеньев организации массовой эвакуации.

28 ноября, в день получения телеграммы, Вологодский облисполком принял решение: создать в Заборье эвакуопункт первого класса для приема и отправки 118 тысяч эвакуируемых из Ленинграда на автомашинах; руководство временно возложить на

начальника Череповецкого эвакуационного пункта П. Е. Малкова; подобрать в Череповце обслуживающий персонал; облторготделу забросить продовольствие для 118 тысяч человек, организовать питание 5—7 тысяч человек ежедневно; облздравотделу создать медицинский пункт с круглосуточным дежурством; Северной железной дороге ежедневно подавать на станцию Заборье для отправки людей 150—170 вагонов.

П. Е. Малков впоследствии вспоминал: «С 30 ноября по 4 декабря мы оборудовали пункты питания, медицинский, места отдыха. Из Вологды пришел состав классных вагонов, с ним приехала заведующая Вологодским облздравотделом Р. С. Айзикович. Однако развернуть работу эвакуационного пункта не дали налеты фашистских самолетов...»

Утром 4 декабря на станцию Заборье налетели 12 самолетов, вечером—8. Бомбардировками, пожаром эвакуационный пункт был полностью уничтожен. Погибла Р. С. Айзикович, шестнадцать человек ранено, двое из них—тяжело (одна из тяжелораненых вскоре умерла). По решению уполномоченного Совнаркома персонал разбитого эвакуационного пункта отправился из Заборья в Бабаево, куда прибыл на попутных машинах 6 декабря. Здесь эвакуационному было выделено двухэтажное здание недалеко от железнодорожной станции...

А через несколько дней необходимость в эвакуационном пункте на станции Заборье вообще отпала: 9 декабря наши войска освободили Тихвин, стратегическая инициатива на этом направлении была вырвана у немцев. 11 декабря в Тихвин прибыл первый поезд. Автомобильный путь в Ленинград сократился с 320 до 190 километров, недавно построенная обходная автодорога Ладога—Заборье приобрела уже второстепенное значение.

То есть с каждым днем улучшались предпосылки для массовой эвакуации населения Ленинграда.

(И, тем не менее, она не состоялась. 12 декабря, на следующий день после того, как в освобожденный Тихвин пришел первый поезд, Военный совет Ленинградского фронта постановил отложить эвакуацию «впредь до особого распоряжения». (Взято из книги В. М. Ковальчука «Ленинград и Большая земля»). Автор книги в примечании делает такое предположение: «Эвакуация населения была отложена, видимо, в связи с необходимостью провести предварительную подготовку». «Неподготовленностью и нехваткой подвижного состава» объясняет отмену принятого решения автор книги «Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.)» И. В. Ковалев.

Трудности, несомненно, были, и немалые, но почему потребовалось больше полутора месяцев для того, чтобы осуществить вторую попытку и начать массовую эвакуацию лишь в двадцатых

числах января 1942 года? Ведь благоприятные факторы нараста-ли неуклонно, начиная, повторюсь, со времени освобождения Ти-хвина. 1 января 1942 года уже было открыто сквозное движение поездов по линии Тихвин—Волхов—Войбокало. С этого дня про-бег автомашин (Войбокало—Ладожское озеро) стал 55 километ-ров вместо 320 от Заборья и 190 от Тихвина. В декабре сорок первого росли перевозки по льду Ладожского озера, хотя ледо-вая трасса работала еще неритмично, увеличивались транспорт-ные мощности, совершенствовалась система обслуживания доро-ги, на трассе работали сотни автомашин. Резкий подъем перевозок наблюдался в начале января 1942 года.

Однако «особое распоряжение» о массовой эвакуации, о чем было упомянуто в постановлении Военного совета Ленфронта от 12 декабря 1941 года, не появилось ни в декабре, ни в первой, ни во второй декадах января...

Между тем, каждый день и даже час уносили все новые и новые жизни ленинградцев. В декабре 1941 года, по данным Д. В. Павлова, умерло от дистрофии 52881 человек. В январе и феврале 1942 года зарегистрировано 199187 умерших. По непол-ным данным, в январе ежедневно умирало 3,5—4 тысячи чело-век¹⁵, т. е. 108,5—124 тысячи за месяц. Следовательно, задержка массовой эвакуации более чем на полтора месяца стоила при-близительно 105—115 тысяч жизней ленинградцев, каждый день в декабре-январе — две с половиной и более тысяч¹⁶. Не говоря о новых десятках тысяч больных самыми тяжелыми степенями дистрофии.

Причина задержки массовой эвакуации в декабре-январе, думается, в том, что у Сталина, высшего руководства страны (а лишь оно могло принять решение, касающееся судеб сотен тысяч людей) возобладали соображения, связанные с разрешени-ем проблемы чисто военным путем—скорейшим прорывом блока-ды Ленинграда, что позволило бы эвакуацию проводить по же-лезной дороге непосредственно из города (или вообще не про-водить).

Что дело обстояло именно так, косвенно подтверждают воспо-минания А. И. Микояна и К. А. Мерецкова.

Вот что писал А. И. Микоян о служебном эпизоде, происшед-шем вслед за началом (22 ноября 1941 года) движения по льду Ладожского озера.

«Вскоре к нам в ГКО поступила просьба ленинградцев разре-шить им открыть эту зимнюю автодорогу. Внимательно ознако-мившись со всеми материалами, я поддержал это предложение и подготовил письмо на имя командующего Ленинградским фрон-том генерал-лейтенанта М. С. Хозина и члена Военного совета фронта А. А. Жданова...

Затем я обратился к Сталину и просил его подписать письмо, что и было сделано в тот же день. Сталин, санкционируя предложения ленинградцев, в то же время подчеркивал, что открытие ледовой дороги, являясь важным событием, в целом не решает задачу обеспечения Ленинграда. Поэтому в конце письма он добавил: «...Вы не должны забывать, что единственное средство добиться надежного и регулярного снабжения Ленинградского фронта и г. Ленинграда заключается в том, чтобы поскорее, не теряя ни часа, прорвать кольцо противника и пробить себе дорогу»¹⁷.

Эта приписка Сталина к письму Микояна и является, думается, ключом к пониманию того, что Сталин спасение ленинградцев в это время связывал в первую очередь с быстреешим («поскорее, не теряя ни часа») прорывом блокады (как показали дальнейшие его действия—в конце декабря 1941 года, начале января 1942-го). Думается, что этот расчет Сталина и «перекрыл» идею спасения ленинградцев путем массовой их эвакуации через Ладугу, начиная с декабря сорок первого, а в конечном счете, отодвинул ее на полтора месяца. Впрочем, обратимся к фактам.

12 декабря 1941 года в Москве состоялось совещание в Ставке Верховного Главнокомандования. Присутствовали И. В. Сталин, А. А. Жданов, начальник Генштаба Б. М. Шапошников, командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин, командующие армиями К. А. Мерецков, Г. Г. Соколов, И. В. Галанин, начальник штаба армии Г. Д. Стельмах. На совещании было сообщено, во-первых, что Ставка приняла решение образовать Волховский фронт, назначить командующим его войсками генерала армии К. А. Мерецкова. И, во-вторых, по словам К. А. Мерецкова, главной задачей перед созданным фронтом было определено: «в первое время содействовать срыву наступления противника на Ленинград, а затем совместно с Ленинградским фронтом разгромить действовавшую здесь группировку немцев и освободить Ленинград от блокады». Операцию предполагалось начать через десять дней, т. е. в начале третьей декады декабря. «Особенно настаивали на немедленном переходе войск Волховского фронта в наступление,—говорит К. А. Мерецков,—ленинградские товарищи»¹⁸.

Очевидно, здесь, в Москве, двенадцатого декабря состоялась и стмена решения Военного совета Ленинградского фронта от 6 декабря о массовой эвакуации ленинградцев. Именно здесь, а не в Ленинграде, потому что в столице в это время были оба руководителя Военного совета—Хозин и Жданов. Без них в Ленинграде такого решения не смогли бы принять самостоятельно.

Расчет был сделан на еще только намечавшуюся операцию

по деблокаде, а не на немедленную массовую эвакуацию, хотя город уже стоял перед угрозой вымирания от голода. (В ноябре было зарегистрировано одиннадцать тысяч смертей от дистрофии, количество заболеваний в декабре резко возросло. С 20 ноября на рабочую карточку стали выдавать 250 граммов хлеба, норма служащих, детей, иждивенцев снизилась до 125 граммов).

Операция по деблокаде Ленинграда в декабре сорок первого была с самого начала обречена на провал. В своей книге «На службе народу» К. А. Мерецков пишет: «В основе... замысла лежала идея развития контрнаступления войск Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта в мощное наступление, в ходе которого намечался ввод в боевые действия новых сил и средств». Однако, по мнению К. А. Мерецкова, для этого «требовалось срочное усиление 4-й и 52-й армий свежими дивизиями. А 59-я и 2-я ударная армии, учитывая низкую пропускную способность северных железных дорог и участвовавшие удары бомбардировочной авиации противника, едва ли за те десять дней, которые оставались до начала операции, могли прибыть и подготовиться к наступлению»¹⁹. (Первые эшелоны 59-й армии, дислоцировавшейся в Вологодской области, отправились на фронт лишь 20 декабря.—Г. А.).

К сожалению, К. А. Мерецков не смог убедить Ставку относительно усиления фронта. В статье «Планы и реальность» во втором номере «Военно-исторического журнала» за 1992 год полковник Р. В. Мазуркевич, кандидат исторических наук, так определяет этот момент: «Волховский фронт... не имел ни времени, ни материальных средств, ни опыта подготовки операций, но страх перед Сталиным и недобрая память о недавних допросах и пытках в наркомате Берин, очевидно, не позволили генералу армии К. А. Мерецкову отстоять свои доводы перед Ставкой о необходимости тщательной подготовки войск фронта к наступлению».

Сам К. А. Мерецков пишет в мемуарах: «Б. М. Шапошников сказал, что положение Ленинграда исключительно тяжелое и поэтому ждать полного сосредоточения войск, возможно, и не придется, так как это наверняка оттянет сроки перехода фронта в наступление»²⁰. И далее. «...Стремясь как можно быстрее прорвать блокаду Ленинграда, ...Ставка считала, что наступление войск должно развиваться без оперативной паузы. От нас неоднократно требовали ускорить подготовку к наступлению всеми силами и как можно скорее преодолеть рубеж реки Волхов. Это требование наиболее ясно было выражено в директиве Ставки командующему Волховским фронтом от 24 декабря 1941 года. Не довольствуясь директивными указаниями, Ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л. З. Мехлиса, который ежечасно подгонял нас»²¹.

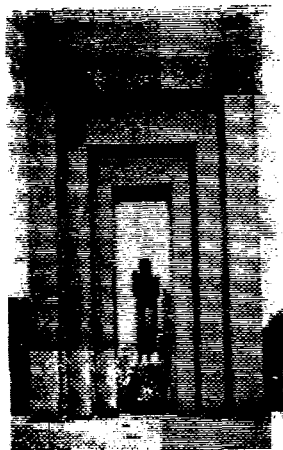

...Было сделано несколько неудачных попыток наступления, неоднократно, по согласованию со Ставкой, переносились сроки его начала. Наконец, 13 января 1942 года (вместо двадцатых чисел декабря 1941-го) наступление войск Волховского фронта началось. Оно закончилось провалом. «Если 2-я ударная армия имела успех, вспоминает К. А. Мерецков, то в 4-й и 59-й армиях наступление не удалось... 54-я армия Ленинградского фронта, израсходовав боеприпасы, 17 января тоже прекратила наступательные действия. В этой обстановке атаки на правом фланге фронта означали пустую трату сил. После моего доклада Ставка разрешила перенести все усилия в направлении Спасской Полюсти и Любани. Это направление оставалось затем главным еще почти полгода...»²².

...17 января 1942 года, в день прекращения Ленинградским фронтом наступления, заместитель председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгин провел совещание в Москве об организации массовой эвакуации ленинградцев, а 19 января он с группой сотрудников аппарата Совнаркома СССР и московских организаций вылетел в качестве уполномоченного ГКО в Ленинград, чтобы вместе с ленинградцами провести необходимую подготовку к ней. Уже 20 января в пробный рейс на автобусах была отправлена первая группа эвакуированных—1250 человек. 21 января Косыгин доложил Военному совету Ленинградского фронта свои соображения о мерах по проведению массовой эвакуации. Вечером того же дня он позвонил Сталину и сообщил, что Военный совет согласился с предложением эвакуировать в тыл страны в ближайшие три месяца полмиллиона ленинградцев. 22 января 1942 года было принято постановление Государственного Комитета Обороны о массовой эвакуации...²³.

...Высшему руководству страны потребовалось дождаться вестей о провале неподготовленной операции по деблокаде Ленинграда, чтобы вновь, лишь спустя полтора унесенных месяца, вернуться к идее массовой эвакуации, принять решение о срочном вывозе уже обессивших, измученных, больных людей. Дистрофия и холод косили их тысячами ежесуточно. Многие нашли смерть по пути в эвакуацию...

СПУСТЯ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

(Переписка с группой «Поиск»).

скульптуре, но я сразу увидела в ней свою маму с мертвой моей сестрой на руках, которую она выносила в проем товарного вагона, чтоб навсегда оставить на Вашей земле.

Это было очень тяжело. Я не могла остановить слезы, которые лились и лились из моих глаз.

Я преклоняюсь, перед всеми людьми, которые создали такой превосходный памятник. Я благодарна всем вам за Ваш благородный, кропотливый, очень необходимый труд в воскрешении памяти о тех людях, которые остались на Вашей земле. Если бы была возможность устроиться на 2 дня в гостинице в Вологде, я бы приезжала к этому мемориалу каждый год...

Телеграмма из Санкт-Петербурга 13.09.91

Вологда, почтаamt, ул. Орлова, 6, неединститут, группа «Поиск» В. В. Судакову. Перевод на 100 рублей телеграфом. Прошу принять мою благодарность, низкий поклон, пожелание долгих счастливых лет жизни. Если возможно, прошу возложить 25 сентября несколько цветов любви, вины, отчаяния на могилу моей мамы Марьясиной Раисы Александровны. «Реквием» часть вторая номер 716. Дочь — Марьясина Инна Александровна, инвалид первой группы, пенсионер.

Из письма В. В. Судакова И. А. Марьясиной

Глубокоуважаемая Инна Александровна!

Сообщаю Вам, что Ваша просьба навестить Пошехонский мемориал и поклониться от Вашего имени праху Вашей матери Марьясиной Раисы Александровны выполнена. Это хороший памятник, достойный памяти истинных ленинградцев, патриотов Отечества, умерших мученической смертью. Мы очень рады, что причастны к доброму человеческому делу.

От всего сердца желаю Вам, уважаемая Инна Александровна, доброго здоровья и всяческого благополучия.

Говорит вдова

Ольга Сидоровна Аржановская (г. Санкт-Петербург, август 1991 года. Из письма в группу «Поиск» с просьбой найти «хоть что-то» о муже, Иване Андреевиче Аржановском)

Пишу Вам и заново переживаю утрату. Мне 17.11.91 г. будет 78 лет, я все жду, жду, жду...

Говорят сестры и братья

С. И. Петрова (г. Санкт-Петербург, 3 июня 1991 года)

...Простите меня за столь позднее обращение к Вам с чувством глубокой благодарности за сообщение о захоронении моей несчастной сестры, погибшей в 36 лет из-за злой блокады Ленинграда...

Вчера получила письмо от общественной редколлегии книги «Реквием» с приглашением принять участие в презентации книги

«Реквием», том 2-й, с посещением кладбища. К великому моему сожалению, я не могу приехать в связи с болезнью (инфаркт). В Ленинграде на презентации буду обязательно. Очень тронута вниманием. Спасибо Вам за хорошее, благородное дело.

Да простит меня моя сестренка, что я не могу поклониться ее могиле.

Елизавета Ивановна Попова (г. Саратов, 1990 год)

...Обращаюсь к вам — может быть, вам известно о моей сестре Лебедевой Анне Ивановне, студентке Ленинградского института иностранных языков, которая эвакуировалась из Ленинграда в 1942 году, эшелон № 43? Мы знаем, что этот эшелон ушел из Вологды, а моя сестра неизвестно куда делась. Может быть, она отстала от эшелона? Может, она значится в списках погибших?.. Я все время ее жду, может быть, она и живая?..

Александра Сергеевна Романова (Московская область, 2 декабря 1991 года)

..Советую Вам, не откладывая, открыть счет для пожертвования в память погибших во время эвакуации ленинградцев. А если он имеется, сообщите, пожалуйста.

Валентина Яковлевна Корнякова (г. Санкт-Петербург, 1 января 1991 года)

Мой брат Круглов Владимир Яковлевич, родившийся 9 мая 1923 года в Ленинграде, ...был эвакуирован в конце марта 1942 года (после 20-го числа). После его отъезда вскоре было одно письмо — «До Вологды добрался благополучно...». И потом полное молчание. А моей душе нет до сих пор покоя, хотя и прошло уже 48 лет.

Когда началась война, брат ушел добровольцем на фронт 8.07.41 г. Был контужен и в конце октября или начале ноября 1941 г. пришел домой больной — были сильные обмороки. Мы с мамой, как могли, выходили его до весны. А в марте он решил один эвакуироваться. И с марта 1942 г. — неизвестность. Если бы он был жив, разыскал бы нас с мамой...

Помогите, пожалуйста, разыскать след брата. Мне 71 год, пока я еще хожу, может быть, смогу посетить могилу брата, если будет какая-то ясность...

Из второго письма В. Я. Корняковой—В. В. Судакову

Я все думаю, может быть, мой брат находится где-то в больнице? После контузии ведь он мог потерять память, но ведь при нем же были документы: паспорт, воинский билет, эвакуационный лист. По прибытии эвакуированных в г. Вологде ведь, наверно, где-то люди регистрировались?

Остаюсь в горьких слезах, но пока еще с маленькой надеждой...

Говорят дети

Я. Н. Яппу (г. Санкт-Петербург, 6 февраля 1992 года)

Вы и Ваши друзья по «Поиску» — святые и благороднейшие люди. К сожалению, наше жестокое прошлое и настоящее деформировало человеческую психику. Счастье, что сохранились люди, подобные Вам...

Я испытывал крайнюю неловкость, читая слова извинения в Вашем письме. Это я должен просить у Вас извинения за беспокойство!..

Не считите за бестактность еще одну мою просьбу: сообщите, могу ли я оказать материальную помощь Вашей работе и как это осуществить практически...

Нина Ефремовна Черененко (г. Киев, 10 мая 1991 года. Ее отец, Ефрем Иванович Курицын, эвакуированный из Ленинграда, умер в Вологде 25 февраля 1942 года)

Большое Вам спасибо, Вашему доброму отзывчивому сердцу. Ведь это людские боли... Я много раз наводила справки, и безрезультатно. В Вологде была лет 7—10 тому назад, останавливались с мужем, тоже фронтовиком, в Вашей гостинице, были на Пошехонском кладбище. Очень хорошее впечатление оставили люди, с которыми мы беседовали, вот они-то нас и направили на это кладбище. Как раз был День Победы. Народу было много, мы много ходили и подошли, в самом конце, к небольшому обелиску, там братские могилы. Мы вернулись в центр города, купили живые цветы и возложили к обелиску, где лежала гирлянда из вереска... Возможно, что он и не здесь похоронен. Сейчас трудно сказать. Факт тот, что мы на этой земле побывали... И получили весточку от Вас... Сейчас, когда мы стареем, идем тоже уже по наклонной, отзывчивость особенно согревает душу.

Валентина Ивановна Чернышева (г. Санкт-Петербург, 21 июня 1991 года)

В апреле 1942 года я с родителями была эвакуирована из Ленинграда, мне тогда было 9 лет... На берегу Ладоги от голода погиб мой отец, Лихоманов Иван Яковлевич, а мы с мамой, Лихомановой Антониной Ивановной, были посажены в теплушки и доехали до Вологды. Моя мама здесь была снята с поезда, т. к. уже не могла ходить. За ней пришли с носилками, я шла вслед за носилками и просила: «Мама, не умирай». Но мама умерла на другой день. Ее мертвую свезли в сарай, где было уже много мертвых. Маме в то время было 38 лет, а меня после скитаний у каких-то людей взяли в Шелыгинский детский дом Вологодского района...

Где могилы (братские, конечно) моих родителей я до сих пор не знаю... Может быть, случится чудо и Вы поможете отыскать место захоронения мамы...

Не могу писать, плачу, столько лет прошло, а все в памяти как наяву...

Елена Николаевна Цветкова (Ленинградская область, 14 января 1991 года)

Я, брат и бабушка были эвакуированы из Ленинграда в июле 1941 года, а мама в это время была на оборонных работах, я даже с ней не успела попрощаться. Мама со своей родной сестрой эвакуировались из Ленинграда зимой 1942 года, но мама не приехала. Ее сестра рассказала, что оставила маму в больнице в Бабаево или Вологде, а документов у мамы не было, их украли. Сестра записала ее в приемном покое, но куда бы мы ни писали, ответов ниоткуда не получали. Моя мама — Романович Серафима Алексеевна, 1905 года рождения...

Я знаю, какую большую работу приходится Вам вести, чтобы что-то узнать о ленинградцах, которым удалось выехать из Ленинграда, но если и ничего Вам не удалось узнать о моей маме, Вы обязательно напишите, я уже ни на что не надеюсь, только хоть что-то напишите, даже и то, что ничего узнать не удалось. Я Вас очень прошу.

Клавдия Павловна Суворова (г. Санкт-Петербург, 7 марта 1991 года)

Обращаюсь с просьбой уточнить, где, т. е. на каком кладбище, захоронена моя мама — Викторова Евдокия Ивановна. Я приезжаю в Вологду и хожу на Пошехонское кладбище к памятнику Ленинградцев. Но я не совсем уверена, что она именно на этом кладбище, т. к. мне сказали, что есть еще кладбище... На душе неспокойно. Прошу уточнить и дать мне ответ, очень буду Вам благодарна.

Антонина Семеновна Каледкина (г. Санкт-Петербург, 12 августа 1991 года)

За всеми документами с тысячами имен ленинградцев, захороненных в Вологодской земле, Вы видите нас, их живых родственников, хранящих память о них и переживших беды военного лихолетья. Но вы не очерствели сердцами, сочувствуете не вообще всем, а каждому из нас, как своим близким знакомым, с душой выполняя свой служебный или общественный высокий гражданский и человеческий долг... А при другом нравственном настрое Вы и Ваши соратники и не взяли бы за такую многотрудную миссию...

Казно себя, что раньше не прониклась остротой важности Вашей деятельности и не приняла в ней материального участия, как Ваши отзывчивые земляки, а расходы у вас громадные. 9.08. я выслала в Комитет защиты мира 200 рублей, это моя и сестры лепта в продолжение Вашего милосердного дела.

Людмила Леонидовна Косолапова (1991 год, г. Санкт-Петербург)

...Я пришла на презентацию книги «Реквием», хотела увидеть фамилию моей мамы., но, к великому горю, ее нет в этой книге. Я как бы ее не похоронила...

Наталья Степановна Авдеева (г. Санкт-Петербург, 17 января, 1991 года)

...Сейчас, читая Ваше письмо, я просто счастлива. Прочла еще и еще раз и дважды читала сестре по телефону. Спасибо Вам.

Семячкина Тамара Ивановна (г. Санкт-Петербург)

Слава Богу, находясь в отпуске, не уезжала из Ленинграда и услышала по радио о Вас и Вашей поисковой работе. Написала 2.10.90 г., получила добрый ответ и даты жизни, даты эвакуации отца, место захоронения. Обращалась в Центральный архив Ленинграда, сведений о моих родителях и обо мне нет, а после звонка в военкомат посоветовали обратиться в исполком района по адресу, указанному в Вашем ответе, откуда эвакуировался отец. В течение десяти дней исполком Ленинского района Ленинграда выслал мне лично выписку на мою фамилию, что 9.04.42 г. я была эвакуирована из Ленинграда. А с 21.12.90 г. я уже получила удостоверение «Житель блокадного Ленинграда» и медаль памятную. Дальше я, имея дату смерти отца в госпитале г. Вологды, обратилась в архив ЗАГСа г. Шарьин Костромской области с просьбой установить дату смерти мамы. Сотрудники ЗАГСа мне любезно ответили и сообщили не только дату смерти мамы, но и место ее захоронения... Моя мечта — навестить обе могилы родителей...

Лариса Георгиевна Кудряшова (г. Иваново, 1992 год)

В первой части книги «Реквием» я встретила пять человек с моей ленинградской улицы, а во второй части — троих...

Людмила Васильевна Ванчурина (г. Санкт-Петербург, 4 января 1991 года)

Получила Ваше письмо-ответ о своей матери Николаевой Е. И. Это она, безо всякого сомнения. Я теперь хоть знаю, что она не пропала без вести, что она похоронена и память о ней осталась. Вы... словно занозу вынули из моего сердца...

Мария Филипповна Крашенина (г. Санкт-Петербург, 1991 год)

Я была на встрече с Вами 26.01.91, за которую благодарна до слез. Я девятнадцатилетней была мобилизована в армию и знаю из последних писем брата, которого демобилизовали из армии по зрению, что они (он и мамочка) еле живыми, через Ладогу, эвакуируются и больше мне ни писем, ни весточки от них не было.

Дорогие мои! Убедительная просьба к Вам проверить, не зна-

чатся ли они в последующих списках «Реквиема», а данные такие: Старкова Дарья Филатьевна (1882 г.) 60 лет, Старков Михаил Филиппович (1912 г.) 30 лет...

Храни Вас Бог!

Говорят внуки

Владимир Абрамович Квятковский (г. Санкт-Петербург, 19 января 1992 года)

Пишу Вам в связи с выходом книги «Реквием 1941—1945». Наверно, тысячи ленинградцев обращались к Вам со словами благодарности за Вашу инициативу и проделанную Вами колоссальную работу по увековечению памяти погибших на вологодской земле. Примите также и от нашей семьи, и от меня сердечную благодарность и низкий поклон.

Я присутствовал на представлении книги 26 января прошлого года. Из всех выступлений меня более всего тронули слова Любви Константиновны о том, что при разборе документов эти свидетельства о погибших ленинградцах прошли не только через руки работавших с архивами, но и через их сердца. Поистине, никто не должен быть забыт.

Я собирался в течение прошлого года приехать в Вологду, посетить кладбище и обратиться к составителям «Реквиема» с просьбой включить в дополнительный том, если это возможно, запись о моем деде Иосифе Абрамовиче Квятковском. Но вот прошел год, а поездка по разным причинам так и не состоялась. Вероятно, за это время остальные части книги вышли из печати, и я опоздал со своей просьбой. Тем не менее высылаю Вам копию свидетельства о смерти моего деда... На стр. 18 Вашей книги сказано, что с 1 января по 1 апреля 1942 года эвакуированных хоронили на Горбачевском кладбище. Вероятнее всего, там должен быть захоронен мой дед, т. к. он умер 27 января 1942 года. Так, через 50 лет после смерти дошли сведения о могиле деда. Память о нем и традиции, заложенные им, до сих пор живы в семье...

Да, если многие тысячи ленинградцев все же выжили, то это только благодаря тому, что вологжане, оказывая братскую помощь, отдали этому делу все свои силы и организаторские способности: пример для нынешних поколений.

Говорит общественность

Дмитрий Сергеевич Лихачев, академик (г. Санкт-Петербург)

«Научному руководителю группы «Поиск», ректору Вологодского областного института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров В. В. Судакову

Ответственному составителю книги «Реквием 1941—1945»
Л. К. Судаковой

Председателю Северного отделения Археографической комиссии АН СССР, доктору исторических наук, профессору П. А. Колесникову

Примите самую глубокую благодарность за Ваш бесценный труд — книгу «Реквием» 1941—1945».

Желаю Вам успехов в этом благородном деле.

С уважением академик Д. С. Лихачев».

Алексей Яковлевич Гребенщиков, председатель президиума международной ассоциации жителей блокадного Ленинграда.

«Дорогие друзья! Низкий Вам поклон, великая наша благодарность за книгу «Реквием», за память о жителях блокадного Ленинграда, оказавшихся в суровые годы войны на вологодской земле и нашедших здесь свой последний приют.

«Никто не забыт и ничто не забыто!» — в этих словах наша гражданская, человеческая ответственность перед теми, кого уже нет с нами. И как дорого, что на вашей земле это не просто хорошо понимают, но и реально делают все для того, чтобы ни одно имя не исчезло бы из истории нашего народа, нашего Отечества. Прекрасный пример тому — созданный Вами «Реквием».

Мы помним, всегда будем помнить о том, как в годы войны Вологодчина всем чем могла, помогала осажденному Ленинграду. И помощь эта придавала силы тем, кто оказался в блокадном кольце, помогала выстоять и победить.

Мы понимаем, какой кропотливый труд стоит за каждой страницей созданной Вами книги. Сердечно благодарим всех, кто шел по следам каждой фамилии, возвращал из небытия память о сотнях родных и близких нам людей. Книга «Реквием» — подвиг большого патриотического звучания, так необходимый нам сегодня для духовного, нравственного воспитания новых поколений.

Ленинград и Вологда всегда были вместе — и в дни войны, и в дни мира. Вместе мы и сегодня, когда наша Родина так нуждается в возрождении подлинного уважения к своей истории, к своей воинской и гражданской славе.

Еще раз — большое Вам спасибо!».

(Письмо составителям, общественной редколлегии книги «Реквием», всем, кто создавал книгу, помогал ее изданию и распространению, всем вологжанам. 1991 год).

Михаил Александрович Дудин, поэт (г. Санкт-Петербург)

В Вологду по Дороге жизни вывозили детей и женщин, раненых и больных защитников Ленинграда. И жители Вологодчины спасали этих полумертвых людей своей беззаветной любовью, теплом души, лаской добрых рук и надеждой хлеба. Многих — спасли. Многие — погибли. Над их братской могилой спустя полвека поставлен памятник, а имена погибших бережно собраны в

книгах «Реквиема...». Мне хочется низко поклониться вологжанам за их человеческий подвиг.

(Из выступления 26 января 1991 года в Санкт-Петербурге на презентации книги «Реквием 1941—1945»).

Михаил Константинович Аникушин, скульптор (г. Санкт-Петербург)

Предлагаю положить «Реквием» в героический мемориал «Ленинград — 900 дней и ночей...». Эта книга достойна подвига. И она нужна сегодня не только нам, живым свидетелям блокады, а, в первую очередь, нужна нашим потомкам.

(Из выступления 26 января 1991 года в Санкт-Петербурге на презентации книги «Реквием 1941—1945»).

Антонина Леонтьевна Соколова (г. Санкт-Петербург, 10 апреля 1991 года)

Сообщаю о том, что с книгой «Реквием» познакомились на одном торжественном заседании Ленинградского общества «Знание», посвященном снятию блокады Ленинграда. И ко мне потом обратилась одна из родственниц, так как она нашла на стр. 86 — Базарову Клавдию Григорьевну (мать), Базарову Анну Гавриловну и ребенка — Базарову Людмилу, я дала Ваши координаты в Вологде. Затем обратилась женщина, фамилия родственников которой на букву «С» (извините, не запомнила фамилии). Огромное спасибо Вам...

Говорят составители «Реквиема»

П. А. Колесников, доктор исторических наук, профессор

В работе над «Реквиемом» принимало участие около ста человек. Мысль об этой книге возникла у членов студенческой группы «Поиск» в 1987 году. Тогда же в ее составе была выделена секция, начавшая подготовительную работу (председатель секции студентка С. Лаврова, научный руководитель ст. преподаватель Л. К. Судакова). В апреле 1988 года на научно-практической конференции исторического факультета Вологодского пединститута идеи и план книги были одобрены представителями общественности и государственных органов города и области, которые в дальнейшем тоже приняли активное участие в работе. 27 августа 1988 года в Вологде на Пошехонском кладбище был открыт мемориал ленинградцам, умершим и захороненным в городе в годы эвакуации. Он сооружен по совместному решению Ленинградского и Вологодского горисполкомов. Открытие памятника стало стимулом к активизации поисковой деятельности. На второй конференции в апреле 1989 года уже подводились первые ее итоги.

Всего выявлено умерших и захороненных в области более 17 тысяч человек. Для этого потребовалось просмотреть не менее

100 тысяч бланков записей о смерти. Более полные данные получены на 10 тысяч человек. Они и вошли в первые две части «Реквиема», вышедших в свет в 1990-м и 1991 годах. В третьей части книги будет список с наименьшим числом сведений. Однако составители считают, что даже и такой скорбный список поможет родным и близким узнать о судьбах тех, кто считается безвестно погибшим...

Из письма В. В. Судакова М. А. Дудину от 28 июня 1991 года

Сейчас, когда наши волнения по поводу презентации «Реквиема» поутихли, решил Вам написать и прежде всего самым сердечным образом... поблагодарить за ту громадную поддержку, которую Вы оказали, чтобы книга получила шанс на долгое существование. Но мне кажется, что, кроме прямого и непосредственного ее значения для тех, у кого за долгие, долгие годы изболелось ожиданием сердце и душа изнылась, — не менее важно, что у многих других людей появилась надежда, что и другие имена сотен тысяч страдальцев когда-либо будут названы. И Вы правы: только по именам счет может быть точным!

Мы приехали домой с твердым решением продолжить работу. Во-первых, у нас еще около 5 тыс. карточек было отложено в сторону. Во-вторых, кое-что удается находить по запросам, которые продолжают приходить. И, наконец, есть намерение доказать, что и на других территориях поиск возможен и необходим. Очевидно, в первую очередь побеспокоим соседей-костромичей.

Таковы наши намерения в этом отношении. Вообще-то мы и до встречи знали, что работу ostавлять нельзя. Изнурительная физически и психологически, хлопотная с точки зрения издания... Надо успеть сделать больше...

Еще и еще раз огромнейшее Вам человеческое спасибо!

Сергей Березин, студент исторического факультета Вологодского пединститута, член группы «Поиск». (Из выступления на презентации книги «Реквием» в Вологде в декабре 1990 года)

Я довольно смутно представлял, что такое война, что такое трагедия народа. Понять это помогла работа в группе «Поиск». Мог бы я выдержать с таким же мужеством и достоинством неимоверные трудности, которые выпали на долю ленинградцев? Есть ли в нас столько же доброты и милосердия, сколько их было в душах наших дедов, отцов и матерей?

Письмо В. В. Судакова И. Е. Макаровской, заведующей Вологодским областным отделом ЗАГС от 29 января 1992 года

Глубокоуважаемая Ирина Евгеньевна!

Письма от ленинградцев с просьбой выяснить судьбу канувших в неизвестность родных и близких в годы войны продолжают поступать.

Понимаем, что своими обращениями поднимаем рабочее напряжение сотрудников архива. Но уже много, благодаря Вашей огромной поддержке, много горестных слез сменилось слезами утешения, так как многие узнают места упокоения эвакуированных...

От имени всех, кому сотрудники архива помогли снять десятилетиями гнетущий их тяжелый моральный груз — приношу сердечную признательность и кланяюсь низко, от пояса, как заведено на Руси.

Да не убудет доброты Вашей!

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

Январь сорок первого

1. Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. Малое собрание соч., т. 5, стр. 79.
2. Государственный архив Вологодской области (в дальнейшем—ГАВО), ф. 3105, оп. 2, ед. хр. 3, л. 12, 13.
3. ГАВО (из собрания бывшего архива Вологодского обкома КПСС—ВПА), ф. 1858, оп. 5, ед. хр. 152, л. 5. (Наименования фондов и др. здесь и далее по системе учета бывшего ВПА).

Февраль сорок второго

1. 900 героических дней. М.—Л., Наука, 1968, с. 106.
2. Очерки истории Ленинграда, Л., Наука, 1967, т. 5, с. 241.
3. И. В. Ковалев. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М., Наука, 1981, с. 150.
4. Там же, с. 151.
5. Там же.

Март сорок второго

1. Г. А. Куманев. На службе фронта и тыла. М., Наука, 1976, с. 159.
2. Г. А. Куманев. На службе фронта и тыла, с. 156.
3. Уходили на фронт эшелоны. М., Воениздат, 1974, с. 183.
4. ГАВО (в бывш. ВПА), ф. 3105, оп. 2, ед. хр. 3, л. 78.

Апрель сорок второго

1. 900 героических дней. М.—Л., Наука, 1968, с. 106.
2. ГАВО (в бывш. ВПА), ф. 1858, оп. 5, ед. хр. 152, л. 5.
3. И. В. Ковалев. Транспорт..., с. 152.
4. Там же.
5. ГАВО, ф. 3105, оп. 2, ед. хр. 3, л. 35.
6. Очерки истории Ленинграда, т. 5, с. 241.
7. ГАВО, ф. 3105, оп. 2, ед. хр. 3, л. 32.
8. Там же, л. 78.
9. Там же.
10. Там же, л. 35.

Драма упущенных возможностей

1. Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде. М., Воениздат, 1967, с. 64.
2. Там же.
3. Непокоренный Ленинград. Л., Наука, 1970, с. 231.
4. Там же, с. 233.
5. Оборона Ленинграда. 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., Наука, 1968, с. 203.
6. Там же, с. 60.
7. К. Симонов. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине М., АПН, 1989, с. 383.
8. Сто бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., Терра, 1991, с. 55.
9. Военно-исторический журнал, 1977, № 2, с. 45—46.
10. Известия ЦК КПСС. 1990, № 9, с. 212.
11. Там же, с. 211—212.
12. ГАВО (в бывш. ВПА), ф. 2522, оп. 10, ед. хр. 77, л. 100.
13. В. М. Ковальчук. Ленинград и Большая земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941—1943 гг. Л., Наука, 1975, с. 108.
14. Там же, с. 173.
15. Очерки истории Ленинграда, т. 5, с. 197.

16. Подсчет мой.
17. Военно-исторический журнал. 1977, № 2, с. 50.
18. К. А. Мерецков. На службе народу. Страницы воспоминаний М., Политиздат, 1969, с. 251.
19. Там же, с. 253, 254.
20. Там же, с. 254.
21. Там же, с. 256.
22. Там же, с. 267, 268.
23. Очерки истории Ленинграда, т. 5, с. 239.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ОТЧЕТА

о работе Череповецкого эвакупункта
при исполкоме Вологодского Совета депутатов трудящихся
за период с 1 января по 24 апреля 1942 года

Работа эвакупункта в этот период имела свои особенности, заключавшиеся в том, что необходимо было организационно до мелочей продумать встречу в условиях зимы слабого по состоянию здоровья населения г. Ленинграда. Надо было, начиная с выдачи талонов на питание и кончая снабжением эшелонов топливом, поставить эвакунаселение в такие условия, чтобы они быстро прошли через пункты питания, чтобы в достаточном количестве вагоны были снабжены топливом до Вологды.

Прием эвакуэшелонов. Информация о подходе эвакуэшелонов была поставлена значительно лучше прошлого периода, что дало возможность проводить и лучшую подготовку к приему эшелонов. Каждый эшелон встречался начальником или его помощником. Для приема и обслуживания эвакуированных был привлечен актив в среднем количестве 25 человек. Он при подходе эшелонов представлялся на перроне и в качестве указателей на территории станции. Работники милиции ст. Череповец исключительно добросовестно проводили работу по поддержанию порядка во всех точках, связанных с обслуживанием эвакуированных.

Из числа привлеченного актива особо выделялись члены ВЛКСМ Иванова Клавдия, Субботина Римма, Беляева Анна Николаевна, Драницына Екатерина. Из числа беспартийных отлично работали Авдокина Антонина и Матвеев Сергей Иванович. Все они, не считаясь со временем, ежедневно работали по 12 часов. Устанавливали порядок на питательных пунктах, оказывали помощь больным в получении пищи и посадке, давали справки по вопросам, которые интересовали проезжающих. Из работников оперативного пункта милиции (следует) отметить командира отделения Лекнова Василия Александровича, ст. милиционера Дружинина Василия Петровича, милиционеров Кадаченко Григория Харитоновича, Колесова Ивана Ивановича, Кокушенкова Павла Ивановича и Чистякова Петра Осиповича...

С 1 января по 23 апреля включительно через ст. Череповец прошло в эшелонах 519 546 чел. и проведена посадка в эшелоны из общежития эвакупункта 7 333 чел., всего прошло 526 879 чел. Весь этот период пункт обслуживался тремя ответственными дежурными эвакупункта. Работа их заслуживает того, чтобы их отметить.

1. Вайнруб Сима Матвеевна, член ВЛКСМ, образование среднее. С сентября по 1 декабря (1941 г. — Г. А.) работала внештатным

работником на пристани по переезде людей и по организации питания. С 1 декабря зачислена в штат дежурным на вокзале. К запросам эвакуированных относилась серьезно, обязанности, не считаясь с усталостью, выполняла добросовестно. (В момент написания справки больна тифом). 2. Мудролюбова Людмила Павловна, член ВЛКСМ, образование среднее. Работала отлично. Больна тифом. 3. Печорина Тамара Георгиевна, член ВЛКСМ, образование среднее. С августа до 1 декабря (1941 года — Г. А.) работала внештатным работником. С 27 марта (1942 года — Г. А.) выдвинута на секретаря пункта, до этого отлично работала на вокзале.

Многое в работе пункта зависело от помощи работников железнодорожного транспорта. Особо много помогал эвакуационному пункту Савичев Павел Васильевич — заместитель начальника вокзала станции Череповец... На транспорте работает 39 лет. В период своего дежурства по вокзалу т. Савичев всегда старался создать лучшие условия для эвакуированных. Он помогал при посадке, изыскивал и оборудовал дополнительные вагоны, добивался прицепки оборудованных вагонов с эвакуированными к проходящим эшелонам. В дежурстве т. Савичева ни один из эвакуированных не засиживался на вокзале. Запросы и требования эвакуированных выполнял быстро и точно.

Работа на станции Череповец возглавлялась помощником начальника эвакуационного пункта Батраковым Александром Ивановичем, который руководил работой всего аппарата пункта, работавшего на станции Череповец. Посуточное дежурство на станции несли поочередно с начальником пункта.

Организация питания. Питание было организовано в трех точках: столовая головного буфета ст. Череповец, столовая Трансторгпита и столовая мясокомбината. В столовых эвакуированные получали обед и хлеб по 500 граммов на человека по талонам эвакуационного пункта. Выдача талонов производилась в двух точках. Питание эшелона в среднем продолжалось 2—3 часа. Подготовка пищи кухнями производилась очень быстро, качество пищи за отдельными исключениями, когда она в готовом виде стояла долго в ожидании подхода эшелона, было удовлетворительное. Диетическое питание организовано не было, но в отдельных случаях по заявкам начальников эшелонов готовилась пища для детей и больных. Перебор с получением муки вызывали затруднения с организацией питания. Ряду эшелонов хлеб выдавался не по 500 грамм, а по 200—300 г и соответственно добавлялось печенье по 300—200 г на человека. Всего с 1 января по 23 апреля включительно отпущено обедов 672 237. Ряд эшелонов из-за длительной стоянки по вине железной дороги приходилось кормить по два раза. Пропус-

тить также количество обедов столовые могли только лишь благодаря замечательно четкой работе ряда работников кухни и столовой.

Медико-санитарное обслуживание. До открытия медпункта на станции Череповец обслуживание эвакуированных ленинградцев производилось медчастью эвакуопункта, врачами Аншелевич и Файтельсон, оказывавшим медпомощь эвакуированным в эшелонах с раздачей нужных медикаментов. В необходимых случаях тяжелобольные снимались с эшелонов и направлялись в изолятор эвакуопункта, реже — в больницу, т. к. последняя из-за постоянного переполнения отказывалась большей частью принимать больных с эшелонов. Амбулаторная помощь эвакуированным оказывалась в железнодорожной поликлинике. С открытием медпункта в начале февраля (1942 года — Г. А.) круглосуточное дежурство на вокзале проводилось вышеназванными врачами эвакуопункта, к которым 15.02. присоединился врач Фонарев. Из среднего медперсонала эвакуопункт предоставил в распоряжение медпункта 2 медсестер, железнодорожная поликлиника — 2 сестер, 1 фельдшера и 3 санитарок.

Каждый прибывавший эшелон осматривался врачом и медсестрой, в эшелоне же эвакуированным давались советы, лекарства, выявлялись и снимались по мере возможности тяжело больные, большую часть которых приходилось из-за ничтожной емкости подведомственных горздравотделу лечебных учреждений направлять в изолятор. Интенсивная и чрезвычайно напряженная работа проводилась медчастью эвакуопункта бесперебойно днем и ночью, одновременно как на вокзале, так и в изоляторе, и в общежитии эвакуопункта. Врачи эвакуопункта посещали также больных эвакуированных ленинградцев на дому.

С 15 марта Череповецкий горздравотдел прикомандировал к медпункту трех направленных Вологодским облздравотделом врачей. Вследствие переполнения изолятора тяжело больными (50) врачи Аншелевич и Файтельсон развернули свою деятельность главным образом в пределах изолятора, который в силу непредвиденных обстоятельств из изолятора превратился фактически в стационар. Медпункт на вокзале устроен был в комнате, выделенной сплошными стенками из помещения вокзала, назначенного для ожидания пассажиров, где помещался газетный и книжный киоски, и где было постоянное скопление огромного количества людей. Несмотря на все старания эвакуопункта о перенесении медпункта в другое, более подходящее место, во избежание недопустимого контакта между больными и здоровыми, медпункт остается на прежнем месте. С 1.01. по 22.04.42 г. через медпункт прошло 4634 эвакуированных. Через санпропускник (баню и дезока-

меру) — 694. За этот же период снято было с эшелонов больных 704 чел., из которых направлены в изолятор 346. Снято с эшелонов трупов — 1301.

Работа изолятора. Существовавший при эвакуункте изолятор рассматривался руководством и медчастью эвакуункта как учреждение, целью которого является изоляция эвакуированных больных на короткий срок, до выяснения диагноза заболевания, с последующим распределением больных по соответствующим медучреждениям. К сожалению, лечебная сеть города Череповца оказалась настолько неподготовленной к приему значительного количества эвакуированных больных ленинградцев, что последние должны были быть направлены в изолятор. Из изолятора же больных местные больницы большей частью отказывались принимать с постоянной мотивировкой: отсутствие свободных коек.

Большую часть снятых с эшелонов и направленных в изолятор больных составляли тяжелые дистрофики с поносами, гемоколитом, многие из которых находились в бессознательном состоянии или в состоянии агонии, в результате чего наступал летальный исход. С 1.01.42 по 23.04.42 через изолятор прошло 346 чел., которые по характеру болезни распределяются: дистрофия — II (6. часть с энтероколитом, часть с гемоколитом) — 140. Дистрофия III—116. Остальные — небольшой процент — разные другие болезни. Привезено с эшелонов в состоянии агонии — 59 чел., скончалось в течение первых трех дней—43, скончалось во время дальнейшего пребывания — 34. Всего смертных случаев за этот период было 136, что составляет 26 процентов. Как видно, наибольший процент принятых в изолятор больных составляли дистрофики (II). На втором месте дистрофия III — состояние сильнейшего истощения, агонизирующие и т. д. Другие заболевания, по сравнению с первыми, небольшой сравнительно процент, отходят на задний план. Тяжесть заболеваний поступавших в изолятор больных делала понятным тот высокий процент смертности, который наблюдался среди них.

Срок пребывания эвакуированных больных колебался между 5 днями и 1—2 месяцами. Чем резче была выражена дистрофия у больного, тем больше времени требовалось для его реперации, несмотря на достаточный калораж получаемого больным питания в изоляторе. В отношении последнего руководству и медчасти эвакуункта удалось добиться многого. Больные получают ежедневно жиры (масло), сахар, молоко, мясо, каши, клюкву в большом количестве, в последнее время — яйца. Проводилась тщательная санобработка поступавших больных и дезинфекция их вещей (т. к. поступали с большой завшивленностью)... (Далее помимо названных врачей, отмечается хорошая работа среднего медицинского и обслуживающего персонала. Медсестра Корсакова Анна Афа-

насывна «без усталы работала на своём участке днем и ночью, часто — целыми сутками». Санитарка Синицына Валентина Ивановна «с изумительной теплотой и лаской относилась к больным». Санитарка Рогозина Мария Степановна «заботу о больном и стремление удовлетворить его нужды ставит на первое место... При санобработке вновь принятых больных... заразилась сыпным тифом. Выздоровев, она вернулась снова на работу в изолятор».—Г. А.).

(Отчет подписал 26 апреля 1942 года начальник Череповецкого эвакуопункта П. Е. Малков. Документ находится в Государственном архиве Вологодской области. (Бывш. ВПА, ф. 1858, оп. 5, ед. хр. 152).

ИЗ ОТЧЕТА-ИНФОРМАЦИИ

**по обслуживанию питанием эвакуанаселения,
проследовавшего из г. Ленинграда, предприятиями конторы
транспортных буфетов Северной железной дороги
с 21 января по 25 апреля 1942 года**

По указанию Главного управления на контору была возложена задача организовать питательные пункты и обслужить через них горячим питанием эвакуированных, едущих из г. Ленинграда. Для этой цели конторой были использованы железнодорожные буфеты: ст. Тихвин, ст. Бабаево, ст. Череповец, ст. Вологда. Также принимали участие в обслуживании эвакуанаселения буфеты ст. Буй, Шарья, Данилов. Через буфет ст. Тихвин прошло и обслужено питанием 97 тыс. человек., Бабаево— 103 867, Череповец—358 000, Вологда—201 892 чел.

Вся сеть железнодорожных буфетов в мирное время была приспособлена лишь для небольшого числа проезжающих пассажиров, и ни в коем случае не отвечала условиям пропуска такого потока и его обслуживания горячей пищей — вследствие недостаточной мощности кухонь буфетов. Решение этой проблемы вынудило в пунктах питания увеличить производственную мощность кухонного хозяйства путем дополнительной вмазки котлов. По Вологодскому головному буфету было вмазано 2 больших котла по 1000 л. каждый, по Череповецкому— 3, по Бабаевскому головному буфету потребовалась установка большого титана, а в Тихвине пришлось создать новую кухню.

Наряду с этим была перестроена работа аппарата в буфетах, потребовалось увеличение количества работников, изменена организация обслуживания, и в 3—4 раза было увеличено раздач, отпускающих пищу, было завезено необходимое количество посуды и инвентаря, а на важнейших участках следования эвакуопотока— Вологда, Череповец, Бабаево, Тихвин—находились ответственные работники конторы и Главка. На участке Тихвин руководил орга-

низацией питания и восстановлением буфета Тихвин зам. начальника Главка Твиритинов Алексей Алексеевич, на участке Бабаево—Череповец зам. директора конторы Юзгин Н. М., на участке Вологда директор конторы Титов А. Н.

Все эти мероприятия обеспечили решение задач по обслуживанию ленинградцев.

Для нужд питания ленинградцев от Вологодского облторгдела было получено и израсходовано продуктов (кг): колбаса—8630, мясо — 47628, птицы—300, масло животное—13 072, сгущенное молоко—1983, молоко цельное—1628, крупа—72 517, мука ржаная—239 601, сахар—6223, кондитерские изделия—4460, яйца—5 ящиков, рыба свежая —2000. Кроме того, дополнительно получено в адрес конторы непосредственно от Наркомторга СССР и израсходовано для этой же цели: кондитерские изделия (печенье, кофе, пряники, конфеты)—16 т, мясо—10 т, яйца—46 ящиков, сухие овощи (картофель, лук)—8 т. Это и дало возможность удовлетворительно без срыва обслужить питанием все проходящие эшелоны с эвакуированным населением.

Недостаток: неравномерное распределение продуктов питания по пунктам; отсутствие на базах Череповца и Бабаева муки и крупы, поэтому иногда здесь эвакуированные получали не 500, а по 200 г. хлеба; неполное использование столовых, например, в Череповце 4/5 ленинградцев пришлось обслуживать одному буфету.

Организация обслуживания питанием ленинградского эвакуотока системой Трансторгпита СЖД была с 24.01 по 24.04.42 г. в следующих пунктах дороги: по ст. Вологда с удельным весом 65 проц. всех эвакуопоездов, Череповец—40 проц., Бабаево — 70 проц. Остальной процент пропущенного контингента через сеть общественного питания падает на систему головных буфетов станций. Стопроцентное обслуживание по Вологде всех эвакуопоездов выдачей сухого пайка на дорогу.

Обслужено через столовые: ст. Череповец — до 236 000 чел., Бабаево — 432 000, Вологда—467 000. В целях наиболее быстрого обслуживания эвакуотока были расширены и специально приспособлены существовавшие столовые: на ст. Вологда II был выделен отдельный изолированный обеденный зал на 350 посадочных мест (столовая № 4). На станции Вологда-I выделена особая столовая и расширена с 200 до 400 посадочных мест. Ст. Череповец — столовая расширена с 50 до 90 мест. Ст. Бабаево — выделена отдельная столовая на 150 мест. Во всех столовых было увеличено число касс, раздаточных окон, отдельно для отпуска обедов в посуду потребителя и отпуска через официанток в посуду столовой. Увеличен штат обслуживающего персонала, сделаны отдельные входы и выходы из столовой, чтобы не создавать встречного потока. Все это вместе взятое дало возможность устранить

очереди и ускорить обслуживание. Среднее время обслуживания эшелона составляло 3 ч. 45 мин.—4 часа. Руководство СЖД на основе многочисленных благодарностей эвакуированных объявило через газету «Северный путь» благодарность коллективу столовой Бабаево за четкое, внимательное обслуживание и хорошее питание эвакуированных.

Работа столовых не везде была достаточно четкой, имелись и крупные недостатки, вызывавшиеся недостатком столовой посуды, ложек, перебоями с доставкой продуктов и др.

Система Трансторгпит обслуживала эвакуопоток через свои магазины в Вологде выдачей сухого пайка. Специально были выделены на ст. Вологда-I магазин № 1 и на ст. Вологда-II магазин № 4 и ларек № 5. Магазины были укомплектованы лучшими продавцами. Сухой паек, как правило, заблаговременно подготавливался, продукты расфасовывались, что ускоряло обслуживание. Имелись случаи некоторых задержек с подвозкой хлеба и продуктов в магазины, что приводило иногда к удлинению срока обслуживания.

(Отчет-информация находится в Государственном архиве Вологодской области. (Бывш. ВПА, ф. 1858, оп. 5, ед. хр. 152).

ИЗ СЛУЖЕБНОГО ДОКЛАДА начальника пассажирской службы управления Северной железной дороги. 1942 год (В авторском изложении)

С 1 июня по 30 августа 1942 года прошло 188 поездов с эвакуированными ленинградцами. За это время перевезено 383 438 человек, в том числе в июне—76 973, в июле — 224 100, за 30 дней августа—82365. (В «Очерках истории Ленинграда», т. 5, стр. 298 называются такие цифры вывоза ленинградцев из города: в июле—свыше 227 тысяч человек, в августе—свыше 90 тысяч. Следовательно, в эти месяцы абсолютное большинство ленинградцев эвакуировались по Северной железной дороге—Г. А.). Среднесуточная скорость продвижения эвакуопоездов должна была составлять (по расписанию НКПС) 304 километра, фактически была 405. Отдельные шли со скоростью 500 километров и выше. В местах пунктов питания поезда в среднем стояли: в Бабаево—1,8 часа; в Череповце — 2,3; в Вологде—4,5. Значительно улучшилось медицинское обслуживание. Заболеваемость и смертность в пути по сравнению с зимними перевозками имели небольшой процент.

(Документ находится в Государственном архиве Вологодской области, ф. 1300, оп. I, ед. хр. 600, л. 226—227).

Для справки. Всего с мая по ноябрь 1942 года из Ленинграда выехало 448 694 жителя. К концу 1942 года массовая эвакуация была завершена. К началу 1943 года в Ленинграде проживало всего 637 тыс. человек гражданского населения. В результате эвакуации доля самодельного населения возросла с 51 процента в 1940 году до 82 процентов в 1943 году. (Данные взяты из «Очерков истории Ленинграда», т. 5, стр. 299).

За оборону Ленинграда

В ноябре 1942 года многие вологжане были награждены Почетными грамотами исполкома Вологодского областного Совета депутатов трудящихся «за самоотверженную работу по эвакуации населения из города Ленинграда в дни Великой Отечественной войны с германским фашизмом», а также денежными премиями.

Большая группа вологжан награждена медалями «За оборону Ленинграда». На 1 сентября 1948 года Вологодским облисполкомом было получено 313 медалей для вручения вологжанам, оказавшим большую помощь ленинградцам и Ленинградскому фронту на территории Вологодской области или в командировках за ее пределами, а также работавшим на Северной железной дороге. Значительная часть из этого количества награждена за участие в проведении эвакуации.

Документы, ныне хранящиеся в архивах, оставили имена многих из тех, кто спасал ленинградцев. Вот некоторые из них.

Работницы медпункта станции Вологда-I: Т. М. Нечаева, медсестра; М. Ф. Нечаева, сандружинница; Ю. И. Неуступова, санитарка; А. А. Морозова, сандружинница; Н. М. Шаманаева, работница Вологодского паровозо-вагоноремонтного завода, сандружинница при медпункте ст. Вологда-II; М. Н. Сойна, врач медпункта станции Вологда-I; З. А. Соколова, начальник медпункта станции Вологда-II; И. С. Олейникова, начальник 18-го врачебного участка (ст. Бабаево); Н. Р. Карась, заведующая медпунктом станции Бабаево; О. Е. Кузнецова, ответственная дежурная на эвакуопункте станции Вологда I; Е. А. Туязкова, дежурная по раздаче талонов эвакуированным на станции Вологда-I; Н. М. Петухова, Н. Н. Шашукова, В. А. Кочурова, Е. М. Разницына — дежурные эвакуопункта станции Вологда-II; А. Н. Баринаева, А. С. Боричева, З. И. Моссенова, В. А. Ярополова, Л. Н. Лисицына — работницы эвакуопункта станции Вологда-I; З. И. Славоросова, Е. А. Маслова — дежурные по вокзалу станции Вологда; А. П. Иванова, повар столовой № 1 райтрансторгпита ст. Бабаево; Ф. П. Березнякова, домохозяйка, работница-общественница в этой же

столовой; Л. А. Вашпарова, повар столовой № 2 райтрансторгпита ст. Череповец; Н. А. Шиян, бригадир по смене станции Вологда-II; М. А. Громова, старший бригадир по смене станции Вологда-II; А. Н. Головкина, дежурная-учетчица эвакуопункта станции Вологда-II; М. С. Студенцова, старший бригадир и учетчик эвакуопункта станции Вологда II; М. В. Виноградова (эвакуопункт станции Вологда-II)...

Геннадий Александрович АКИНЬХОВ
ЭВАКУАЦИЯ

Редактор **В. В. Судаков**
Художественное оформление **С. Е. Микрюков**
Техническое редактирование **И. М. Зейфман**
Корректор **Л. Н. Квашнина**
Ответственный за выпуск **В. Б. Конасов**

Сдано в набор 27.10.92. Подписано в печать 16.12.92. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура литературная. Бумага типографская. Печать высокая. Объем 7,64 п. л.
Тир. 5000. Заказ 2789. Цена договорная.

Издательство Вологодского областного института повышения квалификации
и переподготовки педагогических кадров
160012, г. Вологда, ул. Козленская, 99а
Усть-Кубинская районная типография, 161140, п. Устье, Набережная, 1